

ЭНВЕР ХОДЖА

**ЕВРОКОММУНИЗМ
ЭТО
АНТИКОММУНИЗМ**

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЭНВЕР ХОДЖА

ЕВРОКОММУНИЗМ
ЭТО
АНТИКОММУНИЗМ

(«8 NËNTORI», TIRANË, 1980)

НАУКА МАРКСИЗМ

2021

ИНСТИТУТ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ ЦК АПТ

«8 НЕНТОРИ», ТИРАНА, 1980

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. НОВАЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ И ПОЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО РЕВИЗИОНИЗМА.....	9
ОППОРТУНИЗМ — ПОСТОЯННЫЙ СОЮЗНИК БУРЖУАЗИИ	9
ПОБЕДА НАД ФАШИЗМОМ И КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ ИМПЕРИАЛИЗМА	11
СОВРЕМЕННЫЙ РЕВИЗИОНИЗМ У ВЛАСТИ — НОВОЕ ОРУДИЕ БУРЖУАЗИИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ РЕВОЛЮЦИИ И СОЦИАЛИЗМА.....	14
II. ЕВРОКОММУНИЗМ — ИДЕОЛОГИЯ ПОДЧИНЕНИЯ БУРЖУАЗИИ И ИМПЕРИАЛИЗМУ	31
НАЧАЛО СОВРЕМЕННОГО РЕВИЗИОНИЗМА В КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЯХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ	32
ОБЪЕДИНЕНИЕ С ХРУЩЕВСКИМИ РЕВИЗИОНИСТАМИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА И РЕВОЛЮЦИИ	39
ОТ РЕВИЗИОНИСТСКОГО ОППОРТУНИЗМА К БУРЖУАЗНОМУ АНТИКОММУНИЗМУ	50
БУРЖУАЗНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О БУРЖУАЗНОМ ОБЩЕСТВЕ	53
«СОЦИАЛИЗМОМ» ЕВРОКОММУНИСТОВ ЯВЛЯЕТСЯ НЫНЕШНЯЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА	61
«ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ» ПУТЬ К СОЦИАЛИЗМУ — МАСКА ДЛЯ ЗАЩИТЫ БУРЖУАЗНОГО ГОСУДАРСТВА	72
«НЕЗАВИСИМОСТЬ» ЕВРОКОММУНИСТОВ ЕСТЬ ЗАВИСИМОСТЬ ОТ КАПИТАЛА И БУРЖУАЗИИ.....	78

III. РЕФОРМИСТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОПОРТУНИЗМ — ОСНОВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЕВРОКОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ	91
КОНСТИТУЦИЯ БУРЖУАЗНОГО ГОСУДАРСТВА — ОСНОВА ТОЛЬЯТТИНСКОГО СОЦИАЛИЗМА	91
ПРЕЕМНИКИ ПРУДОНА ВО ФРАНЦИИ	99
ВОПИЮЩИЙ РЕВИЗИОНИЗМ.....	110
IV. ЗНАМЯ РЕВОЛЮЦИИ ВЫСОКО ДЕРЖАТ И НЕСУТ ВПЕРЕД ТОЛЬКО МАРКСИСТЫ-ЛЕНИНЦЫ	119

На IX съезде Коммунистической партии Испании, состоявшемся в апреле 1978 года, каррильовские ревизионисты заявили, что их партия является уже не марксистско-ленинской партией, а «марксистско-демократической и революционной партией». «Считать ленинизм марксизмом нашей эпохи, — заявил Каррильо, — неприемлемо».

Французские ревизионистские руководители предложили своему XXIII съезду, созванному в мае 1979 года, отказаться в партийных документах от ссылки на марксизм-ленинизм и вместо него употреблять выражение «научный социализм».

И итальянские ревизионисты на состоявшемся в апреле 1979 года XV съезде своей партии изъяли из устава требование о том, что члены партии должны овладевать марксизмом-ленинизмом и проводить в жизнь его положения. «Формула «марксизм-ленинизм» не отражает всего богатства нашего теоретического и идейного наследия» — заявили тольяттинцы. Теперь членом итальянской ревизионистской партии может быть любой человек, независимо от идеологии, которой он придерживается или которую он проводит в жизнь.

Тем самым ревизионисты-еврокоммунисты и формально и во всеуслышание закрепили окончательный разрыв с марксизмом-ленинизмом, что практически они сделали уже давно. Очень довольная этим быстрым и полным социал-демократическим преобразованием вышеупомянутых партий, буржуазная пропаганда назвала 1979 год «годом еврокоммунизма».

В условиях, когда европейская буржуазия переживает большие трудности в силу острого экономического и политического кризиса, когда негодование масс против последствий этого кризиса и капиталистического гнета и эксплуатации все время растет, ничто не может служить ей лучше, чем антимарксистские взгляды и антирабочая деятельность еврокоммунистов. Ничто не может содействовать стратегии империализма, направленной на подавление революции, подрыв освободительных войн и установление мирового господства, больше, чем пацифистские, капитулянтские и коллаборационистские ревизионистские течения, включая сюда и еврокоммунизм.

Западная буржуазия не скрывает своего восторга по поводу того, что ныне рядом с социал-демократами и фашистами выстроились и ревизионисты-еврокоммунисты и что все они вместе, всеми средствами обрушиваются на революцию, марксизм-ленинизм, коммунизм. Капиталисты очень радуются тому, что готовят новых управляющих своими делами для постепенной замены ими социал-демократов, которые во многих странах долгой службой в аппаратах буржуазной власти и своей открытой борьбой против рабочего класса и дела социализма стали союзниками крайней реакции и сильно скомпрометировали себя в глазах трудящихся. Социал-демократы уже слились с высшим классом буржуазии не только идеологически и политически, но и в социальном отношении. Буржуазия возлагает ныне большие надежды на то, что ревизионисты-еврокоммунисты станут главными охранниками капиталистического строя, знаменосцами контрреволюции. Но господа капиталисты напрасно спешат торжествовать победу.

Вот уже более одного века коммунизм бросает в ужас капиталистическую буржуазию, помещиков и империалистов, вселяет страх в оппортунистов, ренегатов марксизма-ленинизма. Уже более столетия марксизм-ленинизм руководит пролетариатом в битвах за низвержение капитализма и победу социализма. Его победоносное знамя долгое время развевалось во многих странах, и рабочие, крестьяне, народная интеллигенция, женщины и молодежь вкушали плоды той свободной, справедливой и равноправной человеческой жизни, за которую боролись Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин. И если социализм свергнут в Советском Союзе и в других странах, где победила контрреволюция, то это не говорит о поражении марксизма-ленинизма и о его неполноценности, как утверждают буржуа и ревизионисты.

Великие вожди пролетариата, Маркс и Ленин, подчеркивали и указывали, что революция не есть триумфальное шествие по прямой линии. У нее будут удачи, но и неудачи, она пробивается вперед зигзагообразно и постепенно идет на подъем. История развития человеческого общества показывает, что замена одной общественной системы другой, более высокой системой, реализуется не за день, а охватывает целую историческую эпоху. Буржуазные революции, сменившие феодальную эксплуататорскую систему капиталистической системой, также во многих случаях и во многих странах не смогли избежать контрреволюции. Свидетельство этому — Франция, где буржуазной революции, хотя она была самой глубокой и самой коренной революцией тех времен, не удалось сразу установить и закрепить капиталистический строй. После первой победы, одержанной в 1789 году, буржуазии и трудящимся массам пришлось снова неоднократно подниматься на революцию, чтобы свергнуть феодальную монархию бурбонов и феодальную систему вообще, и окончательно установить буржуазный строй.

Эпоха пролетарских революций только что началась. Наступление социализма является исторической необходимостью, вытекающей из объективного развития общества. Победа его неминуема. Совершенные контрреволюции, воз-

никающие препятствия могут еще некоторое время продлить существование старой эксплуататорской системы, но они не в силах остановить шествие человеческого общества к своему социалистическому будущему.

Для защиты капиталистической системы еврокоммунизм старается воздвигнуть перед революцией баррикаду из колючек и шипов. Но пламя революции уничтожало и сносило не то, что подобные баррикады, но и целые крепости, воздвигнутые буржуазией.

Ревизионисты, в особенности еврокоммунисты, не первыми атакуют марксизм-ленинизм и предают его самым яростным анафемам. Буржуазной реакцией и империалистами измучены и умерщвлены в тюрьмах тысячи и сотни тысяч коммунистов и борцов за революцию, воспринявших идеи марксизма-ленинизма и боровшихся за освобождение пролетариата и народов. Труды Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина фашисты сжигали на площадях городов, а во многих странах людей еще расстреливают, узнав, что они читают их труды или же втайне с восхищением и надеждой нашептывают их имена. Никакой библиотеке не вместить книги, журналы, газеты и разные издания, обрушивающиеся с выпадами на марксизм-ленинизм, никаких подсчетов нельзя произвести и никакого представления нельзя создать о масштабах и широте антикоммунистической пропаганды империализма.

Тем не менее марксизм-ленинизм не уничтожен. Он живет и процветает как идеология и как действительность, воплощенная в созданной на основе его учения социалистической общественной системе. Примером этого служит социалистическая Албания, служат марксистско-ленинские партии, миллионы и миллионы рабочих и крестьян, каждый день борющихся за низложение буржуазии, за демократию и национальное освобождение. Никакой силе, никаким попыткам, никаким козням и никакому обману не вытеснить марксизм-ленинизм из умов и сердец людей.

Учение Маркса и Ленина — не схема, составленная в кабинетах философов и политиков. Оно отражает объективные законы развития общества. Люди труда, и не будучи знакомыми с марксизмом-ленинизмом, борются за избавление от гнета и эксплуатации, за низвержение патронов и тиранов, за то, чтобы свободно жить и пользоваться плодами своего труда. Но, ознакомившись с учением Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, они находят верный путь в этой борьбе, находят компас, ориентирующий их в капиталистических джунглях, приобретают свет, который озаряет им светлое социалистическое будущее.

Ревизионисты норовят испортить трудящимся этот компас, пытаются погасить им этот свет, стараются лишить их этой перспективы.

До позднего времени ревизионистские партии Запада присоединялись к хрущевско-империалистической антикоммунистической кампании против Сталина. Они с большим рвением трубили об «избавлении от сталинизма», чтобы вернуться, мол, к ленинизму, который, по их утверждениям, был извращен Сталиным. Сегодня же они проповедуют отход от ленинизма, чтобы «идти» к основоположникам научного социализма, Марксу и Энгельсу.

Быстрый подъем по лестнице измены марксизму- ленинизму эти ренегаты изображают как утомительное восхождение на гору в поисках источника коммунистической истины. Но ревизионисты, будь это хрущевцы или еврокоммунисты, одинаково, с той же яростью и коварством борются как против Сталина, так и против Ленина и Маркса.

Сосредоточение огня поначалу на Сталина, временно оставив Ленина в стороне, было сугубо тактическим вопросом. Классовая логика подсказывала империалистам и ревизионистам, что в данный момент целесообразнее было разгромить вначале социализм в Советском Союзе, нанести сначала марксизму- ленинизму удар там, где он был осуществлен на практике. Буржуазия и реакция отдавали себе отчет в том, что капиталистическое вырождение Советского Союза весьма способствовало бы их борьбе за разложение также не стоявших у власти коммунистических партий.

Имя и дело Сталина были связаны с основанием государства диктатуры пролетариата в Советском Союзе и со строительством социализма в этой стране. Очерняя Сталина и общественную систему, за которую он всю жизнь боролся и работал, реакция и все антикоммунистическое отродье стремились уничтожить не только крупнейшую и мощнейшую базу социализма, но и коммунистическую мечту сотен и сотен миллионов людей в мире. Обрушиваясь на Сталина и его дело, они хотели вселить в борцов за революцию дух пессимизма, вызвать у них горькое чувство разочарования человека, который бессознательно руководствовался ложным идеалом.

Однако, несмотря на большие надежды, которые они возложили на кампанию против Сталина, несмотря на победу контрреволюции в Советском Союзе и в других странах, революция не была побеждена, марксизм-ленинизм не был уничтожен, социализм не был ликвидирован. Хрущевская измена была большой изменой, но она не оказалась в состоянии свалить славное знамя марксизма-ленинизма, которое всегда высоко несут настоящие революционеры, миллионы людей, верящих в его неиссякаемую силу. Если хрущевизм был разоблачен как контрреволюционная идеология реставрации капитализма и как великодержавная политика мирового господства, то марксизм- ленинизм остался идеологией, ведущей к победе революции и освобождению народов.

Ревизионисты ополчились теперь против ленинизма. Естественно возникает вопрос: зачем предпринимается это наступление на ленинизм и почему знаменосцами этого наступления являются именно еврокоммунисты?

Подобно Хрущеву, который, атаковав Сталина, хотел нанести удар теории и практике социалистического строительства, еврокоммунисты, развертывая наступление на Ленина, хотят нанести удар теории и практике пролетарской революции. Дело Ленина весьма широкое, но оно тесно связано как раз с подготовкой и совершением революции. Вот почему подобно тому, как Хрущев не мог ликвидировать социализм в Советском Союзе, не устранив с пути Сталина, и еврокоммунисты не могут торпедировать и до конца подорвать революцию, не вытеснив Ленина из умов и сердец трудящихся.

В борьбе за отрицание и опошление марксизма- ленинизма буржуазия всегда имела на своей стороне, в зависимости от момента, всякого рода оппортунистов, ренегатов всех красок. Все они предвещали конец марксизма, называли его неподходящим для новых времен, а свои «современные» идеи рекламировали как науку будущего. Но чем кончились Прудон, Лассаль, Бакунин, Бернштейн, Каутский, Троцкий и их сторонники? В истории о них ничего положительного нет.

Их проповеди служили лишь обузданию и торпедированию революции, подрыву борьбы пролетариата, подрыву социализма. В борьбе с марксизмом-ленинизмом они были побеждены и выброшены в мусорный ящик. Из мусорного ящика то и дело извлекают их новые оппортунисты, выдавая за свои их обанкротившиеся и разоблаченные формулы и тезисы и противопоставляя их марксизму-ленинизму. Так поступают сегодня и еврокоммунисты.

В своем стремлении отрицать марксизм-ленинизм под предлогом его «устарения» и поисков новых теорий для перехода в социализм всем вместе, пролетариям и буржуа, священникам и полицейским без классовой борьбы, без революции, без диктатуры пролетариата, еврокоммунисты не первые и не оригинальные.

Наша Партия Труда уже давно подвергла анализу и разоблачила антимарксистские теории и контрреволюционные действия югославских и советских ревизионистов. Она отвергла также оппортунистические и буржуазные воззрения и позиции китайских ревизионистов. Не преминула раскритиковать коммунистические партии Западной Европы за их идейное и организационное вырождение. Но в этой книге мы подробнее остановимся на разборе и критике антикоммунистических концепций и тезисов ревизионистского течения, которое приносит большой вред делу революции и социализма не только в Европе, но и во всем мире. Капиталистические крестные отцы окрестили это течение современного ревизионизма еврокоммунизмом, а для нас, марксистов-ленинцев, оно есть антикоммунизм.

I.

НОВАЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ И ПОЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО РЕВИЗИОНИЗМА

ОППОРТУНИЗМ — ПОСТОЯННЫЙ СОЮЗНИК БУРЖУАЗИИ

Появление современного ревизионизма, как и старого ревизионизма — это общественное явление, обусловленное разными и многочисленными историческими, экономическими, политическими и другими причинами. В целом, он продукт давления буржуазии на рабочий класс и его борьбу. Оппортунизм и ревизионизм, как и в наши дни, с самого начала были тесно связаны с борьбой буржуазии и империализма против марксизма-ленинизма, неотъемлемой частью большой капиталистической стратегии, направленной на подрыв революции и увековечение буржуазного строя. Чем больше продвигалось вперед дело революции, чем больше марксизм-ленинизм распространялся среди широких народных масс, тем больше внимания уделял империализм использованию ревизионизма как своего излюбленного оружия и противопоставлял его победоносной идеологии пролетариата с целью ее подрыва.

Так произошло в начале второй половины XIX века, после выхода в свет «Коммунистического манифеста» и других произведений Маркса и Энгельса и роста влияния марксизма на трудящиеся массы Европы. Именно в это время распространились в Англии реформистское течение тред-юнионистов, во Франции — мелкобуржуазные взгляды Прудона, в Германии — мелкобуржуазные концепции Лассаля, в России и в других странах — анархистские идеи Бакунина и т.д.. Аналогичное явление наблюдалось и после героических событий Парижской Коммуны, когда, смертельно напуганная распространением ее великого

примера, буржуазия начала поощрять новое оппортунистическое течение Бернштейна, который пытался выхолостить революционное содержание марксизма и сделать его безвредным для политического господства империалистической буржуазии.

В начале XX века, когда все больше назревали политические и экономические условия для революции и взятия власти пролетариатом, буржуазия оказала всю свою поддержку оппортунистическому течению Второго Интернационала и широко использовала его в своих происках, нацеленных на подготовку и развязывание первой мировой войны.

После исторической победы Октябрьской революции, когда социализм из революционной теории и революционного движения превратился в общественно-экономическую систему, восторжествовавшую в шестой части мира, капитализм был вынужден изменить стратегию и тактику. Он еще больше форсировал насилие и террор внутри страны, начал прибегать к самым жестоким средствам для укрепления своей власти, приведя к власти и фашизм. В первую очередь, он еще больше усилил демагогию и пропаганду для опошления и искажения марксизма-ленинизма, высасывая из пальцев новые, псевдомарксистские «теории», клеветая на Советский Союз и готовя войну против него.

Империализм, — писал Ленин в то время — «... почувствовал, что большевизм стал мировой силой, и именно потому старается удушить нас с максимальной быстротой, желая сначала расправиться с русскими большевиками, а потом со своими собственными» *.

В 1918 году британские, американские, французские и японские империалисты начали вооруженную интервенцию против России. Война против первого государства рабочих и крестьян собрала в один лагерь все реакционные силы. В наступление на Октябрьскую Революцию и пролетарскую власть перешли и оппортунисты и ренегаты марксизма. Каутский в Германии, Отто Бауэр и Карл Реннер в Австрии, Леон Блюм и Поль Бонкур во Франции с яростью ополчились против Октябрьской революции, против ленинской стратегии и тактики революции. Октябрьскую революцию они объявили незаконной, назвали ее отклонением от пути исторического развития, отходом от марксистской теории. Они проповедовали мирную революцию, революцию без насилия и кровопролития, взятие власти путем завоевания большинства в парламенте; выступали против превращения пролетариата в господствующий класс. Они превозносили буржуазную демократию и атаковывали диктатуру пролетариата.

Когда вооруженная интервенция против Советской России потерпела крах, а социал-демократии не удалось остановить создание новых коммунистических партий и большой революционный порыв трудящихся масс Европы, буржуазия все свои надежды возложила на прорыв фронта коммунизма.

«... изнутри, ища своих героев среди лидеров РКП(б)» **.

* В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 239, алб. изд.

** И. Сталин, Соч., т. 6, стр. 278, алб. изд.

Троцкисты снова выступили с «теорией перманентной революции», согласно которой социализм в Советском Союзе нельзя было построить без победы революции в других странах. Они слились в единый фронт с буржуазией в борьбе против социализма. Сталин по праву отмечал, что был создан единый вражеский фронт, начиная от Чемберлена и вплоть до Троцкого. На социализм обрушились и правые, бухаринцы. Они выступали за затухание классовой борьбы, проповедовали возможность вращивания капитализма в социализм.

Стратегия империализма получила еще более подчеркнута контрреволюционный и антикоммунистический характер особенно после второй мировой войны в результате изменения соотношения сил в пользу социализма и революции, которая до основания потрясла всю капиталистическую систему. Эти изменения поставили на повестку дня вопрос революции и победы социализма уже не в одной или двух странах, а в целых районах и на целых континентах. Империализм с американским империализмом во главе самую большую надежду возлагал на этот раз на милитаризацию всей своей жизни, на военные блоки и пакты, предназначенные для насильственного вмешательства и открытой борьбы против социализма, против революционного и освободительного движения народов. Но очень большие надежды возлагал он и на оживление и активизацию всех оппортунистических сил для подрыва и разложения изнутри социалистических стран и коммунистических партий.

ПОБЕДА НАД ФАШИЗМОМ И КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ ИМПЕРИАЛИЗМА

Империалистические державы и весь мировой капитализм подготовили, поощрили и развязали вторую мировую войну с тем, чтобы направить ее против Советского Союза и социализма. Но эта война не только не свергла первое в мире социалистическое государство, но и нанесла империализму удары и причинила ему ущерб, поставившие под сомнение всю его систему.

На ее полях сражения не только были разгромлены армии фашизма, но и были побеждены антикоммунистическая идеология мирового империализма и контрреволюционная политика международного оппортунизма. Фашистские державы: Германия, Италия, Япония, составлявшие главные ударные силы международного капитализма в его наступлении на социализм и коммунизм, были разбиты. Британская и французская империи, которые до того времени делали «большую мировую политику», утратили свою силу и свой вес и стали плестись в хвосте политики Соединенных Штатов Америки. Антикоммунистический фронт был прорван и «санитарный кордон», установленный против Советского Союза, был разбит в пух и прах.

Советский Союз, который вынес на себе главное бремя войны и сыграл решающую роль в победе над фашизмом и в освобождении поработенных народов, вышел из войны сильным и с неоспоримым международным престижем. В крупной схватке с империализмом социалистическая система принесла историческое доказательство своих преимуществ, своей устойчивости и несокрушимости. Ряд

других стран в результате сложившихся условий и своей антифашистской национально-освободительной борьбы, под руководством коммунистических партий, порвали с капиталистической системой и вступили на путь социализма. Был создан социалистический лагерь, что явилось самым крупным событием после Октябрьской революции.

Небывало выросли коммунистические партии во всех странах. Находясь на передовой линии борьбы с фашизмом, они кровью своих членов и своим поведением показали себя самыми последовательными и самыми верными интересам народа и нации политическими силами, самыми решительными борцами за свободу, демократию и прогресс. Марксизм-ленинизм распространился по всему миру, международное коммунистическое движение распространило свое влияние и свой авторитет на все континенты.

Великие идеи свободы, независимости и национального освобождения, которыми была пронизана антифашистская война, проникли не только в Европу, но и в Азию и Африку, и на латиноамериканский континент. Победа над фашизмом и создание социалистического лагеря пробудили народы колониальных стран. Колониальная система империализма вступила в свой самый острый кризис. Подобно вулкану вспыхнуло мощное национально-освободительное движение в колониях, охватывавших почти половину человечества. Начали рушиться тылы капиталистической системы, колониальные и полуколониальные режимы. Империалистическая система, ослабшая от всех этих поражений, начала до основания сотрясаться.

Все эти изменения явились крупной победой не только Советского Союза, не только стран народной демократии, не только народов всего мира, но и бессмертной теории Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, чья жизнеспособность и правильность были еще раз с новой силой подтверждены в самой большой войне, которую знает до сих пор человечество и в ходе которой столкнулись два мира — мир социалистический и мир капиталистический. Все изменения, происшедшие после второй мировой войны, на практике подтвердили правильность положений Маркса и Ленина о том, что капиталистический мир переживал процесс загнивания и крушения, а революция и социализм — процесс подъема.

Именно эти великие победы социализма, народов и марксистско-ленинской теории и принудили мировой империализм разработать свою новую стратегию, оборонительную и наступательную, для отражения все растущей волны революции и борьбы народов, для укрепления расшатавшихся устоев капиталистической системы.

Общая линия, разработанная империалистическими державами после войны, характеризовалась двумя основными направлениями:

Во-первых, они мобилизовали все силы, все имевшиеся в их распоряжении средства для восстановления своего пострадавшего от войны экономического, политического и военного потенциала, для укрепления капиталистической системы, сотрясавшейся от мощного натиска революционной и освободительной

борьбы народов. Они приступили к работе по упрочению существующих антикоммунистических союзов и заключению новых, приложили большие усилия к сохранению колониализма посредством неоколониализма.

После второй мировой войны американский империализм оказался на доминирующих позициях с точки зрения экономической мощи, а в некоторой степени и с военной точки зрения в отношении разоренных войной Европы и Азии. Американская милитаризованная экономика была довольно мощной. Соединенные Штаты Америки стремились установить свою военно-политическую и экономическую гегемонию во всем мире с тем, чтобы прежде всего окружить и ослабить Советский Союз, который вышел победителем из второй мировой войны и, несомненно, быстро стал бы на ноги и в экономическом отношении и содействовал бы также упрочению и продвижению вперед новых государств народной демократии, возникших в Европе и в Азии. Для этого была разработана империалистическая тактика политической, идеологической и экономической борьбы, как и военная тактика. Последняя была дальнейшим продолжением американских планов, составленных еще во время второй мировой войны, тех планов, которые превратили Соединенные Штаты Америки в великую державу и позволили им наладить производство современного оружия, изобрести и изготовить атомную бомбу, которую они впервые сбросили на города Хиросиму и Нагасаки.

Соединенные Штаты Америки стали головой капиталистического мира и взяли на себя роль его «спасителя». Притязания американского империализма на мировое господство встали, таким образом, на повестке дня. «Победа во второй мировой войне, — заявлял Гарри Трумэн, сменивший Франклина Рузвельта на пост президента, — поставила американский народ перед постоянной и неотложной необходимостью быть мировой руководящей силой». В сущности, это явилось призывом к борьбе против революции и социализма, за обеспечение новых господствующих экономических и военных позиций во всем мире, за восстановление своих партнеров и за спасение колониальной системы. Для осуществления этой стратегии была использована ЮНПРА, был составлен «План Маршалла», были созданы НАТО, как и другие агрессивные блоки американского империализма.

Во-вторых, главное для капитала заключалось в том, чтобы вести фронтальную подрывную работу против марксистско-ленинской идеологии, оторвать от ее влияния самую революционную часть трудящихся, разложить социализм.

Наряду с разнузданной гонкой вооружений, милитаризацией экономики, экономическими блокадами против социалистических стран, империализм использовал также многочисленные средства пропаганды, философов, экономистов, социологов, писателей и историков в своей яростной кампании против революции и социализма, чтобы представить капитализм и капиталистическое государство в новом свете, как «народный капитализм», как «государство всеобщего благоденствия» и т.д. Буржуазия использовала также и благоприятную послевоенную экономическую конъюнктуру, чтобы трубить о «расцвете капитализма», распространять среди масс иллюзии о ликвидации кризисов, анархии, безработицы и других язв капитализма, о том, будто капитализм проявляет свои преимущества

над социализмом, который изображался ею «тоталитарным» строем за «железной завесой», и т.д.

Чтобы сдержать освободительную борьбу народов, удушить пролетарскую революцию, разгромить социализм, защитить и упрочить свои позиции, буржуазия в моменты агонии и всеобщего кризиса своей капиталистической системы подстрекает, поощряет и приводит в движение, помимо других средств, и разные оппортунистические и ревизионистские течения. Эти враги пролетариата и революции острой своей борьбой направляют в первую очередь против марксизма-ленинизма, идеологии, помогающей рабочему классу осознать свое социальное положение и свою историческую миссию, они пытаются исказить эту идеологию, сделать ее безвредной для буржуазии и ненужной для пролетариата. Эту низменную и предательскую роль взяли на себя и новые течения ревизионизма, появившиеся после второй мировой войны, которые кратко были названы «современным ревизионизмом».

Современный ревизионизм, являющийся продолжением антимарксистских теорий партий Второго Интернационала, европейской социал-демократии, приспособился к периоду после второй мировой войны. Его истоки кроются в гегемонистской политике американского империализма. Разновидности и течения современного ревизионизма имеют одинаковые основы и одинаковую стратегию, они отличаются лишь по применяемым ими тактике и формам борьбы.

СОВРЕМЕННЫЙ РЕВИЗИОНИЗМ У ВЛАСТИ — НОВОЕ ОРУДИЕ БУРЖУАЗИИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ РЕВОЛЮЦИИ И СОЦИАЛИЗМА

Первым течением, предшествовавшим современному ревизионизму у власти, был браудеризм. Течение это появилось в Соединенных Штатах Америки и получило название по имени бывшего генерального секретаря Коммунистической партии США, Ирла Браудера.

В 1944 году, когда на горизонте совершенно ярко виднелась победа народов над фашизмом, Браудер открыто выступил с насквозь реформистской программой. Он явился первым глашатаем той капитулянтской идеологической и политической линии, которую американский империализм попытался впоследствии навязать коммунистическим партиям и революционным движениям. Под предлогом так называемого изменения исторических условий развития капитализма и международной обстановки, Браудер объявил марксизм-ленинизм «устаревшим» и назвал его системой догм и жестких схем. Браудер проповедовал отказ от классовой борьбы, классовое примирение в национальном и мировом масштабах. Он считал, что американский капитализм перестал быть реакционным, что он мог излечить язвы буржуазного общества и развиваться демократическим путем на благо трудящихся. Социализм он не рассматривал больше ни как идеал, ни как цель, которой предстояло достигнуть. С его поля зрения совершенно исчезли американский империализм, его стратегия и политика. На взгляд Браудера, крупные монополии — опоры этого империализма — составляли прогрессивную

силу экономического, общественного и демократического развития страны. Браудер отрицал классовую сущность капиталистического государства, а американское общество считал единым и гармоничным обществом без социальных антагонизмов, обществом, где царят взаимопонимание и классовое сотрудничество. На базе этих концепций Браудер отрицал и необходимость существования самой революционной партии рабочего класса. Он выступил и инициатором роспуска Коммунистической партии Соединенных Штатов Америки в 1944 году.

«Коммунисты, — писал он, — предусматривают, что преследуемые ими практические политические цели долгое время будут по всем главным вопросам одинаковыми с целями намного более широкой массы некоммунистов, а следовательно, наши политические действия сольются в более широкие движения такого рода. Вот почему существование отдельной политической партии коммунистов больше не служит практической цели, наоборот, может быть помехой более широкому единству. Так что коммунисты распускают свою отдельную политическую партию и найдут иную, новую организационную форму и новое название, которое точнее соответствовало бы текущим задачам и политической структуре, с чьей помощью предстоит выполнять эти задачи» *.

В качестве исходного пункта и оправдания для формулировки своих ликвидаторских буржуазных теорий Браудер указывал на проходившую в 1943 году в Тегеране конференцию союзных держав, чьи результаты он подверг антимарксистскому и совершенно порочному анализу и истолкованию.

Соглашение союзников-антифашистов о доведении до конца войны против фашистской Германии Браудер изображал как начало новой исторической эпохи, в которой социализм и капитализм нашли путь сотрудничества в рамках «единого и одинакового мира», — как это он выражался. Браудер ставил задачей тегеранский дух сотрудничества и мирного сосуществования между союзными державами применять не только в отношениях между советским социалистическим государством и капиталистическими государствами, но и внутри капиталистической страны, в отношениях между антагонистическими классами. «Классовые различия и политические группировки не имеют больше никакого значения», — заявлял Браудер. Единственной целью, которой должны были задаваться коммунисты, он считал осуществление без инцидентов, в атмосфере классового мира «национального единства», рассматриваемого им как блок, объединяющий группы финансового капитала, организации монополистов, республиканские и демократические партии и вплоть до коммунистов и профсоюзных движений, которые он все без исключения считал «демократическими и патристическими» силами.

Браудер заявлял, что ради этого единства коммунисты должны быть готовыми пожертвовать и своими убеждениями, своей идеологией и своими особыми интересами, что американские коммунисты осуществляли это правило прежде всего по отношению к самому себе. «Наши политические цели, которые одинаковы с политическими целями большинства американцев, — утверждает он, —

---

* E. Browder. Teheran, Our Path in War and Peace. New York, 1944, стр. 117.

мы постараемся изложить через существующую партийную структуру нашей страны, являющуюся в основном специфически американской «двухпартийной системой» *.

Помраченный относительно мирным развитием американского капитализма после известных реформ, проведенных американским президентом Рузвельтом, чтобы выбраться из экономического кризиса начала 30-х годов, как и стремительным ростом производства и занятости в период войны, Браудер заключил, что американский капитализм якобы помолодел, что он будет развиваться уже без кризисов, обеспечит подъем всеобщего благосостояния и т.д.

Американскую экономическую систему он рассматривал как систему, могущую решать все противоречия и проблемы общества и удовлетворять все требования масс. Он поставил знак равенства между коммунизмом и американизмом, заявив, что «коммунизм есть американизм XX века». На взгляд Браудера, все развитые капиталистические страны, используя буржуазную демократию, чьим образцом должна была служить американская демократия, в состоянии разрешить любой конфликт и постепенно перейти в социализм.

Вот почему задачей американских коммунистов Браудер считал обеспечение нормального функционирования капиталистического строя и без обиняков заявлял, что они готовы были сотрудничать для гарантирования эффективного функционирования капиталистического строя в послевоенный период, для «обеспечения максимального облегчения лежащих на народ обязательств». По его мнению, эти обязательства будут облегчены «разумными» американскими капиталистами, которым коммунисты должны были протянуть руку дружбы.

В соответствии со своими ультраправыми концепциями и поддавшись давлению буржуазии, после роспуска коммунистической партии Браудер объявил в мае 1944 года о создании взамен партии просветительного культурного общества, названного «коммунистическим политическим обществом», оправдывая это тем, будто американская традиция требовала наличия лишь двух партий. Этому обществу, организованному наподобие сети клубов, предстояло заниматься в основном «воспитательной политической деятельностью в национальном, областном и местном масштабах».

В уставе этого общества было записано: «Коммунистическое политическое общество есть непартийная организация американцев, которая, опираясь на рабочий класс, продвигает вперед традиции Вашингтона, Джефферсона, Пейна, Джексона и Линкольна в изменившихся условиях современного индустриального общества», что общество это «... защищает декларацию о независимости, конституцию Соединенных Штатов и хартию прав, как и достижения американской демократии от всех врагов свобод народа» **. Браудер перечеркнул все цели коммунистического движения. В программе общества больше не говорилось ни о марксизме-ленинизме, ни о гегемонии пролетариата, ни о классовой борьбе, ни о революции, ни о социализме. Исключительной его целью стали

---

* E. Browder. Teheran, Our Path in War and Peace. New York, 1944, стр. 118.

** The Path to Peace, Progress and Prosperity. New York, 1944, стр. 47, 48.

национальное единство, социальный мир, защита буржуазной конституции и увеличение капиталистического производства.

Тем самым Браудер от открытой ревизии основных положений марксизма-ленинизма, революционной стратегии и тактики перешел к организационной ликвидации коммунистического движения в Соединенных Штатах Америки. Хотя в июне 1945 года, на XIII съезде, партия была вновь создана и оппортунистическая линия Браудера формально была отвергнута, его влияние не исчезло в Коммунистической партии США. Позднее, особенно после 1956 года, идеи Браудера вновь расцвели, и Джон Хейс, выступая в духе браудеризма, в статье «Наступило время перемен» * требовал повторного превращения Коммунистической партии США в культурное пропагандистское общество. И, действительно, нынешняя Коммунистическая партия США такой и является — организацией, где господствует браудерский ревизионизм, переплетенный с хрущевским ревизионизмом.

Своими ревизионистскими концепциями о революции и социализме Браудер оказал мировому капитализму непосредственную помощь. На взгляд Браудера, социализм рождается только каким-либо большим бедствием, какой-либо катастрофой, а не как неминуемый результат исторического развития. «Мы, — утверждал он, — не желаем какой-либо катастрофы Америке даже в случае, если это ведет к социализму». Изображая перспективу победы социализма очень далекой, он проповедовал классовое сотрудничество в американском обществе и всюду в мире. По его мнению, единственной альтернативой было эволюционное развитие, развитие посредством реформ и с помощью Соединенных Штатов Америки.

На взгляд Браудера, Соединенные Штаты Америки, располагавшие огромной экономической мощью, большим научным и техническим потенциалом, должны были помогать народам мира, в том числе и Советскому Союзу, в их «развитии». «Помощь» эта, — утверждал Браудер, — служила бы Америке для поддержания высоких темпов производства и после войны, для обеспечения всех работой, для сохранения национального единства на многие лета. С этой целью Браудер советовал вашингтонским магнатам образовать «ряд гигантских промышленных корпораций для развития разных неразвитых и опустошенных районов мира в Европе, Африке, Азии и Латинской Америке» **. «Если нам удастся решительно справиться с реальной действительностью и возродить в современном смысле слова великую традицию Джефферсона, Пейна и Линкольна, то Америка сможет выступить перед миром объединенной, приняв на себя ведущую роль ... для спасения человечества...» ***. Тем самым Браудер стал рупором и пропагандистом большой стратегии американского империализма, его неокOLONиалистских, экспансионистских теорий и планов.

---

* Political Affairs, октябрь 1956.

** The Path to Peace, Progress and Prosperity. New York, 1944, стр. 21.

*** E. Browder. Teheran, Our Path in War and Peace. New York, 1944, стр. 128.

Браудеризм непосредственно служил «плану Маршалла», через который Соединенные Штаты Америки стремились установить свою экономическую гегемонию в разных странах разоренной войной Европы, как и Азии, Африки и т.д. Браудер утверждал, что страны мира и особенно страны народной демократии и Советский Союз должны смягчить свою марксистско- ленинскую политику и принять «альтруистическую» помощь Соединенных Штатов Америки, которые, на его взгляд, обладают мощной экономикой и располагают большими излишками, которые могут и должны служить всем народам (!).

Свои антимарксистские и контрреволюционные воззрения Браудер выдавал за генеральную линию международного коммунистического движения. Как и все прежние ревизионисты, он, под предлогом творческого развития марксизма и борьбы с догматизмом, старался доказать, что новая эпоха после второй мировой войны требовала от коммунистического движения пересмотра прежних идеологических взглядов и отказа от «старых формулировок и предрассудков», которые, по его словам, «нисколько не помогут нам отыскать наш путь к новому миру». Это был призыв к отказу от принципов марксизма-ленинизма.

Взгляды Браудера натолкнулись на возражение коммунистических партий многих стран, как и самих американских коммунистов-революционеров. Браудеризм был относительно быстро изобличен, как ревизионизм без масок, как явно ликвидаторское течение, как прямая идеологическая агентура американского империализма.

Браудеризм нанес большой ущерб рабочему и коммунистическому движению в Соединенных Штатах Америки и в некоторых странах Латинской Америки. В рядах некоторых старых коммунистических партий Латинской Америки произошли сотрясения и раскол, вызванные деятельностью оппортунистических элементов, которые, изнуренные революционной борьбой, ухватились за ветви, которые американский империализм протягивал им с целью подавить волнения народов, удушить революцию и подточить партии, занимавшиеся воспитанием и подготовкой народов к революции.

В Европе браудеризм не имел того успеха, который он имел в Южной Америке, и тем не менее это семя, посеянное американским империализмом, было принято теми замаскированными реформистскими, антимарксистскими и антиленинскими элементами, которые ожидали или же готовили подходящий момент для явного отклонения от марксистско-ленинской научной идеологии.

Хотя в свое время браудеризму не удалось стать ревизионистским течением широких мировых масштабов, его взгляды возродили и взяли на вооружение другие, последовавшие за ним, современные ревизионисты. Взгляды эти разными формами лежат в основе политических и идеологических платформ китайских и югославских ревизионистов, как и еврокоммунистических партий Западной Европы.

Американской стратегии «обуздания коммунизма» и установления гегемонии Соединенных Штатов Америки в послевоенном капиталистическом мире ответственность не только браудеризм, *но и маоцзэдуныдея, теории и линии, которым следовало китайское руководство.*

В начале 1945 года, когда на арене появился Браудер и когда новая американская стратегия обретала полную физиономию с Трумэном, в Китае состоялся VII съезд Коммунистической партии Китая. В принятом этим съездом уставе говорилось: «Коммунистическая партия Китая во всей своей деятельности руководствуется идеями Мао Цзэдуна». Комментируя настоящее решение, Лю Шаоци заявил в сделанном на съезде докладе, что Мао Цзэдун якобы отверг многие устаревшие концепции марксистской теории, заменив их новыми положениями и выводами. По словам Лю Шаоци, Мао Цзэдун реализовал «китаизацию» марксизма. «Идеи Мао Цзэдуна, — заявил Лю Шаоци, — являются китайским марксизмом».

Эти «новые положения и выводы», эта «китаизация» марксизма означали вовсе не творческое проведение марксизма-ленинизма применительно к конкретным условиям Китая, а отрицание его основных универсальных законов. Мао Цзэдун и его товарищи представляли себе развитие революции в Китае так, как его представляют буржуазные демократы. Они не стояли за ее перерастание в социалистическую революцию. Образцом для них была «американская демократия», и в строительстве нового Китая они рассчитывали на поддержку американского капитала.

Идеи Мао Цзэдуна были очень похожи на оппортунистические воззрения Браудера, который (надо отдать дань ему) хорошо изучил и понял антимарксистские концепции китайских руководителей. «То, что в Китае называют «коммунистическим» лагерем, поскольку им руководят выдающиеся члены Коммунистической партии Китая, — писал Браудер, — ближе к американской концепции демократии, чем так называемый лагерь Гоминьдана. Оно ближе во всех отношениях, в том числе и с точки зрения более широкого распространения «свободной инициативы» во всей экономической жизни» *.

Мао Цзэдун выступал за свободное, неограниченное развитие капитализма в Китае в период государства типа «новой демократии», как это он называл режим, который должен был быть установлен с уходом японцев. «Некоторые, — утверждал он на VII съезде КПК, — думают, что коммунисты против развития частной инициативы, против развития частного капитала, против защиты частной собственности. В действительности это не так ... задача строя новой демократии, к установлению которого мы стремимся, заключается именно в том, ... чтобы обеспечить широким кругам китайцев возможность свободно развивать частную инициативу в обществе, свободно развивать частное капиталистическое хозяйство...» **. Тем самым Мао Цзэдун воспринял антимарксистскую концепцию Каутского о том, что в отсталых странах переход в социализм невозможен без длительного периода свободного развития капитализма, подготавливающего условия для последующего перехода в социализм. Фактически, так называемый социалистический режим, установленный в Китае Мао Цзэдуном и его группой, был и остался буржуазно-демократическим режимом.

* E. Browder. Teheran, Our Path in War and Peace. New York, 944, стр. 26.

** Мао Цзэдун, Избранные произведения, т. IV; стр. 364, алб. изд.

Линия, которой стало придерживаться китайское руководство с Мао Цзэдуном во главе, то есть линия на сдерживание революции в Китае и закрытие ее социалистической перспективы, практически играла на руку американскому империализму, стремившемуся распространить свое господство, как и другим империалистическим державам, стремившимся сохранить старые владения.

В послевоенный период получило подъем антиколониальное национально-освободительное движение на всех континентах. Английская, французская, итальянская, голландская, бельгийская колониальные империи рушились одна за другой под ударами народных восстаний в колониях. В этих странах революции в большинстве своем носили буржуазно-демократический характер. Однако в некоторых из них существовали объективные возможности нарастания революции и ее превращения в социалистическую революцию. Своими взглядами и действиями Мао Цзэдун проповедовал отход антиимпериалистических революций от правильного пути развития, он хотел, чтобы они остановились на полпути, не вышли за буржуазные рамки, он хотел увековечения капиталистической системы. Если иметь в виду значение китайской революции и ее влияние в колониальных странах, то можно себе представить, какой большой ущерб наносили делу «теории» Мао Цзэдуна.

Курс Мао состоял в том, чтобы Китай, а по его примеру и Индокитай, Бирма, Индонезия, Индия и т.д. в своем развитии опирались на Соединенные Штаты Америки, на американский капитал и американскую помощь. Это означало в действительности признание разработанной в департаментах Вашингтона новой стратегии, которую стал по-своему проповедовать и Браудер.

Взгляды, позиции, действия и требования Мао Цзэдуна в отношении Соединенных Штатов Америки подробно описаны посланцами Соединенных Штатов Америки при Штабе Мао Цзэдуна в 1944-1949 годах. Одним из них является Джон Сервис, политический советник командующего американскими войсками на бирманско-китайском фронте, а позднее секретарь американского посольства при Чан Кайши в Чунцине. Он одним из первых среди агентов американской разведки официально вступил в контакты с руководством Коммунистической партии Китая, а неофициальные контакты с ним он поддерживал все время.

Говоря о китайских руководителях, Сервис признает: «Создается впечатление, что они придерживаются современного мировоззрения. Их подход к экономическим вопросам, например, очень похож на наш» *. «Не является неожиданностью, — говорит он далее, — что они производили позитивное впечатление на большинство или же на всех американцев, с которыми они встречались за последние семь лет; их поведение, их склад ума, их умение непосредственно ухватываться за проблемы скорее являются американскими, чем восточными» **.

Ликвидаторские взгляды Браудера на партию встречаются, по существу, и в теориях Мао Цзэдуна. Китайский коммунизм был расплывчатым, Коммунистическая партия Китая лишь по названию была коммунистической. Мао Цзэдун не

---

* J. Service. Lost Chance in China, New York, 1974. стр. 195.

** Там же, стр. 198.

боролся за настоящую пролетарскую, марксистско-ленинскую партию. По своему классовому составу, по своей структуре и организационному строительству, по вдохновлявшей ее идеологии Коммунистическая партия Китая не была партией ленинского типа. Более того, Мао Цзэдун вовсе не считался даже с этой партией. Он поступал своевольно, а во время так называемой Культурной революции совсем распустил ее, сосредоточив все в своих руках и поставив во главе дел армию.

Подобно Браудеру, который американизм считал идеальным образцом будущего общества, Мао Цзэдун считал американскую демократию высшим примером государственного и общественного устройства для Китая. Мао Цзэдун признался Сервису: «мы, китайцы, идеалом демократии считаем прежде всего вас, американцев».

Наряду с признанием американской демократии, китайские руководители добивались установления тесных и непосредственных связей с американским капиталом, делали ставку на американскую экономическую помощь. По свидетельству Сервиса, Мао Цзэдун говорил ему: «Китай должен индустриализироваться. Это может быть достигнуто в Китае только через частную инициативу и с помощью иностранного капитала. Американские и китайские интересы связаны между собой и совпадают...

США будут встречать у нас больший дух сотрудничества, чем у Гоминьдана. Мы не будем бояться влияния американской демократии, мы благосклонно будем относиться к ней...

Америке незачем опасаться того, как бы мы не выступали против сотрудничества. Мы должны сотрудничать и пользоваться американской помощью» *.

С подобными заявлениями и домогательствами ныне ежедневно выступают последователи и сотрудники Мао Цзэдуна — Дэн Сяопин, Хуа Гофэн и другие, практически устанавливающие с американским империализмом всесторонние связи, о которых мечтал Мао Цзэдун и которые он сам начал устанавливать. Ныне китайская стратегия полностью ориентирована на всестороннее и особое сотрудничество с Соединенными Штатами Америки и с мировым капитализмом, которые стали поддерживать Китай политически и воздействовать на него идеологически с тем, чтобы он уничтожил и кое-какую тень марксизма-ленинизма в умах и сердцах простых людей и приступил к осуществлению глубоких политических и организационных преобразований, ведущих к установлению капиталистической системы как в экономической области, так и в государственном и партийном строительстве.

Объективно весь курс Мао Цзэдуна на строительство Китая и его представление о развитии стран, освободившихся от колониализма, служили и соответствовали стратегии американского империализма. И если между Китаем и Соединенными Штатами Америки не было установлено с самого начала тесное сотрудничество, то это объясняется тем, что в послевоенные годы в Америке одер-

---

* J. Service. Lost Chance in China. New York, 1974, стр. 307.

жало верх чанкайшистское лобби. К тому времени «холодная война» была в разгаре и в Америке царил маккартизм. С другой стороны, сразу же после войны Соединенные Штаты Америки стали оказывать предпочтение Японии, думая, что в первую очередь им следовало помочь Японии или подчинить ее во всех отношениях, сделать ее своим могучим и покорным союзником, восстановить японскую экономику и превратить эту страну в крупный бастион против Советского Союза, а, в случае чего, и против Китая Мао Цзэдуна. Видимо, США не были столь сильными, чтобы оказывать помощь всем странам мира и подготовить их против Советского Союза, против системы социализма, так что предпочли больше подготовить Европу и Японию, где разруха была более значительна и где социализм стал опасным для мирового капитала.

Несомненно, ввиду этих факторов лидеры американского империализма пожали руку, протянутую им Мао Цзэдуном, не сразу. Нужно было много времени, нужно было, чтобы китайские ревизионистские руководители принесли новые доказательства «любви» к Америке, для того чтобы Никсон поехал в Пекин и чтобы американцы и все другие поняли, что Китай не имел ничего общего с социализмом.

После второй мировой войны в широкую кампанию американского империализма и других реакционных сил, которые примкнули к нему в борьбе против социализма и революции, включились также *югославские ревизионисты*. Это течение, представлявшее собой ревизионизм у власти, возникло в ключевой момент борьбы между социализмом и империализмом.

Период после второй мировой войны не мог быть периодом спокойствия, и это не только для империализма, но и для социализма. В новых сложившихся условиях империализму приходилось справляться со смертельными для него ситуациями, а социализму нужно было окрепнуть, он должен был освещать народам мира путь к свободе и прогрессу и правильным путем оказывать им свою помощь в этом деле. Это было время, когда не только следовало завязать и излечить раны, нанесенные войной, но и правильно вести классовую борьбу как в странах, где пролетариат взял власть в свои руки, так и на международной арене. Победа над фашизмом была одержана, но мир был относительным — война продолжалась иными средствами.

Перед социалистическими странами и их коммунистическими партиями вставала задача бороться за закрепление одержанных побед марксистско-ленинским путем, стать примером и образцом для народов и других, не находившихся у власти, коммунистических партий. Коммунистические партии социалистических стран также должны были дальше закаляться марксистско-ленинской идеологией, заботясь в то же время о том, чтобы она не превратилась в догму, а оставалась такой, какой она фактически является — революционной теорией и руководством к действию, средством к осуществлению глубоких социальных преобразований. В особенности социалистические страны и коммунистические партии после всемирно исторической победы над фашистской коалицией не должны были зазнаться, считать себя непогрешимыми и забыть о классовой борьбе или

ослабить ее. Именно этот важный момент и имел в виду Сталин, акцентируя необходимость продолжения классовой борьбы при социализме.

При таких именно обстоятельствах титовцы выступили против марксизма-ленинизма. Титизм не с самого начала снял с себя маску в борьбе с революцией и социализмом, наоборот, старался камуфлироваться, продолжая готовить условия для возврата Югославии на путь капитализма и для ее превращения в орудие мирового империализма.

Известен тот факт, что титизм духовно, идеологически и политически клонился к Западу, к Соединенным Штатам Америки, что он еще в самом начале поддерживал многочисленные политические контакты с англичанами и другими представителями мирового капитализма и вместе с ними занимался тайными комбинациями. Югославские руководители распахнули все свои двери перед ЮНРРА, через которую американско-английские империалисты, под предлогом помощи тряпьем и залежалыми продовольственными товарами военного времени пытались проникнуть во многие страны мира и особенно в страны народной демократии. Империалисты пытались подготовить более или менее благоприятную почву для своих будущих широкомасштабных действий. Югославы извлекли большие выгоды от подарков ЮНРРА, но и последняя, в свою очередь, смогла оказать свое влияние на не как следует налаженные государственные механизмы в недавно созданном югославском государстве.

Американский империализм и вся мировая реакция с самого начала оказали титизму свою полную поддержку, так как увидели в нем путь, идеологию и политику, ведущие к разложению стран социалистического лагеря, к их расколу, к нарушению их единства с Советским Союзом. Деятельность титизма полностью соответствовала стремлению американского империализма к подрыву социализма изнутри. Но титизм был призван служить стратегии империализма и для парализации освободительных войн и ограждения новых государств, только что сбросивших колониальное ярмо, от революционного движения.

Югославские ревизионисты с самого начала противопоставились теории и практике подлинного социализма Ленина и Сталина по всем вопросам и во всех отношениях. Тито и его группа привязали страну к капиталистическому миру и поставили себе задачей в Югославии все преобразовать по образцу западных капиталистических государств, начиная от политики, идеологии, государственного устройства, организации экономики и армии. Они стремились к тому, чтобы поскорее превратить Югославию в буржуазно-капиталистическую страну. Идеи Браудера, которые были идеями американского капитализма, нашли себе место в идейно-политической платформе титизма.

В первую очередь титовцы ревизовали основные положения марксизма-ленинизма о роли и миссии революционной власти и коммунистической партии при социалистическом обществе. Они атаковали марксистское положение о руководящей роли коммунистической партии во всех сферах жизни в системе диктатуры пролетариата. По примеру Браудера в Америке, они практически ликвидировали партию не только тем, что изменили ее название, наименовав ее Союзом коммунистов, но и тем, что изменили ее цели и функции, ее строительство, как

и роль, которую партия эта должна была играть в социалистической революции и социалистическом строительстве. Титовцы превратили партию в пропагандистско-воспитательное общество. Они лишили Коммунистическую партию Югославии революционного духа и де-факто дошли до отрицания роли партии, заявляя, что Народный Фронт * играет большую роль, чем партия.

По кардинальному вопросу партии, по вопросу об определяющем факторе в социалистической революции и социалистическом строительстве, браудеризм и титизм объединяет общность политических, идеологических и организационных взглядов. Поскольку титизм, как и браудеризм, с ликвидаторских и антимарксистских позиций подходит к решающему вопросу, к вопросу об авангардной роли партии рабочего класса в социалистической революции и социалистическом строительстве, он так подходит ко всем вопросам.

Сходство взглядов титовцев со взглядами Браудера демонстрируется и в подходе к «американской демократии», которую титовцы взяли в качестве образца для строительства политической системы в Югославии. Сам Кардель признавал, что система эта «... близка к устройству исполнительной власти в Соединенных Штатах Америки» **.

С ликвидацией партии и после разрыва с Советским Союзом и странами народной демократии Югославия билась в хаосе хозяйственно-организационных действий. Государственную собственность титовцы объявили «общественной» собственностью, а анархосиндикалистским лозунгом «фабрики рабочим» камуфлировали капиталистические производственные отношения и поставили отряды рабочего класса друг против друга. Коллективизации мелких производителей, названной ими «русским путем», они противопоставили «американский путь» создания капиталистических ферм и поощрения частных крестьянских хозяйств.

Такие преобразования в экономической, политической и идеологической областях, естественно, должны были обусловить, как и обусловили, непрерывные преобразования в государственном устройстве, в организации армии, образования и культуры. В 50-ые годы они провозгласили так называемый социализм самоуправления, который использовали для маскировки капиталистического строя. По их словам, этот «специфический социализм» будет построен, опираясь не на социалистическое государство, а на непосредственных производителей. На этой основе они проповедовали отмирание государства еще при социализме, отрицая основное положение марксизма-ленинизма о необходимости существования диктатуры пролетариата на протяжении всего периода перехода от капитализма в коммунизм.

Чтобы узаконить свой путь измены и пустить пыль в глаза людям, титовцы изображали себя «творческими марксистами», выступающими лишь против

---

* Тито заявлял в 1947 г.: «Есть ли у Коммунистической партии Югославии другая программа, кроме программы Народного Фронта? Нет! У Коммунистической партии другой программы нет. Программа Народного Фронта является и ее программой». (И. Б. Тито, «Статьи и речи» III, Рилиндья, Приштина, 1962, стр. 145, изд. на алб. яз.).

** Э. Кардель, Направления развития политической системы социалистического самоуправления, Рилиндья, Приштина, 1978, стр. 235.

«сталинизма», но не против марксизма-ленинизма. Тем самым лишний раз подтвердилось, что лозунг «творческого развития марксизма и борьбы с догматизмом» есть самый излюбленный и общий лозунг всех разновидностей ревизионизма.

Соединенные Штаты Америки, Англия, европейская социал-демократия и другие оказывали всестороннюю политическую, экономическую и военную помощь титовской Югославии, помогли ей выжить. Буржуазия была не против, наоборот, она была заинтересована в том, чтобы Югославия сохранила «социалистическую» видимость. Однако этот «социализм» должен был совершенно отличаться от предначертанного и построенного Лениным и Сталиным социализма, который югославские ревизионисты начали атаковать, обзывать его «низкой формой социализма», «этатистским», «бюрократическим» и «антидемократическим социализмом». Югославский «социализм» должен был явиться гибридным капиталистическо-ревизионистским, а по существу — буржуазно-капиталистическим обществом. Он должен был служить «Троянским конем» для проникновения и в другие социалистические страны, чтобы отклонить их от пути социализма и связать их с империализмом.

И действительно, титизм стал вдохновителем ревизионистских и оппортунистических элементов в бывших социалистических странах. Югославские ревизионисты вели широкую диверсионную и подрывную работу в этих странах. Достаточно упомянуть здесь венгерские события 1956 года, в которых югославские титовцы играли весьма активную роль, стремясь расчистить путь контрреволюции и перевести Венгрию в лагерь империализма.

Место, занятое титизмом в общей империалистической стратегии подрыва социалистических стран изнутри, четко и открыто разъяснил сам Тито в известной речи, произнесенной им в Пуле в 1956 году. Еще тогда он заявил, что югославский образец социализма применим не только в Югославии, ему должны следовать и его должны претворять в жизнь и другие социалистические страны.

К стратегии американского империализма приспособились и титовские концепции и теории о мировом развитии и международных отношениях. Еще в октябре 1954 года в речи, произнесенной в Осло, главный теоретик югославского ревизионизма, Кардель, открыто ополчился против теории революции, изложив «новые» разрешения, найденные, дескать, капитализмом. Извращая сущность государственно-монополистического капитализма, получившего широкие размеры во многих капиталистических странах после второй мировой войны, он объявил его элементом социализма, а классическую буржуазную демократию назвал «регулятором социальных противоречий в направлении постепенного укрепления социалистических элементов». Он заявил, что ныне происходит «постепенная эволюция к социализму», назвав это «историческим фактом» в ряде капиталистических стран. Эти ревизионистские концепции, которые по существу одинаковы с концепциями Браудера, вошли в программу Союза коммунистов Югославии и стали средством идеологической и политической диверсии против революционного и освободительного движения пролетариата и народов.

На этой основе югославские ревизионисты разработали свои теории и практику «неприсоединения», которые помогали стратегии американского империализма сдерживать антиимпериалистическую борьбу народов так называемого «третьего мира» и подрывать их усилия к защите своей свободы, независимости и суверенитета. Титовцы говорят этим народам, что их чаяния могут быть осуществлены только политикой неприсоединения, то есть непротивления империализму. По мнению титовцев, путь своего развития эти страны должны искать в «активном сотрудничестве», «во все более широком кооперировании» с империализмом и крупным мировым капиталом, в помощи и кредитах, которые они должны получать от развитых капиталистических стран.

О том, куда ведет путь, проповедуемый белградскими ревизионистами, ярко свидетельствует сама нынешняя действительность в Югославии. Сотрудничество с американским империализмом, советским социал-империализмом и другими большими капиталистическими государствами, полученные от них большая помощь и многочисленные кредиты превратили Югославию в страну, во всем зависящую от мирового капитализма, в страну с ущемленной независимостью и суверенитетом.

Стратегия американского империализма и вся борьба международной буржуазии против революции и социализма получили чрезмерно большую и очень желанную помощь с появлением *хрущевского ревизионизма*. Хрущевская измена явилась самым тяжелым и самым опасным ударом, когда-либо нанесенным социализму, революционному и освободительному движению народов. Первую страну социализма и крупный центр мировой революции она превратила в империалистическую страну и очаг контрреволюции. Последствия этой измены в национальном и международном масштабе были поистине трагическими. Ее последствия не только причиняли и продолжают еще причинять огромный ущерб революционному и освободительному движению народов, но и поставили под большую угрозу мир и международную безопасность.

Как идейное и политическое течение, хрущевизм не очень отличается от других течений современного ревизионизма. Он является результатом того же внешнего и внутреннего давления буржуазии, того же отхода от принципов марксизма-ленинизма, той же цели сопротивления революции и социализму, сохранения и укрепления капиталистической системы.

Разница между ними заключается только в степени опасности, которую они составляют. Хрущевский ревизионизм всегда остается самым опасным, самым коварным и самым угрожающим ревизионизмом. Это по двум причинам: *Во-первых*, потому, что это замаскированный ревизионизм, он сохраняет внешний социалистический вид и, чтобы ввести людей в заблуждение и вовлечь их в свои ловушки, широко прибегает к марксистской терминологии, а при случае и необходимости, и к революционным лозунгам. С помощью этой демагогии он стремится напустить густой туман, чтобы скрыть нынешнюю капиталистическую действительность Советского Союза, но прежде всего, чтобы скрыть свои экспансионистские цели, совратить революционные и освободительные движения и превратить их в орудия своей политики. *Во-вторых*, и это очень важно, хрущевский

ревизионизм стал господствующей идеологией в государстве, представляющем собой великую империалистическую державу, что дает ему большие средства и возможности маневрировать в широких областях и больших размерах.

Общее между хрущевизмом и другими ревизионистскими течениями состоит в ликвидации коммунистической партии и ее превращении в политическую силу, которая служила бы буржуазии. И в Советском Союзе Коммунистическая партия Ленина и Сталина была ликвидирована. Здесь, правда, партия не была переименована, как это произошло в Югославии, но у нее выхолостили революционную сущность и дух. Роль Коммунистической партии Советского Союза изменилась, вместо работы по насаждению марксистско-ленинской идеологии она занимается искажением марксистско-ленинской теории под разными масками, посредством пустой фразеологии, посредством демагогии. Политический организм партии превратился, как и армия, полиция и другие органы диктатуры новой буржуазии, в организм для подавления масс, не говоря уже о том, что она стала и носителем идеологии и политики их угнетения и эксплуатации. Коммунистическая партия Советского Союза разложилась, поблекла и стала «общенародной партией», т.е. превратилась из передового отряда рабочего класса, призванного двигать вперед революцию и строить социализм, в партию новой, ревизионистской буржуазии, разлагающей социализм и продвигающей вперед реставрацию капитализма.

Как и Браудер, Тито, Тольятти и другие, проповедовавшие превращение своих партий в «общества», «союзы», «партии масс», якобы с целью их приспособления к новым социальным изменениям, происшедшим в результате развития капитализма, роста рабочего класса и его политического и идеологического влияния и т.д., Хрущев оправдывал изменение характера партии необходимостью приспособиться к условиям, сложившимся в Советском Союзе, где, видите ли» уже завершилось строительство социализма и началось строительство коммунизма. По утверждениям Хрущева, состав партии, ее строительство, ее роль и место в обществе и государстве должны были измениться в соответствии с этой «новой эпохой».

Когда Хрущев начал проповедовать эти положения, в Советском Союзе не было завершено даже построение социализма, а о начале строительства коммунизма не могло быть и речи. Правда, эксплуататорские классы были ликвидированы как классы, но их остатки физически, а идеологически и подавно, продолжали существовать. Вторая мировая война воспрепятствовала широкому развитию производственных отношений, а производительные силы, составляющие нужную и необходимую для этого основу, были основательно подорваны. Марксистско-ленинская идеология была господствующей идеологией, но нельзя сказать, что старые идеологии были полностью искоренены из сознания масс. Советский Союз выиграл войну с фашизмом, но против него началась война другими средствами, причем не менее опасная. Империализм с американским империализмом во главе объявил «холодную войну» против коммунизма, и все отравленные стрелы мирового капитализма были направлены в первую очередь про-

тив Советского Союза. На советское государство и советских людей начали оказывать большое давление, чтобы вызвать у них страх перед войной, сковать революционный порыв, сдержать их дух интернационализма и сопротивления империализму.

Хрущев спасовал, капитулировал перед этим внутренним и внешним давлением. Он начал представлять ситуацию в розовом цвете, чтобы скрыть свои пацифистские иллюзии. Его положения о «коммунистическом строительстве», об «окончании классовой борьбы», «об окончательной победе социализма» казались новаторскими, но в действительности же были реакционными. Они являлись выражением сокрытия складывавшейся новой действительности — возникновения и становления нового буржуазного сословия и его стремлений установить свою власть в Советском Союзе.

Линия и программа, изложенные Хрущевым на XX съезде КПСС, были не только линией реставрации капитализма в Советском Союзе, но и линией подрыва революции, подчинения народов империализму, рабочего класса — буржуазии. Хрущевцы утверждали, что на нынешнем этапе главным путем перехода в социализм является мирный путь. Они рекомендовали коммунистическим партиям проводить политику классового примирения, сотрудничества с социал-демократией и другими политическими силами буржуазии. Эта линия содействовала достижению тех целей, за осуществление которых империализм и капитал уже давно боролись всеми средствами: оружием и идеологической диверсией. Она открыла широкий путь буржуазному реформизму и дала капиталу возможность маневрировать в трудных экономических, политических, военных ситуациях, созданных для него после второй мировой войны. Этим объясняется вся та большая гласность, которой буржуазия во всех концах мира предавала XX съезд КПСС, как и тот факт, почему она назвала Хрущева «человеком мира», «понимающим ситуации», в отличие от Сталина, выступавшего за «коммунистическую ортодоксию», за «непримиримость с миром капитала» и т.д.

Своими проповедями мирного пути перехода в социализм хрущевцы требовали от коммунистов и революционеров всего мира не подготавливаться к революции и не совершать революцию, а всю свою работу свести к пропаганде, избирательным дискуссиям и маневрам, профсоюзным манифестациям и злободневным требованиям.

Это была типично социал-демократическая линия, против которой с таким жаром боролся Ленин и которую свела на нет Октябрьская революция. Хрущевские взгляды, заимствованные из арсенала лидеров Второго Интернационала, вызывали опасные иллюзии и дискредитировали самую идею революции. Они призывали рабочий класс и трудящиеся массы не проявлять бдительность и не давать отпор буржуазному насилию, а поддаться произволу буржуазии, стать на колени перед ней. Это было подтверждено и событиями в Индонезии, Чили и т.д., где коммунисты и народы очень дорого заплатили за ревизионистские иллюзии мирного пути перехода в социализм.

Столь полезным для империализма и буржуазии и столь вредным для революции было и другое положение XX съезда КПСС, положение о «мирном сосуществовании», которое хрущевцы пытались навязать всему коммунистическому движению, распространив его и на отношения между классами, между народами и их империалистическими угнетателями. Судя по тому, как ставили вопрос хрущевцы: «либо мирное сосуществование, либо разрушительная война», народам и мировому пролетариату не оставалось иного решения, кроме как согнуть спину, отказаться от классовой борьбы, от революции, от всего того, что «могло разгневать» империализм и вызвать войну.

Взгляды хрущевцев на «мирное сосуществование», тесно связанные с их утверждениями об «изменении природы империализма», практически совпадали с утверждениями Браудера о том, будто американский капитализм и империализм стали фактором прогресса в развитии мира послевоенного периода. Приукрашивание американского империализма и создание ложного представления о нем притупляли бдительность народов в отношении гегемонистской и экспансионистской политики Соединенных Штатов Америки, подрывали освободительную, антиимпериалистическую борьбу народов. Хрущевское «мирное сосуществование» не только как идеология, но и как практическая политическая линия побуждало народы, особенно новые государства Азии, Африки, Латинской Америки и т.д., гасить «очаги войны», искать сближения и примирения с империализмом, воспользоваться «международным сотрудничеством» для «мирного развития» своей экономики. Эта линия, несмотря на употребление новых выражений, терминов и формул, была той же линией, которую проповедовал Браудер, утверждая, что богатая Америка в условиях «мирного сосуществования» между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом могла помочь всему миру подняться на ноги и двигаться вперед, была той же линией, которую проповедовал и проводил Тито в Югославии — линией распахивания дверей страны для проникновения американской помощи, кредитов и капиталов. Она отображала и желание Мао Цзэдуна и других маоистских руководителей развивать Китай на американской помощи, чему до того времени мешали разные обстоятельства и события.

Советский Союз также не может обходиться без помощи Соединенных Штатов Америки и других западных стран, как не могут обходиться без нее титовцы и теперь и маоисты. Интеграция Советского Союза и других связанных с ним ревизионистских стран в мировую капиталистическую экономику получила большие размеры. Эти страны стали крупнейшими импортерами западного капитала. Их задолженности (только оглашенные) исчисляются десятками миллиардов долларов. Иногда, ввиду создаваемых конъюнктур, как, например, теперь, в связи с событиями, происходящими в Афганистане, этот процесс замедляется, но никогда не останавливается. Капиталистические интересы обеих сторон настолько большие, что в отдельных ситуациях они поднимаются над всеми трениями, соперничеством и столкновениями.

Советские ревизионисты использовали положение о «мирном сосуществовании» не только для узаконения своей политики уступок и компромиссов с американским империализмом. Эта линия служила и служит им и как маска для прикрытия экспансионистской политики советского социал-империализма, ослабления бдительности и сопротивления народов империалистическим и гегемонистским планам советских ревизионистских руководителей. Положение о «мирном сосуществовании» было призывом советских ревизионистов к американским империалистам к разделу мира и совместному мировому господству.

Хрущевская ревизионистская линия дала возможность империализму и реакции воспользоваться ситуацией и развернуть всеобщее наступление на коммунизм. В особенности этой новой кампании против революции и социализма способствовали нападки и клевета хрущевских ревизионистов на Сталина и его дело.

Хрущевские ревизионисты развернули борьбу против Сталина с целью узаконения антимарксистского курса, который они начали проводить внутри страны и за ее пределами. Они не могли отрицать диктатуру пролетариата и превратить Советский Союз в буржуазно-капиталистическое государство, не могли вступить в сделки с империализмом без отрицания дела Сталина. В этом и причина того, почему в кампании борьбы против него были заимствованы обвинения из арсенала империалистической и троцкистской пропаганды, которая прошлое Советского Союза изображала как период «массовых репрессий», а социалистическую систему — как «подавление демократии», как «диктатуру, похожую на диктатуру Ивана Грозного», и т.д.

Но, несмотря на выпады и клевету империалистов, ревизионистов и других врагов революции, имя и дело Сталина были и остаются бессмертными. Сталин был великим революционером и выдающимся теоретиком, стоящим в один ряд с Марксом, Энгельсом и Лениным.

Жизнь каждый день подтверждала и подтверждает правильность анализа, которому Албанская партия Труда подвергла хрущевский ревизионизм, и позиции, занятой ею в отношении его. В Советском Союзе был подорван социализм и восстановлен капитализм. На международной арене поведение и акции советского руководства все больше и больше раскрывают социал-империалистический характер Советского Союза, реакционность его великодержавной идеологии. Таким образом, хрущевский ревизионизм стал не только идеологией реставрации капитализма и подрыва революции и освободительной борьбы народов, но и идеологией социал-империалистической агрессии.

II.

ЕВРОКОММУНИЗМ — ИДЕОЛОГИЯ ПОДЧИНЕНИЯ БУРЖУАЗИИ И ИМПЕРИАЛИЗМУ

Современный ревизионизм, как мы уже отметили выше, возник в период обострения всеобщего кризиса капитализма. Он стал союзником буржуазии и империализма и присоединился к их борьбе за сдерживание и подавление мощной волны пролетарских революций, национально-освободительных войн и народно-демократического и антиимпериалистического движения. В силу всего этого новый ревизионизм не мог не приобретать разные формы и виды и не прибегать к методам и тактике, которые соответствовали бы потребностям капитала любой страны. Свое наибольшее развитие, свое распространение в коммунистическом и рабочем движении он получил после выхода на арену хрущевского ревизионизма.

Измена, происшедшая в Советском Союзе, явилась для буржуазии и империализма безмерной помощью в самые трудные для них моменты. Она дала крупному капиталу возможность нанести удар по марксистско-ленинской теории и практике социалистического строительства, вызвать сомнения в отношении революционной стратегии пролетариата и разложить идеологически и политически коммунистические партии. В первую очередь, тяжелое идейное сотрясение потерпели коммунистические и рабочие партии Западной Европы, следовавшие предательской линии Тито-Хрущева. В этих партиях давно уже была подготовлена почва для принятия и дальнейшего продвижения вперед хрущевских ревизионистских идей и практики. Их идейное и организационное разложение в разной степени и в разных формах началось еще раньше. В их рядах уже давно проводились псевдореволюционные теории и практика.

НАЧАЛО СОВРЕМЕННОГО РЕВИЗИОНИЗМА В КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЯХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

В период второй мировой войны в Европе было создано много положительных факторов, делавших возможным и необходимым превращение антифашистской войны в глубоко народную революцию. Фашизм ликвидировал не только национальную независимость оккупированных им стран, но и все демократические свободы, погреб и саму буржуазную демократию. Поэтому борьба с фашизмом должна была быть не только борьбой за национальное освобождение, но и борьбой в защиту и за развитие демократии. Борьбу за осуществление этих двух целей коммунистические партии должны были связать с борьбой за социализм.

В странах Центральной и Юго-Восточной Европы коммунистические партии сумели связать задачи борьбы за независимость и демократию с борьбой за социализм. Они выработали и проводили политику, приведшую к установлению нового, народно-демократического строя. Коммунистические же партии Западной Европы оказались неспособными воспользоваться благоприятными условиями, созданными второй мировой войной и победой над фашизмом. Это говорило о том, что они не поняли как следует ориентации VII конгресса Коммунистического Интернационала * и не проводили их в жизнь должным образом. Этот конгресс отмечал, что сопротивление и борьба с фашизмом в определенных условиях создаст и возможности для формирования правительств единого фронта, совершенно отличных от социал-демократических правительств. Они должны были способствовать переходу от этапа борьбы с фашизмом к этапу борьбы за демократию и социализм. Но во Франции и в Италии борьба с фашизмом не привела к созданию правительств типа, которого Коминтерн требовал. После окончания войны там к власти пришли правительства буржуазного типа. Участие коммунистов в них не изменило их характера. Французская коммунистическая партия, которая, вообще, вплоть до окончания второй мировой войны придерживалась правильной линии, также не сумела исправить и преодолеть ошибки, слабости и уклоны по определенным вопросам, которые, в частности, объяснялись и отсутствием реалистических анализов внутренних и внешних ситуаций.

Французская коммунистическая партия сыграла первостепенную роль в создании Народного Фронта во Франции. Это она на своем Нантском съезде в 1935 году выдвинула лозунг Народного фронта, нашедший немедленный отклик среди широких масс французского народа. Коминтерн высоко оценил работу и усилия Французской коммунистической партии к созданию Народного Фронта. Несмотря на это, нужно сказать, что она не сумела, или не смогла использовать сложившиеся условия в интересах рабочего класса.

Коммунистическая партия открыто говорила о той опасности, которой угрожал Франции внутренний и внешний фашизм, предупреждала о ней, демонстри-

---

* Этот конгресс проходил с 25 июля по 21 августа 1935 г.

ровала на улицах, однако мер против него и всего другого ожидала от «легальных» правительств, от буржуазных правительств, созданных и комбинированных буржуазным парламентом. Это стало очевидно при создании Народного Фронта, которое явилось успехом для Французской коммунистической партии, ибо в сложных ситуациях того времени он предотвратил установление во Франции фашистского правительства. Правительство Блюма, хотя оно и приняло некоторые меры в пользу рабочего класса, все же пошло и предало программу Народного Фронта в вопросах внутренней и внешней политики. Коммунистическая партия, которая не участвовала в правительстве Народного Фронта, но зато поддерживала его в парламенте, оказалась не в состоянии помешать этому процессу. На смену борьбе масс, забастовкам, демонстрациям и другим выступлениям пришли еженедельные встречи, которые Леон Блюм устраивал у себя дома с Торезом и Дюкло.

Глава правительства Народного Фронта был социалистом, а социалисты занимали много мест в правительстве, но правительственный аппарат в центре и на местах остался прежним. Армия оставалась «la grande muette» *. Ею командовала, как и при прежних правительствах, реакционная каста офицеров, вышедшая из буржуазных военных учебных заведений, которые готовили кадры для подавления французского народа и для захвата колоний, но не для борьбы с фашизмом и реакцией.

Французская коммунистическая партия не выносила заключений из своих действий, не организовывалась для настоящей борьбы с фашизмом и реакцией. Пропаганда и агитация, демонстрации и забастовки, которыми она руководила, не были направлены на захват власти из рук буржуазии. Хотя основные положения марксизма-ленинизма не отрицались, деятельность и борьба этой партии непроизвольно и незаметно получали черты борьбы за реформы, за экономические требования в профсоюзном плане. Конечно, профсоюзы играют революционную роль, когда ими правильно руководят и когда в них создается революционная обстановка, иначе профсоюзное движение превращается в рутину, состряпанную профсоюзными лидерами, занимающими то правильную, то уклонистскую, то либеральную, то оппортунистическую позицию, которая в конечном итоге оказывается сведенной к пустопорожним переговорам и компромиссам с патронатом.

Во время испанской войны Французская коммунистическая партия активно поддерживала Коммунистическую партию Испании и испанский народ в их борьбе против Франко агитацией и пропагандой, а также и материальной помощью. Она выступила с призывом направить добровольцев в Испанию, и на ее призыв откликнулись тысячи членов партии и других антифашистов, из которых три тысячи пали на испанской земле. Некоторые из главных партийных руководителей непосредственно участвовали в войне или же побывали в Испании в отдельных случаях. Большинство добровольцев, которые из многих стран отправлялись в Испанию вступить в интернациональные бригады, проезжали через

---

* По-французски: большая немая. Здесь в том смысле, что в армии запрещено заниматься политикой.

Францию. Это Французская коммунистическая партия организовывала их транзитную перевозку.

Во время испанской войны французские коммунисты и рабочий класс Франции приобрели новый опыт в битвах, обогативший старую традицию революционных войн французского пролетариата. Он составлял большой капитал, революционный опыт, накопленный в организованных фронтальных классовых битвах против жестокой франкистской реакции, против итальянских и немецких фашистов, как и против самой французской реакции и мировой реакции вообще. Этот революционный капитал должен был служить партии в критические моменты второй мировой войны и оккупации Франции, но на деле он не был использован.

Французская коммунистическая партия разоблачила мюнхенскую политику, которой Даладье и Бонне пошли на уступки Гитлеру, продав интересы чехословацкого народа с тем, чтобы направить гитлеровскую военную машину против Советского Союза. Она решительно отстаивала германско-советский договор о ненападении, отвергла клеветнические измышления буржуазии и выдержала ее репрессии. Она призвала к сопротивлению и смело поднялась на борьбу с немецкими оккупантами и их вишійскими прихвостнями. Эта борьба, которая началась налетами, забастовками, демонстрациями, саботажем постоянно усиливалась. Созданные коммунистической партией ФТП * были единственными формированиями, боровшимися против оккупантов, тогда как голлистские *reseaux* **, как об этом говорит и само наименование их, являлись ничем иным, как сетью секретных служб по сбору военной информации, полезной союзникам.

В то время как голлисты призывали дожидаться высадки, а уже затем выступить, коммунистическая партия отважно боролась за освобождение страны.

В период борьбы за национальное освобождение Французская коммунистическая партия организовала и усилила сопротивление захватчикам, она постаралась и кое-что сделала в связи с антифашистским фронтом. И тем не менее, как показали события, она не замышляла и не планировала взятие власти или же отказалась от этого даже если и планировала его.

Об этом свидетельствует тот факт, что во время войны она создала много комитетов национального освобождения, но не позаботилась и не приняла никаких мер для их утверждения как ядер новой власти. Партизанские формирования были созданы и до конца остались небольшими отрядами без органической связи между собой. Никогда партия не выдвигала вопроса о создании крупных соединений, настоящей национально-освободительной армии.

Французская коммунистическая партия продолжала вести антифашистскую борьбу, которой она сама руководила, но эту борьбу не превратила во всенародную революционную борьбу. Более того, она нашла целесообразнее и «революционнее» попросить де Голля принять в свой Комитет «Свободная Франция» ее представителя. Все это означало: «Господин де Голль, прошу тебя, прими и меня

---

* Франтиреры и Партизаны — французские партизанские силы, действовавшие под руководством ФКП.

** По-французски: сеть.

в твой комитет». Это означало: «Господин де Голль, Французская коммунистическая партия и партизанские силы становятся под командование твое и Комитета «Свободная Франция»». Это означало: «Господин де Голль, мы, коммунисты, и не намерены совершать какую-нибудь революцию или захватить власть, мы хотим только, чтобы в будущей Франции продолжалась старая игра партий, «демократическая» игра, и чтобы в будущем правительстве, в соответствии с голосами, участвовали и мы».

Пока французские коммунисты занимались такими делами, буржуазия подготавливала и организовывала силы для захвата власти во Франции, чего она рассчитывала добиться после высадки англо-американских союзников. Национальный Комитет, созданный и руководимый группой де Голля в Лондоне и превратившийся в правительство в Алжире, считался самой подходящей силой для захвата власти. Конечно, эту задачу он должен был решать вместе с внутренними силами, подготовленными и приведенными в движение буржуазией, сообща со старой армией, командуемой генералами, которые, отслужив у Петена и видя, что немецкий корабль тонул, поставили себя на службу де Голлю.

Французская коммунистическая партия оценила неправильно эту опасную ситуацию, или не вникла в суть дела. Она опасалась того, как бы дела не осложнились с высадкой союзных сил, испугалась де Голля и сил, сплоченных вокруг него, стало быть, испугалась гражданской войны и в особенности борьбы с англо-американцами.

Коммунистическая партия забыла пример героических коммунаров, которые, окруженные немецкими войсками Бисмарка, восстали против версальцев, «штурмуя небеса», как говорил Маркс, и создали Парижскую Коммуну. «Нужно было считаться с силами» — могут сказать теоретики, оправдывающие эту роковую ошибку, допущенную Французской коммунистической партией во второй мировой войне. Конечно, с силами нужно было считаться. Но если коммунары даже при отсутствии партии и организованности, не имея связей с крестьянством и остальной частью французского народа, к тому же окруженные иностранными оккупационными войсками, ринулись в атаку и захватили власть, то французский рабочий класс со своей партией во главе, закаленный в битвах, озаряемый марксизмом-ленинизмом и имея в своей борьбе такого великого и могучего союзника, как Советский Союз, мог, став во главе трудящихся масс и настоящих патриотов, в сто раз успешнее осуществить бессмертное дело коммунаров.

В общем, руководство коммунистической партии показало себя вялым, слабым, у него не хватило смелости и зрелости, необходимых для осуществления стремлений и чаяний французских борцов-коммунистов и французского пролетариата, геройски и решительно сражавшихся с гитлеровскими захватчиками. Оно не пошло по марксистско-ленинскому пути, по пути революционной борьбы. Оно не пошло по следам коммунаров.

В Италии антифашистская война имела свои особые характеристики и черты, зато цели, которые поставило себе руководство Итальянской коммунистической партии, его колебания и уступки похожи на цели, колебания и уступки Французской коммунистической партии.

Начало второй мировой войны застало руководителей Итальянской коммунистической партии в основном во Франции. Почти все они попали в руки полиции. Среди них оказался и генеральный секретарь партии, Пальмиро Тольятти, который, как только был выпущен на свободу в марте 1941 года, отправился в Советский Союз.

Хотя Итальянская коммунистическая партия заняла правильную позицию по отношению к развязанной фашистскими державами агрессивной войне и осудила ее как империалистическую, захватническую войну, ее деятельность осталась ограниченной. Все усилия этой партии сводились к попыткам создать коалицию антифашистских партий в эмиграции, к некоторым обращениям и резолюциям, к выпуску отдельных пропагандистских изданий.

В марте 1943 года партии, которая к середине 1942 года начала разворачивать свою деятельность внутри страны, удалось организовать в некоторых районах ряд мощных забастовок, свидетельствовавших о подъеме антифашистского народного движения. Забастовки эти ускорили ход событий, приведших к низвержению Муссолини.

Страх перед революцией заставил итальянскую буржуазию и символ ее господства, короля, привести к власти Муссолини в 1922 году. Тот же самый страх вынудил ее и короля лишить его власти в июле 1943 года.

Муссолини был низвергнут государственным переворотом правящей касты. Переворот был делом короля, Бадольо и других лидеров фашизма. Перед лицом неминуемого поражения Италии, этим они хотели предотвратить опасность поднятия итальянского рабочего класса и итальянского народа на борьбу и революцию, что не только свергло бы фашизм и монархию, но и поставило бы под угрозу само господство итальянской буржуазии, как класса.

Движение сопротивления итальянского народа против фашизма получило широкие размеры особенно с капитуляцией Италии. В Северной Италии, которая еще оставалась оккупированной немцами, была организована по инициативе партии освободительная борьба, охватившая широкие массы рабочих, крестьян, антифашистской интеллигенции и других слоев населения. Были созданы крупные регулярные партизанские части, которыми в подавляющем большинстве руководила партия.

Кроме партизанских частей и соединений, в Северной Италии были созданы, также по инициативе Коммунистической партии, комитеты национального освобождения. Партия боролась за то, чтобы комитеты эти стали новыми органами демократической власти, но, в действительности, они остались коалициями различных партий. Именно поэтому они не были превращены в настоящие органы народной власти.

Если в Северной Италии борьба партии развивалась, в целом, правильным путем и могла привести не только к освобождению страны, но и к установлению народной власти, то на Юге и вообще в национальном масштабе партия отнюдь не ставила вопрос взятия власти. Она добивалась всего лишь формирования сильного и авторитетного правительства и не стремилась к свержению монархии и Бадольо. В моменты, когда в стране существовали благоприятные условия для

продвижения вперед революции, программа коммунистической партии была программой-минимум. Партия стояла за парламентское разрешение в рамках легальности буржуазного строя. Самое большее, на что она претендовала, это участие в правительстве двумя-тремя министрами.

Тем самым Итальянская коммунистическая партия оказалась в фарватере буржуазных политических комбинаций и делала одну беспринципную уступку за другой. В канун освобождения страны она обладала большой политической и военной силой, которую не сумела или же не хотела использовать, и добровольно разоружилась перед буржуазией. Она отреклась от революционного пути и вступила на парламентский путь, постепенно превратившись из партии революции в буржуазную партию рабочего класса, выступающую за социальные реформы.

Что касается Испании, то нужно сказать, что директивы VII конгресса Коммунистического Интернационала имели здесь большие результаты, чем во Франции и Италии. Их эффект ощущался особенно во время гражданской войны. Поначалу коммунисты не состояли в правительстве Народного Фронта, но зато оказывали ему свою поддержку. И тем не менее коммунистическая партия критиковала правительство за его нерешительность и требовала от него принять меры к отражению фашистской угрозы, против деятельности фашистов и особенно касты офицеров, представлявших к тому времени непосредственную опасность.

17 июля 1936 года вспыхнуло «пронунсиаменто» фашистских генералов. Заговор фашистов был хорошо согласован. Они действовали под носом у правительства левых и властей, установленных правительством, образованным коалицией Народного Фронта. Против этой опасности выступили все антифашистские силы. В ноябре было сформировано правительство во главе с Ларго Кабальеро, в состав которого вошли и два министра-коммуниста. Тем самым был создан общий фронт для защиты Республики даже с оружием в руках. Правительство предоставило баскам автономию, конфисковало в пользу бедных крестьян земли фашистов и национализировало все их имущество.

Коммунистическая партия с самого начала призвала рабочий класс и весь народ к сопротивлению. Однако она не ограничилась лишь призывами, она перешла к действию. Члены партии проникли в казармы, туда, где находились солдаты, чтобы разъяснить им ситуацию, показать им, кто такие фашисты и какую угрозу несли они рабочим, крестьянам, всему народу. В Мадриде, столице Испании, фашистский переворот потерпел крах.

В других городах народ, в первую очередь рабочий класс, напали на воинские подразделения, восставшие против Республики, и парализовали их. В Астурии борьба горняков против фашистских войск продолжалась целый месяц, и этот край остался в руках народа. Фашистам не удалось пройти. То же самое произошло и с баскским краем и со многими другими районами Испании.

В первые августовские дни казалось, что фашистские генералы пошли под откос и поражение было бы полным, если бы им не пришли немедленно на помощь войска фашистской Италии и нацистской Германии, как и войска, завербованные в испанском Марокко, а также войска, посланные фашистской Португалией.

В стране, где армией руководила старая каста реакционных и фашиствующих офицеров-роялистов, судьбы страны нельзя было верить армии, часть которой шла за фашистскими генералами, а остальная часть разлагалась. Вот почему коммунистическая партия призвала к созданию новой армии, армии народной. Коммунисты взялись за дело создания этой армии и за короткий срок сумели образовать пятый полк. На базе этого полка, прославившегося во время Испанской войны, создалась народная армия Испанской Республики Решительная позиция коммунистической партии против фашистского наступления, пример отваги, который она подала, встав во главе масс, чтобы не дать фашизму пройти, пример, поданный ее членами, шестьдесят процентов которых отправились на разные фронты войны — все это заметно подняло авторитет и престиж партии в массах народа.

Партия растет, завоевывает авторитет и становится руководителем масс в том случае, если у нее ясная линия и если она смело включается в борьбу за ее осуществление. Такой партией и стала Коммунистическая партия Испании в период гражданской войны. Со времени начала фашистского мятежа в июле 1936 года и до конца того года число членов коммунистической партии увеличилось втрое. И хотя в те дни люди вступали в партию, чтобы отдать свою жизнь, а не чтобы голосовать на выборах, ни одна партия, ни так называемая коммунистическая партия Каррильо, ни другие ревизионистские партии, которые настежь распахнули двери перед всяким, желающим вступить в них, будь это светский или верующий, рабочий или буржуа, не может говорить о таком росте своего авторитета и влияния, какого достигла Коммунистическая партия Испании в период гражданской войны.

Испанская война закончилась в начале 1939 года распространением господства Франко на всю территорию страны. В этой войне Коммунистическая партия Испании не жалела своих сил для разгрома фашизма. И если последний победил, то, помимо разных внутренних факторов, это объясняется в первую очередь вмешательством итальянского и немецкого фашизма, как и капитулянтской политикой «невмешательства», которую западные державы проводили в отношении фашистских агрессоров.

Многие члены Коммунистической партии Испании отдали свою жизнь в гражданской войне. Другие же пали жертвой франкистского террора. Еще тысячи и тысячи попали в тюрьмы, где томились целыми годами или погибли. После победы фашистов по всей Испании развернулся жесточайший террор.

Испанские демократы, которым удалось избежать концлагерей и ареста, приняли участие во французском сопротивлении и мужественно сражались, а те испанские демократы, которые эмигрировали в Советский Союз, вступили в ряды Красной Армии и многие из них отдали свою жизнь в борьбе с фашизмом.

Хотя и в чрезвычайно трудных условиях, коммунисты продолжили борьбу гверильясов и организовали борьбу сопротивления и в самой Испании. В большинстве своем они попали в руки франкистской полиции и были приговорены к смерти.

Франко нанес тяжелый удар революционному авангарду рабочего класса и народных масс в Испании, что возымело негативные последствия для коммунистической партии. Поскольку наиболее здоровые, идеологически наиболее подготовленные, наиболее решительные и мужественные борцы проиграли в борьбе с оружием в руках и пострадали от фашистского террора, в Коммунистической партии Испании одержали верх и оказали свое отрицательное и губительное влияние трусливое мещанство и интеллигентщина, вроде Каррильо и компании. Они шаг за шагом превратили Коммунистическую партию Испании в оппортунистическую и ревизионистскую партию.

ОБЪЕДИНЕНИЕ С ХРУЩЕВСКИМИ РЕВИЗИОНИСТАМИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА И РЕВОЛЮЦИИ

Экономические и политические условия, сложившиеся в Западной Европе после второй мировой войны, еще больше содействовали консолидации и распространению ошибочных и оппортунистических взглядов, и раньше бытовавших в руководстве коммунистических партий Франции, Италии и Испании, дальше поощрили у него дух уступчивости и соглашательства в отношении буржуазии.

Таковыми факторами явились, в частности, отмена фашистских законов и других принудительных и ограничительных мер, установленных европейской буржуазией в период с первых дней после победы Октябрьской революции и до начала войны с целью остановить рост революционного подъема рабочего класса, не дать ему организовать политически, пресечь путь распространению марксистской идеологии.

Восстановление в более или менее широком масштабе буржуазной демократии: полная легализация всех политических партий, за исключением фашистских; допущение их беспрепятственного участия в политической и идеологической жизни страны; предоставление этим партиям возможности активно участвовать в избирательных кампаниях, проходивших уже на базе ряда менее ограничительных законов, за принятие которых долгое время боролись коммунисты и другие прогрессивные силы — все это вызвало у руководства коммунистических партий много реформистских иллюзий. В нем начало укореняться мнение о том, что с фашизмом уже раз и навсегда покончено, что буржуазия не только больше не в состоянии ограничивать демократические права трудящихся, но и вынуждена будет дальше расширить их. Оно стало полагать, что коммунисты, выйдя из войны самой влиятельной и самой мощной организующей и мобилизующей политической силой нации, заставят буржуазию идти по пути расширения демократии и допущения все большего участия трудящихся в управлении страной, что через выборы в парламент они смогут мирным путем взять власть и приступить затем к социалистическому преобразованию общества. Участие двух-трех министров-коммунистов в послевоенных правительствах во Франции и в Италии руководство этих партий расценивало не как максимум формальных концессий со стороны буржуазии, а как начало процесса, который будет постоянно

развиваться вплоть до формирования правительственного кабинета из одних только коммунистов.

Распространению оппортунистических и ревизионистских идей в коммунистических партиях в большой мере способствовало и послевоенное развитие экономики на Западе. Правда, Западная Европа была разорена войной, но она была восстановлена сравнительно быстро. Американские капиталы, наплывшие в Европу в рамках плана Маршалла, позволили восстановить фабрики, заводы, заметно увеличить производство сельского хозяйства и расширить работу транспорта. Все это открыло широкие фронты труда и не только обеспечило на длительный период времени занятость свободной рабочей силы, но и вызвало своего рода голод в рабочей силе.

Такое положение, приносившее буржуазии большие сверхприбыли, позволило ей раскошелиться немножко и в известной мере смягчить трудовые конфликты. В общественной области — в сфере социального обеспечения, здравоохранения, образования, трудового законодательства и т.д. — она приняла ряд мер, за которые рабочий класс долго боролся. Заметное улучшение жизненного уровня трудящихся по сравнению с военным и даже с довоенным периодом, быстрое увеличение производства в результате реконструкции промышленности и сельского хозяйства и начала научно-технической революции, полная занятость рабочей силы — все это открыло дорогу процветанию среди неподкованных и оппортунистических элементов иллюзий о развитии капитализма без классовых конфликтов, о предотвращении им кризисов, о ликвидации такого явления, как безработица и т.д. Тем самым лишний раз была доказана правильность важного положения марксизма-ленинизма о том, что периоды мирного развития капитализма становятся источником распространения оппортунизма. Новая прослойка рабочей аристократии, резко увеличившаяся к этому времени, стала оказывать все более негативное влияние в рядах партий и их руководства, насаждая в них оппортунистические и реформистские идеи и взгляды.

Под воздействием этих обстоятельств программы коммунистических партий все больше сводились к минимальным демократическим и реформистским программам, а идея революции и социализма все более и более отдалялась. Великая стратегия революционного преобразования общества уступила место малой стратегии разрешения текущих злободневных проблем, которая была возведена в абсолют и стала генеральной политической и идеологической линией.

Таким образом, после второй мировой войны коммунистические партии Италии, Франции, Великобритании, а затем и Испании начали постепенно отходить от марксизма-ленинизма, принимать ревизионистские тезисы и взгляды, идти по пути реформизма. Когда на арене появился хрущевский ревизионизм, условия были подходящими для того, чтобы эти партии полностью восприняли его и объединились с ним в борьбе против марксизма-ленинизма. Их окончательному переходу на антимарксистские, социал-демократические позиции, помимо давления буржуазии и социал-демократии внутри страны, в значительной мере способствовали решения XX съезда КПСС.

Итальянские ревизионисты первыми восприняли линию XX съезда КПСС и сразу же после него с помпой провозгласили так называемый итальянский путь в социализм. Со свержением фашизма Итальянская коммунистическая партия выступила с оппортунистической политической и организационной платформой. Прибыв в Неаполь из Советского Союза в марте 1944 года, Пальмиро Тольятти навязал партии курс на классовое сотрудничество с буржуазией и ее партиями. «Мы, — заявил Тольятти на состоявшемся в то время пленуме Национального совета партии, — не ставим целью нашей борьбы взятие власти в силу международных и национальных конъюнктур, мы хотим только полностью уничтожить фашизм и установить «подлинную передовую антифашистскую демократию». ИКП «должна все вопросы рассматривать сквозь призму нашей нации, итальянского государства» *.

В Неаполе Тольятти впервые выдвинул идею и даже и платформу того, что он назвал «новой партией масс», отличающейся по своему классовому составу, по своей идеологии и организационной форме от коммунистической партии ленинского типа. Естественно, для проведения нужной Тольятти политики беспринципных союзов и реформ нужна была и реформистская партия, широкая и безграничная партия, в которую мог вступать и которую мог покидать любой человек когда ему угодно. «Его понятие о массовой партии, уходящей своими корнями в народ, — писал много лет позднее один из сотрудников Тольятти, — приобретает нужную полноценность, если тесно увязывать его с национальным компонентом борьбы коммунистов. Фактически, их цель — добиться глубоких перемен в обществе ... посредством реформ» **.

Рабочий класс Италии надеялся, что с освобождением страны будет установлена глубокая социальная справедливость, что дела изменятся, что он завоюет, в конечном итоге, право говорить свое слово. Но такого не было, и это из-за организации и управления жизнью страны разными буржуазными партиями, в том числе и коммунистической партией. Чтобы сбить с толку массы и создать у них впечатление, будто к их голосу прислушиваются в деле управления страной, они урегулировали политическую жизнь с партиями большинства и меньшинства, с правящими и оппозиционными партиями, прибегая при этом ко всем парламентским фокусам и уловкам, ко всякого рода обману и демагогии.

Итальянская коммунистическая партия заняла поначалу два незначительных ведомства, которые крупная буржуазия уступила ей в рамках «демократической» игры на время, пока она не укрепит свои позиции, не восстановит свою армию, свою полицию, всю свою репрессивную сеть, пока не удушит и не парализует при участии коммунистов в правительстве любые тенденции итальянского рабочего класса и итальянского народа расплатиться с теми, кто эксплуатировал, угнетал и отправил его похитить свободу у других народов, ради чего его сыны легли костями в Абиссинии, Испании, Албании и даже в Советском Союзе. Позднее, в мае 1947 года, когда они больше не нужны были ей, буржуазия вытеснила

* P. Spriano. Storia del Partito comunista italiano, Torino, 1975, стр. 308.

** G. Ceretti. A l'ombre des deux T, Paris, 1973, стр. 52.

из правительства министров-коммунистов. Возможная опасность рабочего наступления была предотвращена. Рабочий класс стал «в строй», включился в разные профсоюзы в зависимости от окрасок партий, и началась, таким образом, борьба за голоса, парламентская борьба.

После XX съезда Коммунистической партии Советского Союза Тольятти и Итальянская коммунистическая партия всемирно провозгласили свои старые ревизионистские позиции. Они не только одобряли любые шедшие из Москвы признаки либерализма, но и перескакивали этапы, ставя в затруднительное положение даже самих хрущевских ревизионистов, у которых Итальянская коммунистическая партия начала вызывать озабоченность.

Тольяттинцам пришлось по вкусу ревизионистский курс на «десталинизацию», они аплодировали хрущевцам, облившим ушатами грязи Сталина и большевизм, аплодировали хрущевскому курсу на разрушение социалистических основ советского государства, они стояли за ревизионистские реформы и за открытие по отношению к капиталистическим государствам, особенно по отношению к Соединенным Штатам Америки. Будучи ревизионистами, тольяттинцы полностью одобряли хрущевский курс на мирное сосуществование и сближение с империализмом. Ведь сотрудничество с буржуазией, как в национальном, так и международном планах было их старой мечтой.

Вступив на этот путь, хрущевская ревизионистская партия в Советском Союзе нуждалась в единстве и дружбе с Итальянской коммунистической партией, она нуждалась в поддержке особенно со стороны двух ревизионистских партий Запада — французской и итальянской, которые являлись большими партиями и пользовались известным международным авторитетом. Вот почему хрущевцы оказывали явные «почести» этим двум партиям, которые вместе с «почестями» получали и большие субсидии из-под полы.

Так же, как хрущевцы спешили превратить Советский Союз в капиталистическую страну, и тольяттинцы спешили интегрироваться в итальянский капиталистический строй. В докладе под шумным названием «Итальянский путь к социализму», зачитанном в июне 1956 года на заседании ЦК Итальянской компартии, Пальмиро Тольятти изложил ряд тезисов, которые были настолько антикоммунистическими, что Хрущев вынужден был посоветовать ему быть более сдержанным и не перейти меру столь быстро.

В это же время Тольятти выдвинул вопрос об интеграции социализма в капитализм, а также положение, отрицающее роль коммунистической партии, как единственного и неоспоримого руководителя борьбы пролетариата за социализм. Он заявил, что толчок к социализму возможен и там, где нет коммунистических партий. Эти тезисы полностью совпадали с тезисами югославских ревизионистов.

Не случайно итальянские ревизионисты выступили пламенными сторонниками реабилитации югославских ревизионистов. Сам Тольятти взял да поехал в Югославию, чтобы преклониться перед Тито и помочь ему стать «приемлемым» в международном коммунистическом движении.

Итальянская коммунистическая партия и Тольятти высказались против того, чтобы Москва была «единственным центром международного коммунизма». Они проповедовали «полицентризм», направленный на создание нового с Итальянской коммунистической партией во главе ревизионистского блока, который, противопоставившись советскому ревизионистскому блоку, поднял бы авторитет Итальянской коммунистической партии в глазах итальянской и мировой буржуазии. Тольятти рассчитывал завоевать этим самым доверие итальянского монополистического капитала и пуститься в его хоровод. Хрущев увидел опасность высвобождения из-под опеки Москвы ревизионистских партий, как в странах-участницах Варшавского Договора, так и в странах, не входящих в него, так что попытался сохранить «единство». Однако тольяттинский «полицентризм» и хрущевское «единство» были две противоположные и нереальные вещи. Ревизионизм ведет к расколу, а не к объединению.

Нынешняя ревизионистская партия Тольятти, Лонго и Берлингуэра прошла по мрачным и неясным путям. Ее линия и ее позиции были насквозь пронизаны интеллектуалистскими и социал-демократическими взглядами, которые руководитель Итальянской коммунистической партии, Пальмиро Тольятти, демонстрировал крещендо, пока не пришел к своему знаменитому «завещанию», написанному в Ялте незадолго до своей смерти. «Завещание» это составляет кодекс итальянского ревизионизма, на котором основаны, в целом, и нынешние взгляды еврокоммунизма.

Благоприятную почву для своего распространения современный ревизионизм нашел после XX съезда КПСС и во Французской коммунистической партии. В руководстве этой партии идея парламентаризма, идея «союзов» с социал-демократией и с буржуазией, идея борьбы за реформы была уже давно укоренена. Правда, она не провозглашалась открыто как теперь, то есть не воздвигалась в теорию. Но сопротивление и борьбу против фашизма, борьбу в защиту и за развитие демократии, за улучшение положения трудящихся — все эти правильные в принципе действия, правильные и в тактическом отношении, Французская коммунистическая партия не связывала с конечной целью, с социалистической перспективой. Для руководства Французской коммунистической партии эта перспектива была темной или же чем-то таким, что признавалось в теории, но считалось неосуществимым в условиях Франции.

Французская коммунистическая партия, как мы уже отметили, избегала превращения борьбы за национальное освобождение в народную революцию, избегала борьбы за взятие власти с помощью оружия. Рабочий класс и его партия проливали кровь, но за кого? Фактически, за французскую буржуазию и за англо-американских империалистов. Как назвать этот путь Французской коммунистической партии? Бесцеремонно: изменой в отношении революции; осторожно: оппортунистической, либеральной линией.

Правда, ни немецким захватчикам, ни реакции не удалось ликвидировать Французскую коммунистическую партию, но произошло то отрицательное явление, что после освобождения страны партизанские силы, которыми руководила

партия, были обезоружены буржуазией, или вернее, самим руководством партии, принявшим решение обезоружить их, поскольку родина «освободилась».

После освобождения страны буржуазия снова взяла власть в свои руки, а коммунисты остались ни с чем. Было подготовлено ложе для де Голля, который был объявлен спасителем французского народа. Во избежание сопротивления и забастовок разочарованных и возмущенных рабочих, де Голль включает в состав правительства Мориса Тореза и еще одного или двух других коммунистов. За это место в конце стола, предоставленное ей буржуазией, коммунистическая партия заплатила позицией, шедшей вразрез с интересами и волей французского рабочего класса.

Ошибки следуют одна за другой. Опьяненные избирательным успехом, достигнутым на выборах 10 ноября 1946 года, когда коммунисты и социалисты завоевали абсолютное большинство мест в Национальном Собрании, руководители Французской коммунистической партии еще дальше пошли по пути реформизма. Именно в это время Морис Торез дал интервью корреспонденту английской газеты «Таймс», в котором отмечал, что развитие демократических сил в мире и ослабление капиталистической буржуазии после второй мировой войны побуждают предвидеть для Франции «... другие пути к социализму, отличные от пути, по которому пошли тридцать лет назад русские коммунисты... Как бы то ни было, пути будут различными для различных стран» *.

Путь к социализму, о котором говорил тогда Торез, быть может, не был точно хрущевским путем, контуры которого были начерчены позднее. Но все-таки «другие пути», за которые ратовал тогда Торез, не были путями революции.

Французская буржуазия и американский империализм не дали Торезу и руководству Французской коммунистической партии долго пребывать в мечтах о парламентском пути перехода в социализм. Прошло не так много времени, и простым декретом премьер-министра того времени, социалиста Рамадье, коммунисты были выдворены из правительства.

На своем октябрьском заседании 1947 года Центральному Комитету Французской коммунистической партии пришлось выступить с самокритикой в связи со своими ошибочными позициями и действиями в тот период, в связи с неправильной оценкой ситуаций, соотношения сил, политики социалистической партии и т.д.

Таким образом, начиная с конца 1947 года, Французская коммунистическая партия стала более правильно подходить к некоторым вопросам. Она подняла рабочий класс на важные классовые битвы и на крупные забастовки явно политического характера, какими были особенно забастовки 1947 и 1948 годов, вызвавшие панику среди французской буржуазии. В то время Французская коммунистическая партия развернула борьбу против маршаллизации Франции и против поджигательской политики американского империализма. Она выступила против размещения американских баз во Франции, как и против новых колониальных войн французского империализма. Партия обратилась к рабочему классу

---

* M. Thorez. Fils du peuple, Paris, 1960, стр. 234.

с призывом противодействовать колониальной войне во Вьетнаме не только пропагандой, но и конкретными акциями.

В ходе этой борьбы французский рабочий класс выдвинул из своей среды героев и героинь, как Раймонда Дьен, которая легла на железнодорожные рельсы, чтобы не дать поезду, нагруженному оружием, отправиться во Вьетнам.

Французская коммунистическая партия приняла активное участие в совещании Информбюро, рассмотревшем положение в Коммунистической партии Югославии. Она резко осудила и разоблачила измену Тито и его группы.

Но с приходом к власти Хрущева после смерти Сталина в линии Французской коммунистической партии и в поведении ее руководителей вновь начали наблюдаться колебания и отклонения. Эти колебания появились еще в 1954 году в отношении к освободительной борьбе алжирского народа.

Что сделала Французская коммунистическая партия, чтобы помочь этой борьбе? Она провела только одну пропагандистскую кампанию и больше ничего. Она обязана была делами показать свой интернационализм в отношении освободительной борьбы алжирского народа, ибо таким образом она боролась бы и за свободу самого французского народа. Она не сделала этого, потому что была склонна к оппортунистическим и националистским позициям. Французская коммунистическая партия пошла еще дальше. Она запретила Алжирской коммунистической партии включиться в борьбу. Факты показывают, что, когда Алжир был объят пламенем национально-освободительной борьбы, алжирские коммунисты сидели сложа руки, а генеральный секретарь партии, Ларби Бухали катался на лыжах и ломал ногу на Татрах Чехословакии.

Когда Хрущев и хрущевцы начали свою деятельность, направленную на взятие власти и на капиталистическое перерождение Советского Союза, когда они на XX съезде предприняли свою атаку на Сталина сложилось впечатление, будто Французская коммунистическая партия вообще имела противоречия с хрущевским ревизионизмом и с Итальянской коммунистической партией. Видимо, Торез и руководство этой партии с подозрением смотрели на изменения, происшедшие в Советском Союзе.

Свидетельство тому — их отношение к делу Сталина, когда они не присоединились к клеветническим измышлениям Хрущева; свидетельство тому — их в целом правильная позиция в отношении польских и венгерских событий 1956 года.

Но после того, как Хрущев и его группа ликвидировали Молотова, Маленкова, Кагановича и других и, упрочив позиции в партии и государстве, закусили удила, руководство Французской коммунистической партии с Торезом во главе начало колебаться. От своих антихрущевских позиций оно постепенно, делая одну уступку за другой, перешло на позиции Хрущева. Явилось ли это случайностью, было ли это оплошностью Тореза? Было ли это для него, Дюкло и других руководителей отступлением перед давлением, похвалами и ласками Хрущева и перед другими его путчистскими методами? Конечно, эти методы были пущены в ход и они способствовали переходу Французской коммунистической партии на ревизионистские позиции, а затем ее стремительному продвижению по этому

пути. Но это не все. Истинные причины нужно искать в самой Французской коммунистической партии, в ее прежних позициях, в ее внутреннем строительстве и организации, в ее составе, во внешней среде, которая оказывала свое давление на эту партию.

Процесс перехода Французской коммунистической партии на ревизионистские позиции не произошел за один день. Количество превратилось в качество за относительно долгий период времени. На ревизионистские позиции Французскую коммунистическую партию привел реформистский и парламентский путь, путь «протянутой руки», за который ратовал Торез, его уступки и преклонение перед рядом интеллигентов, из которых одни были исключены из партии за измену, тогда как другие остались в партии и стали насаждать пораженчество, распространяя всякого рода теории, искажавшие марксизм-ленинизм. Французская коммунистическая партия жила окруженной буржуазной, ревизионистской, троцкистской, анархистской идейно-политической средой, которая беспрерывно билась о ее стены и пробивала их, причиняя партии большой ущерб.

Крупные международные события также вызвали сотрясения во Французской коммунистической партии. Издание секретного доклада Хрущева против Сталина, который был использован всей европейской и мировой буржуазией, вызвало брожение и во Французской коммунистической партии. Позиция, занятая этой партией по отношению к венгерским и польским событиям, натолкнулась на резкое сопротивление крупной французской буржуазии, средней буржуазии, либеральной интеллигентщины, как и оппортунистов вне партии, но и в ее рядах.

События, происшедшие во Франции в связи с войной в Алжире, также способствовали тому, что во Французской коммунистической партии вновь всплыли на поверхность и стали доминировать старые оппортунистические взгляды и настроения.

Все эти факторы, вместе взятые, превратили Французскую коммунистическую партию из одной из самых авторитетных партий, какой ее знали некогда, в ревизионистскую, реформистскую, социал-демократическую партию. Одним словом, Французская коммунистическая партия снова вернулась на прежние позиции старой социалистической партии, от которой она оторвалась на Турском съезде в 1920 году.

Среди ревизионистских партий, выступивших со знаменем еврокоммунизма, самой страстной является партия Каррильо. Как это произошло, что Коммунистическая партия Испании, отличившаяся своей твердостью во время Народного Фронта и гражданской войны, объединилась с хрущевцами и, совершив измену, пришла в состояние распада и разложения, в котором она находится сегодня? Изменения не произошли да и не могли произойти сразу, без длительного процесса падения и разложения внутри испанской партии и в особенности в ее руководстве.

В первые годы после второй мировой войны руководство Коммунистической партии Испании и большинство ее членов находились во Франции, где жили более или менее легальной жизнью. В эмиграции находилось и испанское респуб-

ликанское правительство. Было время, когда в таких странах, как Франция и Италия, коммунисты еще продолжали находиться в правительстве. Испанские коммунисты начали поступать по примеру своих французских и итальянских товарищей. В 1946 году в Париже вновь было образовано испанское республиканское правительство в эмиграции. Коммунистическая партия Испании направила в качестве своего представителя в это правительство Сантьяго Каррильо.

Когда в мае 1947 года министры-коммунисты во Франции и в Италии были удалены из правительства, для Коммунистической партии Испании, ее кадров и членов положение также начало затрудняться. В августе месяце того же года испанские коммунисты были удалены из эмиграционного правительства. Против них снова начались репрессии, полицейские обыски, аресты. Усилился процесс проникновения французской и франкистской полиции в ряды испанских коммунистов и демократов.

Для руководителей партии и ее кадров пребывание и работа во Франции становились все более трудными, поэтому они отправились в Прагу, Восточный Берлин и в другие страны народной демократии. Их массовое переселение в эти страны более или менее совпало с тем временем, когда в Советском Союзе и в странах Восточной Европы начал всплывать на поверхность хрущевский ревизионистский сброд.

Заседания Политбюро и Центрального Комитета партии начали проводиться очень далеко от Испании. Коммунисты, познавшие суровость гражданской войны и подпольной жизни в Испании, трудности и лишения эмиграционной жизни во Франции, начали вкушать роскошь и удобства дворцов в Богемии и Германии, познавать ласки, похвалы, но и разного рода давление хрущевских ревизионистов, аппаратчиков и агентов секретных служб. Как показали события, руководство Коммунистической партии Испании стало одним из самых покорных, превратившись в слепое орудие Никиты Хрущева и людей его группы.

В 1954 году состоялся V съезд КП Испании. На этом съезде появились первые элементы пацифистского духа и примиренчества, того, что немного позднее составило платформу испанского ревизионизма и нашло свое самое яркое выражение в ультраревионистском и предательском деле Каррильо.

Восприняв хрущевский мирный путь перехода в социализм, Центральный Комитет Коммунистической партии Испании в июне 1956 года, по случаю 20-ой годовщины гражданской войны, выпустил документ, в котором излагалась политика «национального примирения». Коммунистическая партия Испании выступала за соглашение между силами, которые двадцать лет назад боролись друг с другом в противных формированиях. «Политика мести, — говорилось в ее заявлении, — не помогала бы стране ... выйти из того положения, в котором она находится. Испании нужны мир и примирение между ее сынами...» *.

---

* C. Colombo. Storia del Partito Comunista Spagnolo. Milano, 1972, стр. 186-187.

Кануло в прошлое время твердой позиции испанских коммунистов в отношении диктатуры Примо де Риверы ** и «пронунсиамента» генералитета, благодаря которой окрепла и закалилась коммунистическая партия и усилилось ее влияние в массах. Теперь настало время линии самого пошлого оппортунизма, линии заигрывания и преклонения перед буржуазией и ее партиями, перед католической церковью и испанской армией, причем именно эта линия поставила партию Долорес Ибаррури и Каррильо в один ряд с типически социал-демократическими партиями.

Нам не были известны внутренние регрессивные процессы, происшедшие в Коммунистической партии Испании, но когда на Московском совещании коммунистических и рабочих партий в ноябре 1960 года Албанская партия Труда открыто разоблачила современный ревизионизм и в особенности советский ревизионизм, во главе которого стоял предатель и ренегат марксизма-ленинизма, Хрущев, Коммунистическая партия Испании и лично Ибаррури обрушились на нас с самыми низменными нападками.

Следовательно, когда нужно было выступить в защиту марксизма-ленинизма, руководители Коммунистической партии Испании предприняли жестокие выпады на Албанскую партию Труда и взяли под защиту Хрущева и его группу, предавшую марксизм-ленинизм. Время подтвердило, что наша Партия Труда стояла на правильном пути, на марксистско-ленинском пути, а Коммунистическая партия Испании с Ибаррури во главе полностью перешла в лагерь ренегатов и врагов коммунизма.

После 1960 года в Коммунистической партии Испании возникли раздоры и большие разногласия, приведшие к расколу партии. В результате образовались две ревизионистские, антимарксистские фракции: одна просоветская с Листером во главе и другая, которая добивалась независимости от Москвы, чтобы проводить свою собственную линию и которая впоследствии была названа еврокоммунизмом. Во главе второй фракции стояли Ибаррури и Каррильо.

Линия Каррильо все больше соприкасалась с линией Итальянской коммунистической партии и с линией Французской коммунистической партии. Она соприкасалась также с линией Союза коммунистов Югославии. Таким образом, начало кристаллизоваться еще не утвердившееся единство между титизмом, итальянской ревизионистской партией, французской ревизионистской партией и испанской ревизионистской партией Ибаррури.

В то время, когда формировалась эта группировка западноевропейских ревизионистов, в которую входил и Тито и которая пыталась оторваться от Москвы, Коммунистическая партия Китая Мао Цзэдуна приняла в Пекине Каррильо и имела с ним тесные и интимные переговоры. Их содержание не было оглашено, но время показывает, что между китайскими и испанскими ревизионистами много общего. Поэтому и официальные, открытые связи между китайской и испанской ревизионистскими партиями будут скоро установлены.

** Фашистский диктаторский режим Примо де Риверы господствовал в Испании в период 1923-1930 гг.

Политические установки итальянской и французской ревизионистских партий, их цели, их стратегию и тактику установления тесного сотрудничества с реакционной буржуазией и с буржуазным капиталистическим государством воспринял и Каррильо. Но у Коммунистической партии Испании еще не было статуса легальной партии. Поэтому она приложила большие усилия, чтобы заполучить право легального существования в Испании и при господстве Франко. Франкизм и Франко отказали ей в этом. После смерти Франко, с приходом к власти короля Хуана, Каррильо достиг некоторых результатов в направлении легализации партии. Но для этой легализации ему пришлось сделать такие заявления и такие большие принципиальные уступки, которые даже Французская коммунистическая партия и Итальянская коммунистическая партия не позволили себе сделать капиталистической буржуазии своих стран. Ради того, чтобы вернуться в Испанию и легализовать партию, Каррильо согласился признать режим короля Хуана Карлоса и даже дошел до того, что стал восхвалять его, называя его «демократическим»; он признал монархию и ее флаг. После такого преклонения монархисты выдали ему карт-бланш. Коммунистическая партия Испании была легализована. Каррильо и Ибаррури вернулись в Испанию вместе со всем станом испанских предателей.

Как только вернулись в Мадрид, ревизионистские лидеры открыто отвергли Республику и заявили, что Испанская война теперь принадлежит истории. Коалиция с другими, буржуазными партиями и борьба за участие в управлении страной были объявлены основой их линии. На разных выборах, проведенных в Испании, партия Каррильо получила не более 9 процентов голосов, несколько мест в парламенте. Это Каррильо называл «крупной демократической победой, которая изменит лицо Испании». Но в действительности испанским ревизионистам никогда не удастся вымыть лицо Испании, ибо у Ибаррури, Каррильо и компании в руках мыло из дегтя, черное мыло. Они выбросили красное знамя революции и без зазрения совести осквернили кровь десятков и сотен тысяч героев Испанской войны.

В реформистском и оппортунистическом преобразовании коммунистических партий стран Запада важную роль сыграла и линия, которую советское ревизионистское руководство положило в основу своих отношений с ними. Целью хрущевских ревизионистов Советского Союза было заставить ревизионистские партии разных стран поддержать их политику установления социал-империалистического господства во всем мире. Они хотели, чтобы эти партии стали их пособниками в предпринятом ими коварстве.

Конечно, американские империалисты и их союзники не могли равнодушно относиться к гегемонистским экспансионистским вождениям советских социал-империалистов. Но и ревизионистские партии разных стран также не могли согласиться с советской политикой. Поэтому они, поощренные и буржуазией своих стран, начали все более открыто разворачивать обособленную, независимую от ревизионистской партии Советского Союза деятельность.

Ревизионистские партии Западной Европы, Латинской Америки и Азии где больше, а где меньше, одна за другой поднялись против хрущевской советской

гегемонии, пускаясь в то же время в новые антимарксистские теории. Наиболее полными и наиболее шумными среди них вскоре стали «теории» больших ревизионистских партий Западной Европы, получивших название еврокоммунизм. Как и титовский и хрущевский ревизионизм, еврокоммунизм, выйдя на арену, развернул фронтальную борьбу с марксизмом-ленинизмом с целью ревизовать и дискредитировать в глазах трудящихся его основные положения.

ОТ РЕВИЗИОНИСТСКОГО ОПОРТУНИЗМА К БУРЖУАЗНОМУ АНТИКОММУНИЗМУ

Еврокоммунизм есть разновидность современного ревизионизма, скопление псевдотеорий, противопоставляющихся марксизму-ленинизму. Его цель — сделать так, чтобы научная теория Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина не оставалась в руках рабочего класса и настоящих марксистско-ленинских партий могучим и незаменимым оружием в их борьбе за окончательный разгром капитализма, его структуры и надстройки, за установление диктатуры пролетариата и построение нового, социалистического общества.

Итальянские ревизионисты охарактеризовали еврокоммунизм как «третий путь, отличающийся от опыта социал-демократии и от опыта, накопленного в Советском Союзе после Октябрьской революции и в других социалистических странах». Этот «третий путь», как говорится в тезисах XV съезда Итальянской коммунистической партии, изображается как «разрешение, соответствующее национальным особенностям и условиям нынешней эпохи, существенным чертам и требованиям, общим для развитого индустриального общества, основанного на парламентско-демократических учреждениях, какими являются ныне страны Западной Европы» *.

Следовательно, этот «третий путь», этот так называемый еврокоммунизм, как признают и сами еврокоммунисты, ничего общего не имеет с подлинным научным коммунизмом, разработанным Марксом и Лениным, воплощенным в Октябрьской революции и в других последовавших за ней социалистических революциях, подтвержденным классовой борьбой международного пролетариата. Точнее и правильнее еврокоммунизм можно называть европейским ревизионизмом номер три.

Ныне у французской, итальянской и испанской коммунистических партий лишь одно название коммунистическое, так как все трое болтаются в грязных водах буржуазии, которой они служат. Программы ревизионистских партий западных стран — типично реформистские программы; они ничем не отличаются от программ буржуазных, социалистических и социал-демократических партий, поющих ту же песню. Да ведь последние и вдохновляют ревизионистов. Их цель заключается не в проведении пролетарской революции и в социалистическом преобразовании общества, а в том, чтобы внушить широким массам идею отказа

---

* La politica e l'organizzazione dei comunisti italiani. Roma, 1979, стр. 8-9.

от революции, которая, согласно их утверждениям, стала уже ненужной и неподходящей. Но что делать, на их взгляд? «Изменить жизнь», «изменить образ жизни», «думать о злободневных делах», «не атаковать нынешнее капиталистическое общество», «вместо пролетарской революции совершить культурную революцию» — толкуют денно и нощно эти антимарксистские партии. «Жить лучше, сохранить нынешний уровень зарплаты, пользоваться оплачиваемым отпуском, иметь гарантированное рабочее место», «чего больше нам и надо?» — говорят они рабочим. Итальянская и французская ревизионистские партии рассматривают эти проблемы на всех своих заседаниях, на всех своих съездах и убеждают ими пролетариат и трудящихся, чтобы получать их голоса.

Классический ревизионизм социал-демократического типа перерос в современный ревизионизм. Теории Бернштейна и Каутского в разных формах, то открытых, то модифицированных, встречаются у ревизиониста Браудера, встречаются в хрущевском ревизионизме, в титовском ревизионизме, во французском и в итальянском тольяттинском ревизионизме, в так называемой маоцзэдуньидее и во всех ревизионистских течениях. Эти бесчисленные антимарксистские течения, развивающиеся в современном капиталистическом и ревизионистском мире, являются в мировой революции пятой колонной, призванной продлить жизнь международному капитализму, борясь с революцией изнутри.

Отрицание марксизма-ленинизма составляет цель, которой хотели и хотят достигнуть капитализм и империализм. На этом пути всеми средствами и способами, явными и камуфлированными, всякого рода теориями и псевдонаучными философскими словесами помогает им теперь современный ревизионизм.

На XXII съезде Французской коммунистической партии Марше заявил, что в социализм будет перейдено без классово-борьбы и что при строительстве его больше не нужна диктатура пролетариата. Он признает, что при его «социализме» будут существовать не просто различные партии, но и партии реакции. Следовательно, так же, как и по мнению Брежнева и Тито, на взгляд Марше, во многих странах, где властвует капитал, уже начал строиться социализм, для этого достаточно лишь прикрепить к двери вывеску «социалистическая страна».

Иными словами, поскольку, как утверждают ревизионисты, к социализму все стихийно идут, в марксизме-ленинизме, как науке революции и социализма, никто, мол, не нуждается, он принадлежит уже прошлому, так что от него отказаться надо.

Разные ревизионисты утверждают, что марксизм-ленинизм «устарел», что он не в состоянии разрешить проблемы, выдвигаемые современным развитым обществом, что он уже не соответствует современной цивилизации. На их взгляд, нынешнее общество всосало все возможное от марксизма-ленинизма, который уже вошел в число устаревших философий, какими являются кантианство, позитивизм, бергсонский иррационализм и прочие идеалистические философские течения. Ультраревионист Милован Джилас без обиняков пишет, что марксизм-ленинизм, как философия, разработанная в XIX веке, уже непригоден, поскольку современная наука очень развитая по сравнению с наукой и философией минувшего века.

Следуя по такому пути, за последние два-три года итальянские, французские и испанские ревизионисты прилагали большие усилия теоретически сформулировать свои оппортунистические взгляды и позиции, еврокоммунизм, как это они именуют его, и придать им характер самостоятельной политической и идеологической доктрины, составляющей, мол, «новое развитие марксизма». На последних съездах, проведенных этими партиями, и в принятых ими программах еврокоммунизм получил законченную и определенную форму. Все три партии официально отреклись от марксизма-ленинизма. Для французов Марше, считающих марксову теорию «теорией сухих и догматических концепций», «замкнутой системой неизменных правил», созданная ими новая «теория» берет «свое начало, по их утверждениям, в философских и политических течениях нашей нации» *. Разумеется, французские ревизионисты при этом имеют в виду не прогрессивный и революционный философский вклад, который Маркс критически отобразил в своих трудах, а как раз избалованные и отвергнутые им взгляды, взятые теперь на вооружение ревизионистами.

Отказ ревизионистов от любой ссылки на марксизм-ленинизм в своих уставах, программах и других документах носит не только формальный характер, закрепляющий то, что ими уже давно сделано на практике. Настоящий акт также не представляет собой лишь осуществление воли буржуазии, удовлетворение ее требования о том, чтобы ревизионистские партии больше не упоминали слово «призрак коммунизма». Он не является также лишь актом, и официально выражающим открытый переход современного ревизионизма на идеологические позиции европейской социал-демократии. Отказ и от ссылки на марксизм-ленинизм ревизионистскими партиями, которые до сих пор использовали его в качестве маски для надувательства трудящихся, есть доказательство того, что они развернули открытую борьбу с ним с позиций буржуазного антикоммунизма. Это факт, что в идеологическом плане знамя борьбы с марксизмом-ленинизмом, социализмом и революцией теперь несут как раз еврокоммунисты. Огласка, которой крупная буржуазная пресса, издательские тресты, радиовещание и телевидение предают статьи, книги, речи и съезды ревизионистов, поистине удивительна. Такие фигуры, как Берлингуэр, Марше и даже Каррильо превращены крупной пропагандистской машиной в персонажей, которые превосходят не только «кинозвезд», но и пап и глав великих государств. Журналисты и писатели преследуют их по пятам и не успевают те слово выронить, как оно появляется на первых страницах газет, причем крупнейшим шрифтом.

Вся эта реклама, вся эта шумиха свидетельствуют о радостном ликовании буржуазии, нашедшей себе усердных лакеев, могущих бороться с коммунизмом, как говорят, с левых позиций в то время, когда ее оружие явного антикоммунизма заржавело и сломалось. В переживаемых им трудных ситуациях капитал не мог найти ничего более подходящего и более эффективного, чем предлагаемая ему ревизионистами услуга. Так что совершенно ясно и понятно, почему

---

* Cahiers du communisme, июнь-июль, 1979, стр. 392.

буржуазия так превозносит демагогию, обман, теоретические спекуляции и практическую деятельность, которыми ревизионисты маневрируют, чтобы ввести в заблуждение и сбить с толку трудящихся.

БУРЖУАЗНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О БУРЖУАЗНОМ ОБЩЕСТВЕ

Еврокоммунисты стараются создать ложное представление о нынешнем капиталистическом обществе и его противоречиях, изобразить его как общество, настолько эволюционировавшее со времен Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, что их основные анализы и положения о нем стали «уже преодоленными и действительными».

Они рассматривают нынешнее капиталистическое общество как единое общество и больше не видят его поляризацию на пролетариев и буржуа, больше не считают его основным противоречием противоречие между этими двумя классами, а следовательно, не признают классовую борьбу главной движущей силой этого общества. Разумеется, для еврокоммунистов существуют некоторые противоречия, именуемые ими противоречиями «развития», «прогресса», «благополучия», «демократии» и т.д., сменившимися, дескать, старые противоречия и в особенности противоречие между трудом и капиталом, на котором основывается вся марксистско-ленинская теория о роли и исторической миссии пролетариата, о революции, диктатуре пролетариата и социализме.

Сегодня, утверждают они, пролетариат уже не пролетариат времен Маркса и Ленина, классы изменились, они уже не те, которые они знали и о которых они говорили. В настоящее время, — заявляют еврокоммунисты, — и буржуазный класс, как класс, растворился, превратился в «трудящихся», а все богатства сосредоточились в руках маленькой клики капиталистов, охраняющей и защищающей эту собственность. Так, Марше «открыл», что ныне во Франции «учитывающаяся» буржуазия сведена всего лишь к 25 финансовым и промышленным группам, остальные же — это «трудящиеся». Следовательно, — утверждают ревизионистские ренегаты, — нынешнее капиталистическое буржуазное государство изменилось, так как изменилось само общество, изменились классы. Вот почему, — рассуждают они, — Маркс и Ленин, которые не знали современного капиталистического государства, совершенно отличного от капиталистического государства их времен, предопределяли пролетариату другую роль, отличную от сегодняшней, и предсказывали другой способ взятия власти пролетариатом, другой способ борьбы за переход в социализм.

На взгляд ревизионистов-еврокоммунистов, теперь все классы и слои капиталистического общества и особенно интеллигенция выровнялись с пролетариатом. Согласно им, за исключением горстки капиталистов, остальные, все без исключения, стремятся к преобразованию общества из буржуазного в социалистическое. А чтобы добиться такого изменения, на взгляд еврокоммунистов, старое общество нужно преобразовать, а не свергнуть.

Итак, они фантазируют о том, что власть нужно брать постепенно, путем реформ, посредством развития культуры и тесного сотрудничества между всеми без исключения классами — правящими и неправящими.

Все ревизионисты идут по стопам Маркузе, который, говоря об американском пролетариате, старается «доказать», что при «высшем американском индустриальном обществе» нет такого пролетариата, как его понимал Маркс, что пролетариат этот канул, согласно ему, в историю.

Для Маркузе, Гароди, Берлингуэра, Каррильо, Марше и всех им подобных это означает, что «общество потребления», «развитое индустриальное общество» не только изменило облик старого капиталистического общества, но и выровняло классы, и, как заявлял в особенности Жорж Марше, теперь «мы можем говорить не о французском пролетариате, а о французском рабочем классе».

Маркс говорил, что

«... под «пролетарием» в экономическом смысле следует понимать исключительно наемного рабочего, который производит и увеличивает «капитал» и выбрасывается на улицу, как только он становится излишним для потребностей возрастания стоимости «господина капитала»...» *

Что изменилось во Франции, чтобы Марше больше не видел пролетариев? Разве там нет больше наемных рабочих, которые создают прибавочную стоимость и увеличивают капитал? Разве там нет больше безработных, которых «господин капитал» счел лишними и выбросил на улицу?

В социалистической Албании да, нет пролетариата в том смысле, какой это понятие имеет в капиталистических странах, потому что у нас рабочий класс имеет в своих руках государственную власть, является хозяином основных средств производства, он не подвергается гнету и эксплуатации, а свободно трудится на самого себя и на социалистическое общество.

Совершенно иначе обстоит дело в капиталистических странах, где рабочий класс лишен средств производства, и, чтобы зарабатывать на жизнь, вынужден продавать свою рабочую силу, подвергаться все растущей капиталистической эксплуатации. В этих странах пролетариат не только угнетается и эксплуатируется до мозга костей, но и страдает под игом буржуазной армии и полиции. В капиталистических государствах, хотя и носит нейлоновую одежду, выпускаемую «обществом потребления», пролетариат фактически остается пролетариатом.

Современные ревизионисты неспроста изменяют название пролетариату. Если говорить о пролетариате, который при капитализме ничего другого не имеет, кроме своей рабочей силы, то, естественно, он должен и бороться против своих эксплуататоров и угнетателей. Именно этой борьбы, призванной до основания разгромить старую власть капитала, страшно боится буржуазия; именно в

---

* К. Маркс, «Капитал», т. I, книга 3-я, стр. 74, алб. изд.

этом направлении ревизионисты и помогают ей всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

Отрицание существования пролетариата как отдельного класса, как самого передового класса общества, которому история предопределила славную миссию ликвидации эксплуатации человека человеком и построения нового, воистину свободного, равного, справедливого и человеческого общества, является не чем-то новым. Разные оппортунисты проповедовали это и во времена, когда марксизм зарождался как философское учение и политическое движение. Маркс и Энгельс разгромили эти взгляды и дали в руку пролетариату оружие и аргументы, чтобы бороться не только с этими, но и с другими лакеями буржуазии, будущими апологетами капитализма, какими являются современные ревизионисты.

Одной из самых больших заслуг марксизма является то, что он увидел в пролетариате не только угнетенный и эксплуатируемый класс, но и самый прогрессивный и революционный класс современности, класс, на который история возложила миссию могильщика капитализма. Маркс и Энгельс разъяснили, что эта миссия вытекала из самих общественно-экономических условий, из места, которое занимает, и роли, которую играет пролетариат в процессе производства и общественно-политической жизни, из того факта, что он является носителем новых отношений будущего социалистического общества, что он имеет свою научную идеологию, освещающую ему путь, свой руководящий штаб — коммунистическую партию.

Несмотря на изменения, происшедшие в развитии экономики и в социальном составе капиталистического общества, общие условия существования, труда и жизни пролетариата и сегодня остаются теми же, которые анализировал Маркс. Ни один другой класс или социальный слой не может заменить пролетариат, как главную руководящую силу революционных процессов прогрессивного преобразования общества.

Учение Маркса по этому вопросу незыблемо. В марксистской теории пролетариат находит свое духовное оружие так же, как эта теория находит в пролетариате свое материальное оружие. Маркс говорил, что пролетариат является сердцем революции, а философия — ее головой. «Капитал» Маркса является для мирового пролетариата факелом, научно показывающим ему, каким способом и какими формами его эксплуатирует буржуазия. На фабриках капиталист цепями связывает пролетариат к машинам, но «Капитал» учит его, как разорвать эти цепи.

Ревизионистские тезисы об изменении природы пролетариата и его исторической миссии давно существовали в коммунистических партиях стран Запада. Но первым публично и официально выступил с ними Роже Гароди. Гароди был одним из первых ревизионистских «теоретиков», выдвинувших положение о том, что больше не может идти речь об обнищании французского пролетариата и что теперь разные классы и слои населения идут по пути слияния и объединения.

Тезис Гароди, который теперь повторяют и проводят в жизнь и остальные ревизионисты, сводится к тому, что «при нынешней ситуации больше нет нужды в насильственной революции, потому что рабочие постепенно принимают активное участие в прибылях крупных капиталистических предприятий, которыми теперь управляют уже не буржуазные хозяева, а техники, занявшие их место». Это большой блеф, так как эти техники и специалисты находятся под пятой и в подчинении у единого управления, они являются слугами крупных капиталистических монополий и трестов — настоящих хозяев средств производства.

В капиталистическом мире, несмотря на изменения, происшедшие в социально-классовой структуре, ничто не изменилось что касается положения классов и классовых отношений. Теория Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина о классах и классовой борьбе в буржуазном обществе всегда остается молодой и актуальной.

На Западе появился и ряд других теориек, похожих на теориейку Гароди, сфабрикованных как «новыми» французскими псевдофилософами, так и их немецкими, американскими, итальянскими и другими коллегами. Все эти теории носят печать ревизионизма, троцкизма, анархизма и социал-демократии. Настал момент, когда все эти теории полностью стали частной собственностью французской, итальянской, испанской, английской и других ревизионистских партий, которые собрали и пошлым образом кодифицировали весь этот хлам ревизионизма и оппортунизма.

Повседневная жизнь, борьба рабочего класса разоблачала и разоблачает эти теории. Она раскрыла и раскрывает их реакционную и контрреволюционную цель. Она подтверждает, что рабочий класс нищает по мере обогащения капиталистов, что он правильно понимает слова Маркса о том, что рабочий становится беднее по мере увеличения создаваемых им богатств, что рабочий становится еще более непригодным товаром по мере роста выпускаемых им товаров, что пролетариат не может избавиться от эксплуатации, не завладев средствами производства, не разгромив власть буржуазии.

Современные ревизионисты, такие как Марше, Берлингуэр и Каррильо с компанией, отвергают сегодня это научное положение Маркса. В настоящее время, — говорят они, — процесс относительного и абсолютного обнищания пролетариата перестал существовать вследствие развития научно-технической революции и побед, одержанных рабочими посредством реформ. Они внушают пролетариям, что подачками, бросаемыми им капитализмом, удовлетворяются все их потребности и нужды, поэтому им незачем подниматься на революцию.

Некоторые другие ревизионистские «теоретики», оказавшись перед неопровержимыми жизненными фактами, заявляют, что, правда, Маркс говорил об эксплуатации рабочего класса, но это его высказывание относится в одинаковой мере, как к капиталистическим, так и к социалистическим странам. Следовательно, рабочему классу незачем подниматься против капиталистической эксплуатации, ибо, видите ли, ему не избавиться от нее! Это — искажение действительности и клевета. Положение рабочего класса при капитализме и социализме диаметрально противоположны.

В капиталистических и ревизионистских странах рабочий не пользуется свободой ни в труде, ни в жизни. Он раб машины, капиталиста, технократа, выжимающих его рабочую силу и создающих из нее прибавочную стоимость для капитала. Только при подлинно социалистическом строе, где у власти рабочий класс, надлежащим образом проводимое в жизнь учение Маркса дает пролетариату возможность стать сознательным и полновластным хозяином средств производства и через свою диктатуру завоевать все демократические, политические и экономические свободы и права.

Главное в буржуазном обществе — это закабаление рабочего класса капитализмом с помощью экономических цепей. На этом закабалении построена вся капиталистическая система. Но буржуазные и ревизионистские теоретики, будучи не в состоянии отрицать эту великую истину, затушевывают вопрос экономической эксплуатации, о котором говорит Маркс и который является первоочередным, истолковывают его с помощью утонченных и фальшивых тезисов и положений. Эти «теоретики», будучи не в состоянии отрицать тот факт, что рабочий привязан к капиталу, утверждают, что в нынешней эпохе, дескать, надо отмечать не то, до какой степени выжимает и порабощает человека хозяин при капиталистическом строе, а то, что его связь с капиталом является для него полезной, ибо благодаря этой связи он обеспечивает себе средства к существованию. Их цель — отстранить пролетариат от классовой борьбы с капитализмом, сосредоточить его внимание на «благах» «общества потребления».

Чтобы отвлечь внимание от экономического гнета и эксплуатации, современные ревизионисты выдумали довольно много обманных тезисов. Они громко рекламируют свой тезис, согласно которому при «обществе потребления» рабочий пользуется настолько большими благами, что экономические проблемы отодвинуты им на задний план. Для него, по их словам, почти единственную заботу составляют вопросы религии, семьи, жены, телевизора, автомобиля и т.д., вследствие чего вопрос об экономической эксплуатации перестал быть основным вопросом классовой борьбы и революции. Но все это делается для того, чтобы разбавить вино водой, увести трудящиеся массы в сторону от пути борьбы за свержение буржуазного строя.

Оторвавшись от марксизма-ленинизма и стремясь создать новую «теорию», которая по всем основным вопросам отличалась бы от учения Маркса и Ленина, еврокоммунисты оказались в большом смятении и разброде, в глубокой непоследовательности и противоречивости. Практически, они не в состоянии больше объяснять ни одного из нынешних противоречий капиталистического мира, не могут давать ответы на вопросы, возникающие на их почве. Они, правда, говорят о таких явлениях, как «кризис», «безработица», «деградация и разложение» буржуазного общества, но не идут дальше общих констатаций, которых никто, даже и сама буржуазия не отрицает. Они сознательно стараются скрыть их причину — жестокую капиталистическую эксплуатацию, не указывают на то, что эту эксплуатацию можно уничтожить только путем революции, свергнув все старые отношения, на которых держится система капиталистического гнета.

Своими тезисами о «затухании классово́й борьбы», а стало быть и о «существенных изменениях», якобы происшедших в капиталистическом обществе вследствие развития производительных сил, научно-технической революции, «переустройства капитализма» и т.д.; своими проповедями о необходимости установления широкого классового сотрудничества, так как теперь, видите ли, в социализме заинтересованы не только рабочий класс и трудящиеся массы, по и почти все слои буржуазии, за исключением небольшой группы монополистов; своими утверждениями о том, что в социализм можно перейти через реформы, поскольку нынешнее капиталистическое общество развивается якобы по пути мирной интеграции в социализм и т.д. и т.п., — еврокоммунисты не только в теории, но и в практической деятельности соприкоснулись со старой европейской социал-демократией, слились в единое контрреволюционное течение на службе у буржуазии.

Отношение к рабочему классу и его руководящей роли всегда было пробным камнем для всех революционеров. Отказ от гегемонии пролетариата в революционном движении, — отмечал Ленин, — является самым пошлым проявлением реформизма. Но итальянских ревизионистов не тревожит эта пошлость, более того, свой реформизм они рекламируют с таким шумом и хвастовством, что воистину становятся посмешищем. «Сама руководящая роль рабочего класса в процессе преодоления капитализма и строительства социализма, — заявляют они, — может и должна осуществляться через сотрудничество и согласие между разными партиями и течениями, стремящимися к социализму в рамках демократической системы, при которой пользовались бы полными правами все конституционные партии, в том числе и те, которые не хотят преобразования общества в социалистическом направлении и сопротивляются этому, соблюдая, конечно, конституционные, демократические порядки» *.

Это «оригинально марксистское» представление, добавляют берлингэровцы, не является открытием, а развитием мысли Лабриолы и Тольятти. В этом случае они сами признают, где кроются корни их идей. Но нужно добавить, что Лабриола, которого теперь делают классиком, не был последовательным марксистом. Он стоял очень далеко от революционной деятельности и проблем революции. Что же касается Тольятти, то его дело уже показало, что он был уклонистом и оппортунистом.

Ссылаясь на Лабриолу или Тольятти, итальянские ревизионисты и их товарищи во Франции или в Испании хотят предать забвению ленинское положение о необходимости гегемонии пролетариата в революции и социалистическом строительстве.

Во всем своем гениальном творчестве Ленин защищал и развивал теорию Маркса о гегемонии пролетариата в революции, отброшенную европейскими социал-демократами. Социал-демократические взгляды на этот вопрос возродились теперь ревизионистами. Ленин доказал, что в новых условиях империализма гегемония пролетариата необходима не только для социалистической, но

---

* *La politica e l'organizzazione dei comunisti italiani*. Roma, 1979, стр. 15-16.

и для демократической революции. Он разъяснял, что установление этой гегемонии необходимо, так как пролетариат больше чем любой другой общественный класс заинтересован в полной победе революции, в доведении ее до конца. С теорией Ленина пролетариат пошел на революцию и победил, а с теориями, проповедуемыми ревизионистами, он продолжает находиться под гнетом буржуазии.

Ленинское положение о безраздельной гегемонии рабочего класса нашло свое блестящее подтверждение и воплощение в совершении революции и победе социализма и в Албании. Албанским коммунистам с самого начала было ясно, что полная победа в национально-освободительной борьбе могла быть одержана под руководством только одной партии — коммунистической партии, что в этой борьбе мог быть гегемоном только один класс — рабочий класс, что главным союзником его будут крестьянская беднота и середняки, что молодежь и студенчество будут главной опорой партии и составят вместе с албанскими женщинами боевые слои народной революции.

Его малочисленность несколько не помешала рабочему классу Албании играть роль гегемона, ибо во главе его стояла Коммунистическая Партия, которая руководствовалась учением Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Благодаря правильной линии нашей партии, отвечавшей ситуациям и интересам широких трудящихся масс, было создано великое сплочение народа вокруг рабочего класса в едином фронте, под единым и безраздельным руководством Коммунистической Партии.

Правильная линия и правильное руководство нашей партии привели к расширению борьбы, которая постепенно переросла во всеобщее восстание, в широкую всенародную вооруженную борьбу, приведшую к освобождению Албании и установлению Народной власти.

Отрицая руководящую роль рабочего класса, как гегемона в революции и строительстве социализма, еврокоммунисты не могли не отречься и от роли и миссии коммунистической партии, определенных марксизмом-ленинизмом и подтвержденных долгой историей мирового революционного и коммунистического движения.

В тезисах XV съезда Итальянской коммунистической партии говорится, что теперь уже построена «новая партия». Что это за «новая партия»? «Итальянская коммунистическая партия, — говорится в ее уставе, — организует рабочих, трудящихся, интеллигенцию, граждан, борющихся *в рамках республиканской конституции* за консолидацию и развитие антифашистского демократического режима, за социалистическое обновление общества, за независимость народов, за разрядку и мир, за сотрудничество между всеми нациями ... В Итальянскую коммунистическую партию, — говорится далее в уставе, — могут вступать граждане, которым исполнилось 18 лет и которые, невзирая на расовую принадлежность, *на философские взгляды* и вероисповедание, принимают ее политическую программу и обязываются бороться за ее осуществление, участвуя в одной из организаций партии» *.

---

* La politica e l'organizzazione dei comunisti italiani. Roma, 1979, стр. 153.

Мы привели эту длинную статью из устава итальянской ревизионистской партии, который почти тождествен уставу французской и испанской ревизионистских партий, чтобы увидеть, насколько ревизионисты-еврокоммунисты отошли от концепций ленинской партии и насколько они близки к образцам социалистических и социал-демократических партий. Они говорят о «новой партии», стремясь отличать себя от партии ленинского типа, но, в действительности, их так называемая новая партия является «старой партией» типа партий Второго Интернационала, против которых боролся Ленин и на обломках которых он построил Большевицкую партию, ставшую примером и образцом для всех других подлинных коммунистических партий.

Главное уставное положение о том, что в партию может вступать всякий, независимо от философских взглядов и вероисповедания, не нуждается в комментариях, оно служит подтверждением того, что философия Маркса чужда этой партии, чей эклектизм несомненен, что линия всякого рода компромиссов является составной частью ее стратегии, не говоря уж о тактике, что Итальянская коммунистическая партия является либеральной, социал-демократической партией с конъюнктурной линией, политикой и позицией. Благодаря своей либеральной политике она иногда получает голоса, но не власть, этой политикой она заслуживает похвал буржуазии и симпатии церковных отцов и монастырских монахов.

Основополагающая идея Ленина о партии состоит в том, что она должна быть сознательным передовым отрядом рабочего класса, его марксистским отрядом.

«... роль передового борца, — говорил Ленин, — может выполнить только партия, руководимая передовой теорией» *

Этой передовой революционной теорией, этим надежным руководством к победе является марксизм. Ревизионисты не только отбросили основное условие, предъявляемое к коммунистической партии — признание марксизма, — но и допускают сосуществование в своих партиях всякого рода буржуазных, оппортунистических, реакционных или фашистских философских взглядов, закрепив это положение в своих уставах. То, что характеризует, отличает коммунистические партии — это марксизм-ленинизм, их единственная идеология, которой они руководятся и верно придерживаются во всей своей деятельности. Вне марксизма-ленинизма не может быть коммунистической партии.

Подлинные партии коммунистов являются партиями, призванными совершить революцию и построить социализм, тогда как так называемые коммунистические партии Италии, Франции, Испании и другие им подобные являются партиями буржуазных реформ. Первые являются партиями свержения буржуазного строя и построения нового мира, вторые — партиями защиты капиталистического строя и сохранения старого мира.

---

* В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 435-436, алб. изд.

Борясь с оппортунистами, за построение Большевистской партии, Ленин говорил:

«... дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!» *

Он построил такую партию и привел русский рабочий класс к славной победе Октябрьской революции.

Ну а ревизионисты Берлингуэра, куда они хотят привести итальянский рабочий класс? «Бороться в рамках республиканской конституции», — говорят они.

И буржуазия говорит им: «В узких рамках моей конституции беритесь сколько угодно, это меня ничуть не беспокоит». Для защиты своей конституции, своих законов и учреждений буржуазия держит армию, полицию, суды и т.д. Теперь так ведет себя и ревизионистская партия, борющаяся за то, чтобы держать рабочий класс в угнетении и рабстве, вызывая в нем идейный разброд и дезориентируя его политически. Она превратила себя в учреждение буржуазной власти для удушения революционного духа рабочего класса, затемнения социалистической перспективы, недопущения того, чтобы он понял свое плачевное положение и поднялся на решительную борьбу за свержение буржуазии.

«СОЦИАЛИЗМОМ» ЕВРОКОММУНИСТОВ ЯВЛЯЕТСЯ НЫНЕШНЯЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Как еврокоммунисты представляют себе социализм? Хотя демагогии ради они вынуждены говорить о социализме, «социализм», который они хотят строить, является чистейшим блефом и обманом.

Известно, что на идее социализма не только теперь, но и в прошлом спекулировали многие философы, многие буржуазные и мелкобуржуазные идеологические течения. Вокруг социализма построено много утопических схем и бесконечное множество махинаций. Маркс отбросил прочь все старые формы социализма и научил мировой пролетариат организоваться и бороться за установление нового общественного строя, основанного на подлинно научном социализме.

Еще в первом программном документе марксизма, в «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс подвергли всесторонней критике разные псевдосоциалистические теории — «феодальный социализм», «мелкобуржуазный социализм», германский «подлинный социализм», «консервативный или буржуазный социализм». Они раскрыли классовую сущность этих антинаучных теорий, которые служили интересам буржуазии. В борьбе против буржуазных и мелкобуржуазных, оппортунистических и анархистских теорий, которые мешали эмансипации пролетариата и его борьбе, «Манифест» учил рабочий класс тому, что он может избавиться от буржуазного гнета и эксплуатации только путем революции

---

* В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 555, алб. изд.

и диктатуры пролетариата, что он не может освободить себя, не освободив в то же время все общество.

Историей доказано, что после возникновения марксизма всякое другое идейное течение, выступавшее с социалистическими лозунгами, в процессе классовой борьбы превращалось в реакционное течение. Только марксизм дает точную идею подлинного социалистического общества. Никакого социализма нельзя осуществлять и строить без опоры на эту теорию.

Первым великим подтверждением правильности марксистской теории, сформулированной в «Коммунистическом Манифесте», были революционные события 1848-1849 годов, потрясшие всю Европу.

Революции не только пробивают путь общественному прогрессу, но и всегда становятся могилой ложных, утопических, ревизионистских и других им подобных доктрин. Так произошло и с доктринами «буржуазного социализма», «мелкобуржуазного социализма» и т.д., которые были погребены революциями 1848-1849 годов.

Главная беда этих так называемых социалистических доктрин заключалась в том, что они полностью игнорировали революционную классовую борьбу пролетариата, а социализм представляли себе как дело той или иной системы, как плод ума того или иного «теоретика». Отсюда вытекали все иллюзии о том, что создание обществ, поддерживаемых государством, ограничение наследственного права, установление прогрессивных налогов должны были постепенно и мирным путем привести в социализм. Этот «доктринерский социализм» проповедовали и продолжали проповедовать Прудон и Луи Блан, «настоящие» немецкие социалисты и утопические коммунисты вроде Вейтлинга, Кабе, Дезами и других.

Этот доктринерский социализм, — говорит Маркс, — рабочий класс оставляет мелкой буржуазии, а

«... пролетариат все более объединяется вокруг революционного социализма, вокруг коммунизма, ... Этот социализм, — продолжает он, — есть объявление непрерывной революции, классовая диктатура пролетариата, как необходимая переходная ступень к уничтожению классовых различий вообще, к уничтожению всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к уничтожению всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту во всех идеях, вытекающих из этих общественных отношений»*.

Теперь старые философские взгляды, отвергнутые Марксом, стараются навязать западноевропейскому пролетариату новые прудонисты, такие как Жорж Марше, Энрико Берлингуэр, Сантьяго Каррильо и другие, облакая их в разные

---

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 226, алб. изд., Тирана, 1975.

оболочки. Все ревизионисты своими «теориями» стремятся ввести в заблуждение массы, выхолощивая именно научные основы марксизма. Они просто обманывают, когда говорят, что они «объективны в познании законов, способствующих продвижению общества вперед»! В действительности они стали лакеями «общества потребления», созданного капиталистической и империалистической буржуазией для обеспечения максимальных прибылей за счет эксплуатации рабочего класса и всех трудящихся масс. Эти ревизионисты желают и сами кое-что присваивать себе из прибавочной стоимости, создаваемой пролетариатом своих стран.

Что такое социализм, что такое социалистическое общество, что представляет и что осуществляет оно — теперь это уже не вопросы будущего, а конкретная действительность, целая историческая практика, осязаемая общественная система. Подлинный научный социализм, социализм, о котором говорили великие гении революции — Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин — был осуществлен и существовал долгое время в Советском Союзе и во многих других, бывших социалистических странах, он живет и продвигается вперед в социалистической Албании. Нынешние попытки еврокоммунистов «доказать», будто подлинного социализма нигде и никогда не было, будто социалистическое общество, построенное в Советском Союзе Лениным к Сталиным, было «искажением социализма» и даже «крахом» концепций и представлений Маркса и Ленина о социализме — не что иное, как выражение их вражды к коммунизму, выражение их стремлений сохранить целостность существующего буржуазного общества.

Итальянских, французских и испанских ревизионистов привел к отрицанию социализма долгий путь.

Вначале они утверждали, что социализм в Советском Союзе делится на две части: на «ленинский социализм», который был хорошим, справедливым, но обусловленным особыми историческими условиями царской России, а поэтому и неподходящим для развитых капиталистических стран, и на «сталинский социализм», который был плохим, так как он, видите ли, представлял собой искажение первого, был извращенным, обюрокращенным социализмом и т.д. Такая эволюция в суждениях не случайна. В случае признания важности «ленинского опыта», будь это даже с оговорками, в случае признания, например, необходимости в применении революционного насилия для взятия власти, то для еврокоммунистического «образца» социализма не осталось бы места. Ленинская теория о революции и строительстве социализма, представляющая собой дальнейшее развитие учения Маркса, является настолько целостной, настолько обоснованной, настолько научной и логической, что-либо признается такой, какой она есть, либо совсем не признается. Ее нельзя разделить на куски, не впадая в непримиримые противоречия и логические нелепости.

Итак, теперь еврокоммунисты выступают не только против Сталина, они отреклись и от ленинизма, думая, что этим спаслись и в то же время нашли путь к проповедованию «еврокоммунистического социализма». Но если они отреклись от ленинизма, то не отрекается от ленинизма пролетариат. Ленинизм — это жи-

вая наука, это боевая идеология пролетариата, это его знамя в борьбе за революцию и построение социализма. Ленинизм — это могучее оружие, которым настоящие революционеры, все те, кто стремится к коммунизму, кто ратует за социализм, борются со всеми врагами, с буржуазией и ее сообщниками.

Ленинизм — зеркало, обнажающее истинное лицо еврокоммунистов и всех других ревизионистов, раскрывающее фальшивость их оппортунистических «теорий» и показывающее их реакционную деятельность против пролетариата, социализма, против дела народов.

Чтобы избежать недовольства низов своих партий, сомнений, вызываемых «теориями» о предлагаемом ими «социализме» и вообще их путанными и противоречивыми тезисами, еврокоммунисты заявляют, что их социализм не представляет еще «образца», не является еще чем-то ясным и определенным, а только «необходимостью искать пути» к этому обществу, что, впрочем, подлежит обсуждению. Одним словом, переливать из пустого в порожнее, так как ничто не реализуется.

«Социализм», воображаемый еврокоммунистами, — это общество, в котором переплетаются и сосуществуют социалистические и капиталистические элементы в экономике и политике, в базисе и надстройке. При их «социализме» будет существовать и «социалистическая собственность», и капиталистическая собственность, стало быть, будут существовать и эксплуататорские классы, и эксплуатируемые; наряду с партией рабочего класса будут и буржуазные партии; пролетарская идеология будет сосуществовать с другими идеологиями; государство при этом «социализме» будет государством, в котором будут облечены властью все классы и все партии.

О таком гибридном капиталистическо-социалистическом обществе еврокоммунисты могут мечтать сколько им угодно, но проектируемое ими общество совершенно неосуществимо. Социализм и капитализм — противоположные общественные системы, исключаящие друг друга. Капитализм живет за счет угнетения и эксплуатации пролетариата и трудящихся масс, а социализм строится и идет вперед только на руинах капитализма и после его полного свержения.

Оправдывая свои глубоко оппортунистические взгляды, еврокоммунисты переоценивают роль техники, роль средств производства в развитии общества, скатываясь, таким образом, в так называемую теорию производительных сил, которая составляла идеологическую основу всего оппортунизма Второго Интернационала.

По их мнению, толчок к социализму наступает сам собой, стихийно, вследствие развития производительных сил. Поэтому, говорят они, для перехода в социализм не нужны ни классовая борьба, ни пролетарская революция. По мнению еврокоммунистов, даже и в тех странах, где уже совершена революция и установлены социалистические производственные отношения, если уровень производительных сил относительно низкий, не может быть и речи о подлинном, реальном социализме.

Чтобы понять насколько далеки еврокоммунисты от идеи социализма и что это за социалистическое общество, на создание которого они претендуют, достаточно ознакомиться с некоторыми из их главных тезисов, которые они громко и шумно рекламируют как «высшее развитие прогрессивной мысли нынешнего человеческого общества».

«Для осуществления социалистического общества, — заявляют итальянские ревизионисты, — не нужна полная национализация средств производства. Наряду с публичным сектором ... будет действовать частная инициатива ... Особую роль будет играть свободно объединенная крестьянская собственность, ... ремесленничество, мелкая и средняя промышленность, частная инициатива в области третьих промыслов ...

В этой концепции процесса преобразования общества в социалистическом направлении необходима такая связь экономической системы, которая обеспечивала бы интеграцию между программированием и рынком, между публичной и частной инициативой...» *.

На такой «социализм» претендуют и французские ревизионисты. Это общество, — заявляют они, — «предполагает достаточную целостность демократических национализаций наряду с другими формами общественной собственности и экономического сектора, основанного на частной собственности» **.

Каррильо говорит: «Эта система, которая в экономической области будет иметь смешанный характер, будет выражена в политическом режиме, при котором хозяева будут организованы не только экономически, но также и в одну или много политических партий, представляющих их интересы. Это положение станет одним из компонентов политического и идеологического плюрализма» ***.

Не требуется особых знаний в области законов общественного развития, чтобы понять, что картина так называемого социалистического общества, предлагаемого еврокоммунистами, является ничем иным, как точной и самой типичной картиной нынешнего буржуазного общества. Основным элементом, характеризующим общественную систему, является собственность на средства производства. Если собственность на средства производства частная, то имеем дело с системой, где человек эксплуатирует человека, где на одном полюсе накапливается богатство в руках известного меньшинства, а на другом полюсе влачит жалкое и нищенское существование подавляющее большинство народа. Уже доказано, что социализма без ликвидации капиталистической собственности, без разгрома буржуазного государства не может быть. Никогда не может быть социализма без установления общественной собственности на средства производства во всех секторах без исключения, без установления диктатуры пролетариата.

Пролетариат смело, самоотверженно и беззаветно боролся и борется за свержение капиталистических отношений собственности на средства производства.

---

* La politica e l'organizzazione dei comunisti italiani. Roma, 1979, стр. 12-13.

** Демократический путь к социализму для Франции. «Юманите». 13.1.1979.

*** S. Carrillo. «Eurocommunisme» et état. France, 1977, стр. 121-122.

С этой целью он выработал свою идеологию — марксизм-ленинизм, чтобы она руководила им в революции и в борьбе за установление общественной собственности на средства производства, за ликвидацию эксплуатации, порождаемой частной собственностью на эти средства, за ликвидацию нищеты. Эту цель пролетариат осуществил в тех странах, где победила революция и был установлен социализм. Этот опыт, полезность которого с каждым днем все больше подтверждается и практикой строительства социализма в Албании, показывает, что основным условием построения социалистического общества является именно экспроприация буржуазии и преобразование всей экономики страны на социалистической основе, установление общественной собственности на средства производства.

Ко времени своего освобождения Албания была отсталой страной с точки зрения общественно-экономического и культурного развития, была в основном аграрной страной почти без промышленности и с очень слабо развитыми производительными силами. Являлось ли это препятствием для установления социалистических производственных отношений? Конечно, и даже большим препятствием, но не непреодолимым. Наша партия не могла ждать пока достигнут высокой степени развития производительные силы, а затем уже приступить к установлению социалистических производственных отношений.

В число самых первых и самых важных мер, принятых нашей Народной властью, входили ликвидация иностранного капитала и превращение его предприятий в государственную социалистическую собственность; проведение широкой и коренной аграрной реформы, которая не только ликвидировала крупную собственность феодалов и помещиков, но и резко ограничила собственность богатых крестьян. Эти меры глубоко революционного характера создали важные предпосылки для постепенного социалистического преобразования деревни, для развития там кооперативного движения.

Руководствуясь таким непогрешимым компасом, как марксизм-ленинизм, как и опытом социалистического строительства в Советском Союзе, Албанская партия Труда поставила в качестве главной цели ликвидацию экономической базы капитализма и построение экономической базы социализма в городе и деревне.

Обобществление основных средств производства было осуществлено за относительно короткий срок, причем через безвозмездную национализацию. Два года спустя после освобождения, в 1946 году, социалистической государственной собственностью были банк, промышленность, рудники и шахты, электростанции, транспорт, связь, внешняя торговля, оптовая внутренняя торговля, часть розничной торговли, МТС, лесные и водные угодья, недра. Одним словом, социалистический сектор экономики занимал командные позиции.

Большим вопросом для каждой социалистической революции является аграрный вопрос. От его правильного разрешения зависят развитие всей экономики и прочность самой Народной власти. В Албании, где крестьянство составляло подавляющее большинство населения, а сельское хозяйство — главную основу

экономики, аграрный вопрос становился весьма острым и решающим. Для разрешения этого кардинального вопроса партия выбрала ленинский путь социалистического кооперирования.

Процесс коллективизации сельского хозяйства и объединения крестьян в кооперативы проходил при строгом соблюдении принципа доброй воли, он начался почти сразу же после освобождения страны и длился 15-20 лет; коллективизация была проведена без предварительной национализации земли. Национализация была проведена только после завершения коллективизации и принятия новой Конституции, в 1976 году.

С построением экономической базы социализма в городе и в деревне были ликвидированы эксплуататорские классы как классы, была ликвидирована эксплуатация человека человеком. Остались только два дружественных класса — рабочий класс и кооперативное крестьянство, связанные между собой общностью идеалов, целей и интересов, как и прослойка социалистической интеллигенции, вышедшая из среды трудового народа и созданная в годы Народной власти.

Социализм невозможно построить декретами или стихийно. Социализм строится умноженными силами, при участии всего трудящегося народа и на основе общего, согласованного и централизованного плана.

Благодаря правильному курсу на индустриализацию страны, Албания быстро превратилась из отсталой аграрной страны в страну с развитыми промышленностью и сельским хозяйством, с передовым просвещением и культурой, в страну, где народ воистину живет свободным и счастливым.

Еврокоммунисты отвергают наш опыт и опыт Советского Союза и других стран периода, когда те были социалистическими странами. Они норовят изобрести «новый» социализм. Однако нужно иметь расстроенную логику, чтобы согласиться с существованием частной собственности на средства производства в обществе и в то же время полагать, что можно устранить эксплуатацию человека человеком, говорить о «социалистических преобразованиях», «равенстве», «справедливости» и т.д., как это делают еврокоммунисты. Сохранение частной собственности на средства производства и «частной инициативы», то есть возможности капиталистического накопления в обществе, предлагаемом еврокоммунистами, фактически означает полное сохранение в целостности и неприкосновенности капиталистической системы.

Во всех своих философских выдумках, как и в программах, провозглашенных их партиями, ревизионисты-еврокоммунисты совсем не касаются вопроса о том, что будет с транснациональными корпорациями и иностранными капиталами. Раз они не упоминают о них, значит те остаются составной частью проповедуемого ими «социалистического» общества; значит американский, западногерманский, британский, французский и др. крупный капитал больше не будет думать о сверхприбыли, а будет служить социализму. Это значит видеть сон наяву. В этом отношении Каррильо, Берлингуэр и Марше не равняются даже с теми кругами буржуазии во многих развивающихся странах, которые, хотя и не стоят за

социализм, добиваются избавления своих стран от иностранного монополистического капитала, их освобождения от транснациональных корпораций.

Что же касается так называемого «публичного сектора», чье существование предусматривается «еврокоммунистическим социализмом», то здесь имеем дело с сугубо терминологической спекуляцией, с обычной попыткой выдать за социалистический сектор экономики сектор государственного капитализма, который в той или иной мере существует теперь во всех буржуазных странах.

Как и почему создан сектор государственного капитализма или «публичный сектор», как именует его буржуазия — дело известное.

В индустриальных странах Европы государственный капитализм существовал и раньше, но заметное развитие получил он особенно после второй мировой войны. Он возник в силу ряда факторов. В Италии, например, он был создан буржуазией в условиях обострения классово-борьбы и сильного давления трудящихся масс, добивавшихся экспроприации крупного капитала, в особенности капитала, связанного с фашизмом и виновника постигшей страну катастрофы. Во избежание дальнейшей радикализации борьбы трудящихся масс и революционных взрывов, слабая итальянская буржуазия пошла на национализацию ряда отраслей крупной индустрии, удовлетворив тем самым и минимальные требования коммунистической и социалистической партий, вышедших из войны окрепшими. В Англии создание «публичного сектора», какими были железнодорожный или каменноугольный секторы, явилось результатом отказа крупного капитала от некоторых отсталых и нерентабельных отраслей, которые он передал государству, чтобы оно субсидировало их за счет бюджета — за счет налогоплательщиков, а свои капиталы направил в новые секторы промышленности с высоким технологическим уровнем, где сверхприбыли извлекались быстрее и в больших размерах.

Такого рода национализация производилась и производится и поныне, по тем или иным соображениям, и в других странах, но это не изменило, да и никоим образом не может изменить капиталистическую природу господствующей системы, не может ликвидировать капиталистическую эксплуатацию, положить конец безработице, нищете и обеспечить демократические свободы и права.

Государственный капитализм, как уже подтверждено весьма долгим опытом, сохраняется и развивается буржуазией не для создания основ социалистического общества, как полагают ревизионисты, а для укрепления основ капиталистического общества, своего буржуазного государства, для дальнейшей эксплуатации и угнетения трудящихся. «Публичным сектором» управляют не представители рабочих, а представители крупного капитала, те, кто держит в своих руках бразды правления всей экономики и государства. Общественное положение рабочего на предприятиях «публичного сектора» ничем не отличается от общественного положения рабочего в частном секторе; его отношение к средствам производства, хозяйственному управлению предприятием, политике капиталовложений, зарплат и т.д. — то же самое. На этих предприятиях прибыли присваиваются буржуазным государством, то есть буржуазией. Только ревизионисты могут видеть различия между «социалистическим» характером предприятий

«ИРИ» и «буржуазным» характером предприятий «ФИАТ» между «свободными» рабочими Рено и «угнетенными» рабочими «Ситроена».

Проповедуемое ныне еврокоммунистами общество демократического социализма есть буржуазное общество, существующее ныне в их странах. Они всего лишь хотят кое-как ретушировать это общество, чтобы старая европейская буржуазия, стоящая одной ногой в могиле, походила на молодую невесту, полную сил и жизнеспособности. По мнению еврокоммунистов, достаточно лишь кое-как ретушировать, консервировать сектор государственного капитализма наряду с частным, создать при управлениях предприятий какой-либо консультативный рабочий совет, давать профсоюзным лидерам кричать на площадях о справедливости и равенстве, предоставлять ревизионистам какое-либо кресло в правительстве и ... социализм сам собою наступает.

В своем необыкновенном рвении бороться против марксизма-ленинизма и отрицать его, ревизионисты- еврокоммунисты всячески приукрашивают нынешнюю действительность капиталистического общества. По их мнению, нынешняя общественная система в Италии, Франции, Испании и в других странах, господствующее в этих странах государство являются своего рода надклассовой демократией, демократией для всех. В этом обществе и в этом государстве они усматривают всего лишь отдельные трудности, отдельные ошибки, самое большее — отдельные извращения, и больше ничего. На этой основной концепции и предпосылке они строят и схемы своего «демократического социализма», которым, по существу, будет то же современное буржуазное общество, но без имеющихся сегодня «недостатков», «ограничений» и «трудностей».

Ревизионисты заявляют, что при их «социализме» будет существовать и действовать больше одной партии, которые будут иметь возможность чередоваться в правительстве. Еврокоммунистам надо отдать должное — в этом деле они действительно последовательные. Естественно, в обществе, где будут существовать антагонистические классы, разные сословия буржуазии, группы капиталистов с различными интересами, будут существовать и различные партии, непременно будет сохранена и нынешняя практика капиталистического общества, согласно которой, смотря по обстоятельствам и надобности, власть поочередно переходит в руки то одной, то другой партии. Однако этот «плюрализм», то есть практику смены лошадей в упряжке буржуазной власти, еврокоммунисты изображают как верх демократии, как положение, создающее возможность решать все социальные проблемы. Их цель — извратить само представление о социалистическом обществе и выдавать буржуазную демократию и ее учреждения за средство, могущее осуществить социалистические устремления без революции и без ломки аппарата старого буржуазного государства. Их идеальным государством является, фактически, нынешняя американская, ко особенно германская политическая система, при которой господствуют две крупные буржуазные партии, сменяющие друг друга во главе правительства. Они хотят, чтобы и в Италии, Франции и Испании существовали две крупные партии: одна — явно буржуазная, демократическая или либеральная, а другая — рабочая, назовем ее социалистической, коммунистической, лейбористской или по-иному, как и некоторые другие

маленькие и незначительные партии, всего лишь для ассортимента. Тем самым появились бы «итальянский социализм», «французский социализм», «испанский социализм», как уже появились «шведский социализм», «норвежский социализм» и др.

При «демократическом социализме» государство не должно быть государством рабочих и крестьян, стало быть, оно не должно быть государством, которым руководили бы фабричные рабочие и обрабатывающие землю крестьяне, как учат Маркс и Ленин. Еврокоммунисты хотят такого государства, которое принадлежало бы «всем» и в котором правительство также принадлежало бы «всем». Но такого государства «всех» никогда не было и не будет.

Взгляды еврокоммунистов на государство очень похожи на взгляды Прудона и Лассалья, отвергнутые Марксом еще более одного столетия назад. Лассаль, например, утверждал, что посредством реформ, мирным путем, через всеобщие выборы и с помощью самого буржуазного государства и ассоциаций производителей, которые должны были быть созданы, можно было бы превратить прусское реакционное государство в свободное народное государство. Такого рода «государство» он выдавал за образец нового, социалистического государства, за которое должны были бороться рабочие.

Лассальская концепция о «народном государстве» отрицала классовый характер государства, как диктатуры определенного класса.

Лассальской концепции о «свободном народном государстве» Маркс, особенно в своем выдающемся труде «Критика Готской программы», противопоставил понятие о государстве, как классовом органе, марксистское понятие о диктатуре пролетариата.

«... и сколько бы тысяч раз ни сочетать слово «народ» со словом «государство», — отмечает Маркс, — это ни капельки не подвинет его разрешения.

*Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как **революционной диктатурой пролетариата**» **

Марксистские теоретические положения и марксистское учение о государстве, изложенные в монументальных трудах Маркса и Энгельса, нашли себе блестящее подтверждение в событиях Парижской Коммуны.

Парижская Коммуна показывает, что для свержения капиталистического строя пролетариат не может сохранить и использовать в своих целях старую машину буржуазного государства. Коммуна разбила эту машину и вместо нее создала совершенно новые по форме и содержанию государственные организмы и

---

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 24, алб. изд., Тирана, 1975.

учреждения. Коммуна явилась первой формой политического устройства пролетарской власти. Как отмечал Ленин, Парижская Коммуна показала историческую условность и

«... ограниченную ценность буржуазного парламентаризма и буржуазной демократии...» **.

Было подтверждено на практике, что основанное Парижской Коммуной государство представляло собой высший тип демократии, демократию для подавляющего большинства народа. Она воплотила в жизнь широкие демократические свободы и права, которые буржуазия провозглашает, но никогда не осуществляет.

Позднее, в борьбе с оппортунистическими искажениями лидеров Второго Интернационала, Ленин блестяще защитил марксову теорию о государстве. Он отверг их концепции о том, будто государство есть не орган господства одного класса над другим, а орган классового примирения, будто аппарат буржуазного государства нужно не сломать, а использовать в интересах трудящихся. В своей знаменитой книге «Государство и революция» Ленин аргументировал, что государство есть продукт противоречий между классами и выражение непримиримости этих противоречий. Он доказал, что аппарат буржуазного государства, как аппарат, созданный для угнетения и эксплуатации рабочего класса и трудящихся масс, не может служить им для уничтожения гнета и эксплуатации, что пролетариат должен создать свое государство, новое по форме и содержанию, по устройству и организации, по управляющим им людям и методам работы, государство, которое обеспечило бы свободу трудящимся массам и подавило бы попытки врагов социализма восстановить капиталистическую систему.

Книга Ленина «Государство и революция», ленинские положения о диктатуре пролетариата сыграли важную роль в подготовке Октябрьской революции и установлении власти Советов в России. Они остались в руках настоящих революционеров могучим оружием в борьбе с теоретизированиями современных ревизионистов, стремящихся возродить изобличенные и разгромленные Лениным старые взгляды Каутского и компании на государство.

Теоретизирования еврокоммунистов о государстве являются плодом антимарксистского курса этих ренегатов, утверждающих, что при капитализме нет классовой борьбы, а царит классовый мир, что армия и полиция больше не являются регрессивными силами буржуазии, так что нет надобности в устанавливаемых пролетариатом диктатуре пролетариата и подлинной демократии. Они хотят только одного государства, только одной демократии — государства буржуазно-ревизионистской демократии.

** В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 535, алб. изд.

**«ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ» ПУТЬ К СОЦИАЛИЗМУ —
МАСКА ДЛЯ ЗАЩИТЫ БУРЖУАЗНОГО ГОСУДАРСТВА**

Основным вопросом идеологии и политики любой партии, независимо от того, интересы какого класса она представляет, был и остается вопрос о государственной власти. Это относится и к еврокоммунизму. Именно в этой области он начал борьбу, став в руках буржуазии новым оружием в борьбе за сохранение ее власти гнета и эксплуатации и за недопущение того, чтобы пролетариат совершил революцию, низвергнул эту власть и установил социализм.

В своей пропаганде против марксизма-ленинизма еврокоммунисты настаивают на том, что в условиях современного общества, как они называют нынешнее капиталистическое общество, теория Маркса о свержении капитализма путем насильственной революции требует новых «интерпретаций». Одними из первых среди тех, кто развернул фронтальное наступление на положение Маркса и Ленина о необходимости насильственной революции, начал попираť его, считая непригодным, и в корне исказил его, были, как мы отметили выше, советские ревизионисты. Чтобы сделать «убедительной» свою теорию мирного перехода в социализм, они дошли до утверждений о том, будто Октябрьская революция, известная в истории как первая революция, которая с помощью насилия свергла русскую буржуазию и установила диктатуру пролетариата, была мирной революцией. В то же время они начали теоретизировать о том, что диктатура пролетариата была временным явлением, что она уступила место так называемому общенародному государству. Этими теориями они стремились умалить значение классового, революционного содержания диктатуры пролетариата, отрицать ее.

Это сознательное искажение марксизма-ленинизма советскими ревизионистами стало основой, на которой были построены еврокоммунистические теории по этому вопросу. Хрущевские тезисы о том, что с построением социализма в Советском Союзе закончилась классовая борьба, что победа социализма была уже гарантирована и не было никакой опасности возврата назад, что больше не было необходимости ни в диктатуре пролетариата, ни в партии рабочего класса, стали пищей для других ревизионистов, побудили их пойти еще дальше. Спекулируя на происшедших в мире изменениях и на правильном ленинском положении об особенностях пути в социализм, они подчеркивают, что в настоящее время можно перейти в социализм и через парламентаризм, и путем реформ.

Путь преобразования капиталистического общества в социалистическое еврокоммунисты изображают как развитие буржуазной политической демократии до конца, как говорят они, как мирный путь, приводящий не к качественному, а к количественному изменению. «Политическая демократия, — говорят итальянские ревизионисты, — представляется как высшая учрежденческая форма устройства государства, в том числе и социалистического государства» *.

Если проанализировать это так называемое положение, то получается, что «политическая демократия» для трудящихся существует еще при капитализме,

---

* La politica e l'organizzazione dei comunisti italiani. Roma, 1979, стр. 11.

что в социализм, видите ли, можно прийти путем расширения этой демократии, и, наконец, что основной чертой социалистического общества является, мол, буржуазная демократия, которая отождествляется с социалистической демократией.

Испанские ревизионисты, со своей стороны, утверждают, что «политическая и общественная демократия не является третьим, капиталистическим или социалистическим путем, а переходным этапом между капитализмом и социализмом» *. «Демократия является в одно и то же время целью и средством преобразований» **, — говорит Марше.

Как видно, в «обоснование» своих ревизионистских взглядов, Берлингуэр, Каррильо, Марше и другие выдвигают довольно туманные идеи о демократии и государстве. Цель таких рассуждений, не основанных на существующих в буржуазном обществе классовых соотношениях и игнорирующих связи между экономическим базисом и надстройкой капиталистического общества, не считающихся с реальной действительностью и со здравым смыслом, — доказать, будто подлинной демократией является не та, которую устанавливает диктатура пролетариата, не диктатура огромного большинства эксплуатируемых масс над эксплуататорским капиталистическим меньшинством или над его остатками, а демократия а-ля Марше, а-ля Каррильо, то есть «демократия для всех, где все жили бы в мире и классовой гармонии». Между тем историей доказано, что нет и быть не может буржуазной демократии вне буржуазной диктатуры так же, как не может быть социалистической демократии вне диктатуры пролетариата. Права и обязанности граждан находятся в прямом соотношении с господством класса, стоящего у власти. Там, где господствует капиталистический класс, существуют права для буржуазии и ограничение прав, угнетение и пренебрежение для масс, а там, где господствует рабочий класс, существуют права и свободы для трудящихся и ограничение и принуждение для бывшего господствующего и эксплуататорского меньшинства, как и для врагов социализма.

Еврокоммунисты — не первые оппортунисты, отрицающие необходимость революции, как единственного основного средства для свержения капитализма и построения социализма. До них ее отрицал Прудон, который был разоблачен Марксом, отрицали Бернштейн и компания, которые стали, в конечном счете, открытыми защитниками капиталистической системы.

Бернштейн, например, утверждал, что путем улучшения трудового законодательства, роста роли и деятельности профсоюзов и кооперативов, увеличения представительства рабочего класса в парламенте можно будет мирным, эволюционистским путем разрешать все экономические, политические и социальные проблемы пролетариата. Он говорил буквально, что рабочему классу достаточно завоевать простое большинство в парламенте, набрать 51 процент голосов — и он может добиться всех своих целей. При демократии, пропагандировал он, по-

* Noveno Congreso del Partido Comunista de España. Barcelona, 1978, стр. 83.

** «Юманите», 13.2.1979.

скольку господствует «воля большинства», государство утрачивает свой классовый характер, превращается из органа господства класса в орган, стоящий над классами и представляющий интересы всего общества. В таком государстве, говорил он, рабочий класс и его партия могут и должны сотрудничать со всеми классами и партиями. Они вместе должны укреплять это государство и защищать его от «реакционеров».

Бернштейн утверждал, что путем преобразования общества является путь частичных и медленных реформ, путь эволюции, постепенной интеграции капитализма в социализм. Поэтому, по его мнению, и партия рабочего класса должна была быть не партией социальной революции, а партией социальных реформ. Эти взгляды Бернштейна, впоследствии принятые как вооружение Каутским с компанией, Ленин резко критиковал, отмечая всю их фальшивость. Исторический приговор в большом споре между марксистами с Лениным во главе, защищавшими идею революции и диктатуры пролетариата, и оппортунистами-ревизионистами, выступавшими сторонниками мирного, реформистского пути, «чистой» демократии и т.д., вынесла Великая Октябрьская революция.

Эта революция показала пролетариату и народам мира, что путь победы над империализмом и капитализмом проходит не через реформы и соглашения с буржуазией, а через насильственную революцию.

Чтобы «аргументировать» свое несогласие с марксистско-ленинской теорией о революции и диктатуре пролетариата, еврокоммунисты утверждают, будто и сам Маркс «только один раз упомянул этот термин»! А между тем известно, что идея диктатуры пролетариата является основным вопросом во всем учении Маркса о социализме.

«То, что я сделал нового, — писал Маркс в 1852 году, — состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов ...» *

Диктатуру пролетариата Маркс рассматривал не как простую смену некоторых людей в правительстве, а как качественно новую власть, строящуюся на обломках старой буржуазной власти. Ломку через насилие старой государственной буржуазной машины он считал необходимым условием для победы не только пролетарской революции, но и любой подлинной народной революции, руководимой рабочим классом. Этот вывод, изложенный Марксом в его выдающемся произведении «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», Ленин назвал «гигант-

---

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 486, алб. изд., Тирана, 1975.

ским шагом вперед». Именно этот краеугольный камень марксистско-ленинского учения, который атаковывали и отрицали все старые ревизионисты, атакуют и новые ревизионисты-еврокоммунисты.

Отношение еврокоммунистов к революции, государству и демократии совпадает в сущности с отношением к ним советских ревизионистов, заявивших, что в настоящее время «коммунистическая» партия в Советском Союзе превратилась, мол, в «общенародную партию» и что диктатура пролетариата заменена «общенародным государством». Опираясь на эти заявления советских ревизионистов, Марше и Каррильо имеют право рассуждать так: «Вы превращаете партию и государство пролетариата в общенародную партию и общенародное государство, почему тогда мы на Западе не имеем право сделать то же самое, но без насильственной революции и без диктатуры пролетариата? Мы будем идти по пути «плюрализма» и в согласии с буржуазией, поднимая общественность на борьбу за «подлинную демократию», которой у вас нет. Вы напрасно утверждаете, что у вас демократический строй, ведь вы усиливаете гнет».

Что касается титовцев, то они также находятся в трудном положении в отношении еврокоммунистов в связи с «демократией» и «плюрализмом». Югославские ревизионисты говорят о единстве «неприсоединившегося» мира и этой формулой «исключают» классовую борьбу и диктатуру пролетариата. От мирового империализма и капитализма они хотят только одного: чтобы «неприсоединившиеся страны» «пользовались нынешним статус-кво и чтобы им оказывали экономическую помощь». В этом направлении титовцы одного мнения с еврокоммунистами с той лишь разницей, что, если югославы говорят о так называемой «независимости от сверхдержав и блоков», еврокоммунисты не говорят об этом даже формально.

Выражаемыми ими идеями еврокоммунисты говорят и югославским ревизионистам, не атаковывая их прямо, что существование в Югославии только одной партии не соответствует пути подлинной демократии, поэтому политическая система в Югославии также должна претерпеть изменения.

Берлингуэр, Марше, Каррильо и компания, прямо нападая на Ленина и марксистско-ленинскую теорию о государстве и революции в целом, призывают хрущевцев довершить свою измену, внушая им, что их гнусное предприятие должно касаться не просто «ошибок» Сталина, а самой социалистической системы, которая, хотя и была подходящей после Октября, для нашего времени неправильная, так как она, дескать, отрицает демократию.

Этот тезис, конечно, не выгоден хрущевцам, которые, чтобы скрыть свою измену и выдавать себя за марксистов-ленинцев, еще придерживаются некоторых якобы ленинских форм.

Для сохранения этой маски, группа Брежнева время от времени слегка критикует непокорные ей партии, якобы советуя им сохранять верность классовым принципам Ленина о путях и формах перехода в социализм. Но ревизионистские партии стран Запада не медлят с ответом — они говорят Брежневу, что они не делают ничего больше того, что сделали сами советские ревизионисты, что они

действуют в соответствии со своими условиями, которые, мол, диктуют им мирный путь, путь демократических реформ, путь политического и идеологического плюрализма — и и т.д. и т.п.

Берлингуэр, Марше и Каррильо, которые зашли дальше Тольятти, говорят советским: «Разве не вы говорили о мирном сосуществовании? Так вот давайте создадим это сосуществование и доведем его до конца». И с кем же сосуществовать мирно? С противниками коммунизма, значит с капиталистической буржуазией, с американским империализмом и другими. Однако, чтобы добиться мирного сосуществования, утверждают они, сперва надо ревизовать «догмы» в политике, идеологии, экономике, искусстве, ибо «догмы» не подходящие для нынешнего общества. Поскольку и идеи Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина о диктатуре пролетариата, о классовой борьбе, о насильственном взятии власти, по их мнению, являются «догмами», то они тоже не подходящие, следовательно, власть нужно взять не путем насилия, а парламентским путем, через всеобщие выборы, приходом к власти рабочего класса и уходом из нее буржуазии демократическим путем.

Демагогии ради и чтобы пустить массам пыль в глаза, еврокоммунисты cedят сквозь зубы, что «третьим путем» или «демократическим социализмом» не является социал-демократия, ибо она «не вывела общество вне логики капитализма»*. Но, несмотря на это, тут же добавляют они, мы должны объединиться с социал-демократией и другими политическими силами и вместе с ними, вместо того чтобы разрушить государственный аппарат капиталистической буржуазии, как этого требуют классики марксизма-ленинизма, воздействовать на него пропагандой, реформами, церковью, культурой и т.д., с тем, чтобы постепенно эта власть получила воистину демократическую форму, чтобы она служила всему обществу и создала условия для построения «социализма» мирным путем. Одним словом, они проповедуют создание выродившегося отвратительного общественного строя, который не имел бы ничего общего с научным социализмом.

Идеалом всех ревизионистов-еврокоммунистов являются тольяттинские тезисы, линия Итальянской коммунистической партии, причем в такой степени, что это вызвало и ревность у Каррильо и Марше. «Мы, — пишет Жорж Марше в «Юманите», — опоздали в 1956 году с извлечением уроков из того, что произошло в Советском Союзе, и с разработкой французского пути в социализм», как это сделал Тольятти. Когда Марше или Каррильо говорят, что полиция на стороне Итальянской коммунистической партии и что в Риме она отдает свои голоса этой партии, они ценят усилия и достижения Берлингуэра в деле сотрудничества с социал-демократией, демохристианами и социалистами в области общественных вопросов, как и в области управления делами буржуазии.

«Успехи» Берлингуэра в этом направлении, то есть в подчинении итальянскому и мировому капитализму, служат остальным ревизионистам практической поддержкой их оппортунистических политических тезисов. Берлингуэр работает с большим рвением, он не атакует буржуазную конституцию, не атакует власть

---

* La politica e l'organizzazione dei comunisti italiani. Roma, 1979, стр. 7.

буржуазии и совсем не говорит о необходимости свержения этой власти и ее аппаратов, не говорит о ликвидации итальянской угнетательской армии, наоборот, подписывает с партиями реакции совместные заявления, в которых подчеркивается необходимость укрепления армии, сохранения американских баз, расширения компетенций и увеличения фондов полиции, предоставления ей противозаконного права контролировать все подозрительное и даже подслушивать телефонные разговоры и проверять частную корреспонденцию.

Программа и действия итальянских ревизионистов теперь готовые и испытанные и для других ревизионистов. В Италии, Испании, Франции происходит, принимая конкретные формы, интеграция ревизионизма в капитализм, а не капитализма в социализм, как утверждают еврокоммунисты в своих программах и речах.

Итальянская, французская и испанская коммунистические партии совсем не говорят о китайских ревизионистах. Острие своей борьбы они направляют против Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, и в своих целях, иной раз, и против советских ревизионистов. С китайскими ревизионистами они соприкасаются на всех фронтах. Китайские ревизионисты добиваются союза с Соединенными Штатами Америки, с развитыми капиталистическими странами, с господствующими кликами неокOLONиальных стран. Такой союз приходится по вкусу еврокоммунистическим ренегатам. Это факт, что внешнеполитический курс Китая полностью соприкасается с проповедуемым еврокоммунистами курсом на союз ревизионистских партий с буржуазно капиталистическими режимами. И китайские ревизионисты, и Коммунистическая партия Китая выступают за плюрализм при социализме. В Китае партии буржуазии не только допущены, но и имеют своих представителей в органах власти и управления наряду с коммунистической партией, которая не может жить и не может руководить, не сотрудничая с ними. В этих основных вопросах китайские ревизионисты согласны с европейскими ревизионистами.

С другой стороны, в Китае наряду с государственным капиталистическим сектором существуют китайские частные предприятия, совместные частные предприятия китайского и иностранного капитала, просто иностранные частные предприятия, кооперативные секторы и т.д. Это полностью соответствует «третьему пути», «социализму», пропагандируемому еврокоммунистами.

Мао Цзэдун провозгласил свою «теорию» «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». Что это значит? Это значит, что в Китае разрешаются и распространяются все идеи: идеалистические, социал-демократические, республиканские, религиозные и другие. «Пусть соперничают все школы — это диалектически» — говорит Мао Цзэдун. Но раз плюрализм соответствует диалектике, что проповедуется и еврокоммунистами, то получается, что в социализм можно прийти вместе и в единстве с буржуазией и ее партиями, в мире и мирном соревновании с ними.

Если в Китае существуют и наряду с коммунистической партией участвуют в управлении страной буржуазные партии, то государство в этой стране никак не

может быть государством диктатуры пролетариата, оно может быть лишь гибридным организмом, который на словах выдается за государство диктатуры пролетариата, тогда как на деле является буржуазной демократией.

Китайская практика соответствует линии еврокоммунистов и служит «подтверждением» того, как можно прийти в социализм без революции и без диктатуры пролетариата. Кто-либо может отпарировать: «Но ведь Китай пришел в социализм через революцию», «в Китае диктатура пролетариата» и т.д. Это неверно. Правда, Китай боролся с японскими захватчиками и с Гоминьданом, но там не была установлена диктатура пролетариата, там не строился социализм. Власть в Китае называлась диктатурой пролетариата, но внутри нее дела обстояли иначе, и теперь мы видим, как маски, надетые Коммунистической партией Китая и китайским государством, спадают одна за другой. После смерти Мао Цзэдуна, который был эклектиком, и Чжоу Эньлая, который был буржуазным демократом, Китай показывает свои подлинные черты, выступает как буржуазная республика и империалистическое государство.

Что касается разногласий еврокоммунистов с советскими ревизионистами относительно характера государства при социализме, то они несколько не носят принципиальный характер. Еврокоммунисты атакуют советское ревизионистское государство, изображая его как извращение, которого, по их выражению, не одобряли бы ни Маркс, ни Энгельс, как государство, в котором даже и Ленин многое находил бы неправильным. Но это обыкновенная спекуляция. Нынешнее советское государство не является социалистическим государством. Оно превратилось в диктатуру ревизионистской буржуазии, угнетающей и эксплуатирующей трудящиеся массы. Этой спекуляцией еврокоммунисты норовят доказать, что их плюралистическая линия является единственно «научной марксистской линией», единственно подходящей линией для построения подлинного социализма. По их словам, эта линия является диалектическим следствием материалистического развития истории, которого Маркс и Энгельс «не предвидели» и которого «также не предвидел и Ленин». Эту линию, дескать, открыли Берлингуэр, Марше, Каррильо и другие ревизионисты Западной Европы, которые, бия себя в грудь, говорят:

«это мы видим подлинное преобразование общества, это мы в корне анализируем явления нынешнего мира».

В действительности же они против всякого революционного преобразования. Они хотят сохранить нынешнее буржуазное общество «потребления», сохранить господство капитализма и эксплуатацию трудящихся. Это их идеал и цель, за их осуществление они борются. Остальное — просто пропаганда, демагогия, обман, средства, которые буржуазия использует в борьбе с социализмом и революцией.

**«НЕЗАВИСИМОСТЬ» ЕВРОКОММУНИСТОВ ЕСТЬ ЗАВИСИМОСТЬ
ОТ КАПИТАЛА И БУРЖУАЗИИ**

Борьба с империализмом вообще и с его лакеями внутри каждой страны составляет один из основных вопросов стратегии любой коммунистической партии и одно из решающих условий победы любой революции, будь она народно-демократическая, антиимпериалистическая или социалистическая. В то же время отношение к империализму служит и пробным камнем для политической и идеологической оценки любой политической силы, действующей как в национальных рамках данной страны, так и в международном масштабе. Словом, отношение к империализму было и остается демаркационной линией между воистину революционными, патриотическими и демократическими силами, с одной стороны, и силами реакции, контрреволюции и национальной измены — с другой.

Какую позицию занимают еврокоммунисты в этом жизненно важном вопросе, имеющем столь большое принципиальное значение?

Начиная с XX съезда Коммунистической партии Советского Союза, когда Хрущев выступил с линией примирения и сближения с американским империализмом, изложив ее в качестве генеральной линии всего коммунистического движения, ревизионистские партии стран Запада отказались от всяких антиимпериалистических позиций как в теоретическом, так и в практическом планах. Они словно избавились от оков, чтобы взять курс на примирение с империалистической, колониальной и неоколониалистской крупной буржуазией. Новая стратегия, которую Хрущев предлагал коммунистическому движению, была именно той стратегией, которой уже давно желали руководители коммунистических партий Запада, была именно той стратегией, которая уже начала осуществляться на практике, но которая еще не носила на себе, как сказать, официальную печать.

Еще до XX съезда КПСС, вследствие разных колебаний и уступок, во Франции и в Италии начала ослабевать борьба против НАТО, против перевооружения и возрождения германского империализма, против вмешательства американского капитала и против его военных баз в Европе, и т.д. К тому времени даже и если предпринималось что-либо, то это ограничивалось областью пропаганды, а действия отсутствовали. В связи с алжирской проблемой Французская коммунистическая партия занимала почти ту же позицию, что и буржуазные партии страны. Но ее шовинизм и национализм в этом деле приводили ко все большему смягчению и ее отношения к крупному союзнику французской буржуазии — американскому империализму, к его политической и экономической экспансии. Раз защищаешь «Французский Алжир», будешь защищать и «Французскую Африку», будешь закрывать глаз и ухо, когда речь идет о «британской Азии» и «американской Америке».

Итальянские ревизионисты, всячески пытавшиеся убедить буржуазию в своей искренности и лояльности, старались приносить как можно больше доказательств именно несопротивления внешней политике демохристианского правительства, сводившейся к безоговорочному союзу с американским империализмом, полному подчинению НАТО, распаиванию дверей перед американским крупным капиталом и превращению страны в крупную военную базу Соединенных Штатов Америки.

Что касается испанских ревизионистов, то единственной их заботой были к тому времени легализация партии и возвращение в Испанию. Полагая, что «демократизацию» Испании можно было осуществить только под давлением Соединенных Штатов Америки, которые, на их взгляд, были заинтересованы в устранении «препятствия» — Франко, они вовсе не замечали американскую экспансионистскую и гегемонистскую политику, не говоря уже о том, чтобы бороться с ней.

«Национальные пути в социализм», которых ревизионистские партии стран Западной Европы стали держаться, будучи вдохновленными XX съездом КПСС, вели их к подчинению не только национальной, но и международной буржуазии, в первую очередь — американскому империализму. К тому же, естественно, отказ от марксизма-ленинизма, от революции и социализма не мог не сопровождаться и отходом от принципов пролетарского интернационализма, отказом в помощи и поддержке революционным и освободительным движениям.

Французская, итальянская и испанская ревизионистские партии, хотя и стали держаться определенного расстояния от Советского Союза, критиковать Москву в связи с отдельными аспектами ее внутренней и внешней политики, не одобрять некоторые ее шаги в международных отношениях, они так и не дошли до изобличения и осуждения нынешнего Советского Союза как империалистической страны. Правда, они осудили, например, его агрессию против Чехословакии, но, с другой стороны, одобрили советское вмешательство в Африке; правда, они потребовали ухода советского флота из Средиземноморья, но зато обходят молчанием вопрос о продаже советского оружия во всех концах мира. Согласно еврокоммунистам, советская политика внутри страны является антидемократической политикой, а за ее пределами в целом является социалистической, антиимпериалистической. Такой позицией еврокоммунистические партии, несмотря на кое-какие возражения, в целом поддерживали и поддерживают экспансионистскую и гегемонистскую политику Советского Союза.

Тем самым, так же, как стали защитниками буржуазного строя в своих странах, ревизионистские партии Западной Европы стали не менее пламенными борниками сохранения империалистической системы в мировом масштабе. Еврокоммунисты превратились в защитников буржуазно-империалистического статус-кво на всех фронтах.

Если по внутренним вопросам еврокоммунисты и хранят кое-какие маски, стараются казаться хотя бы и нетвердыми противниками буржуазии и капиталистического строя, то, когда речь идет об отношениях в мировом масштабе между революцией и международным капитализмом, между угнетенными народами и империализмом, между социализмом и капитализмом, они открыто выступают против каких бы то ни было изменений.

Ревизионистские партии Италии, Франции, Испании и другие партии еврокоммунистического течения уже превратились в проимпериалистические политические силы, по своей линии и действиям ничем не отличающиеся от буржуазных партий этих стран. Возьмем их отношение к НАТО и Общему рынку, со-

ставляющим два из политических, экономических и военных стержней, на которые опираются и с помощью которых осуществляются господство крупной европейской буржуазии и гегемония американского империализма в Европе.

НАТО со времени своего основания и до сих пор не изменило ни своей природы, ни своих целей, ни своих планов. Соглашения, заключенные в 1949 году, остаются в силе. С какой целью был создан Североатлантический пакт и почему он сохраняется — это всем известно. Впрочем, и если бы это не было известно, то о нем каждый день напоминают Пентагон и брюссельские штабы. НАТО было и остается политическим и военным союзом крупного американского и европейского капитала, созданным для сохранения в первую очередь капиталистической системы и капиталистических учреждений в Европе, для предотвращения революции и насильственного ее подавления в случае ее нарастания. Эта контрреволюционная организация является, с другой стороны, вооруженным стражем неокOLONиализма, зон влияния империалистических держав, орудием их политической и экономической экспансии. Надеяться на преобразование западноевропейского капиталистического общества и построение социализма, имея внутри НАТО и американские базы, значит видеть сон наяву. Упоминание еврокоммунистами лишь антисоветской функции НАТО и игнорирование ими его миссии подавления революции в Западной Европе преследуют цель сбить с толку трудящихся, не дать им видеть, реальную действительность.

Еврокоммунисты игнорируют существование большой национальной проблемы, вопрос об американском господстве в Западной Европе и о необходимости освобождения от него. Со времени окончания второй мировой войны американский империализм сковывал эту часть Европы всякого рода оковами: политическими, экономическими, военными, культурными и другими. Не разорвав эти оковы, не может идти речь не то, что о социализме, но даже о буржуазной демократии, которую так превозносят еврокоммунисты. Американский капитал так глубоко проник в Европу, так сплелся с местным капиталом, что больше не различишь, где кончается первый и где начинается второй. Европейские армии так интегрированы в НАТО, где господствуют американцы, что практически они больше не существуют как самостоятельные национальные силы. Все большая интеграция наблюдается в области финансов и валюты, технологии, культуры и в других областях.

Правда, между европейскими странами-членами НАТО и Соединенными Штатами Америки имеются разные противоречия, которые впрочем обычные и неизбежные в отношениях между крупными капиталистическими группами и группировками, но это факт, что по всем большим международным политическим и экономическим проблемам страны-члены НАТО всегда подчинялись Вашингтону. Крупная европейская буржуазия, как и буржуазия других стран вообще, когда речь идет о том, чтобы выбрать между классовыми и национальными интересами, всегда склонна жертвовать последними. Вот почему коммунисты всегда защищали национальные интересы, рассматривая их в тесной связи с делом революции и социализма.

Отрицание еврокоммунистами наличия национальной проблемы в их странах, а именно необходимости бороться против американского господства и диктатора, за укрепление национальной независимости и суверенитета служит другим доказательством их политического и идейного вырождения, их измены делу революции. Сегодня итальянские ревизионисты не только настаивают на том, чтобы Италия оставалась в НАТО, но и стали более пламенными атлантистами, чем демохристиане и другие проамериканские буржуазные партии. «Пребывание Италии в Атлантическом союзе, — утверждают итальянские ревизионисты, — диктуется необходимостью сохранения равновесия силы, от которого зависит сохранение мира в Европе и во всем мире» *.

Выступая с таким тезисом, берлингуэровцы внушают трудящимся: не противодействуйте НАТО, не требуйте ухода американцев из Неаполя и Казерты, не осуждайте размещения ядерных ракет близ ваших домов, ничего не говорите об американских самолетах, находящихся в итальянских аэропортах и готовых совершать полеты всюду, где затрагиваются интересы американских империалистов. Будем жертвовать национальными интересами Италии, — утверждают итальянские ревизионисты, — ради американской гегемонистской политики, пусть Вашингтон диктует, кто и как должен править в Италии, и, наконец, пусть ядерное пламя охватит всю Италию, лишь бы сохранилось равновесие между сверхдержавами.

Тезис равновесия между великими державами в качестве фактора или средства сохранения мира есть старый империалистический лозунг, прекрасно известный миру и особенно Европе. Он всегда использовался для оправдания гегемонистской политики великих империалистических держав и предоставляемого ими себе права вмешиваться во внутренние дела других и господствовать над другими.

Признавать необходимость существования и укрепления империалистических блоков якобы в качестве средств сохранения мира, как утверждают ревизионисты, значит одобрять империалистическую политику. Империалистические военные блоки существуют не для сохранения мира и защиты свободы, независимости и суверенитета стран-членов, как об этом трубят ревизионисты-еврокоммунисты, а для их похищения, для сохранения господства и гегемонии сверхдержав в этих странах. Известно, что, создавая НАТО, американский империализм поставил себе в качестве одной из главных целей защиту политикой, но также оружием, интересов капитала и Соединенных Штатов Америки в Европе, подавление огнем и мечом любой революции, которая могла там вспыхнуть. Как раз в поддержку этих целей НАТО и выступают ревизионисты-еврокоммунисты.

Политика блоков есть агрессивная политика сверхдержав; она вытекает из их экспансионистской и гегемонистской стратегии, из их стремлений установить полное и безраздельное господство всюду в мире. Еврокоммунисты не замечают или не хотят замечать эту грабительскую сущность империализма, ибо, согласно

---

* La politica e l'organizzazione dei comunisti italiani. Roma, 1979, стр. 39-40.

их «теориям», лежащий в его основе крупный капитал «демократизируется», становится «народным», а крупная буржуазия «интегрируется в социализм».

И французские ревизионисты по своей преданности НАТО ничем не отличаются от своих итальянских братьев, однако, чтобы быть в унисоне с жискардистами или голлистами, они также говорят об особом положении, которое Франция должна занимать в этих организациях. В свою очередь, партия Каррильо всеми имеющимися средствами пытается взять в свои руки знамя борьбы за вступление Испании в НАТО. Тем самым осуществляется несбыточная мечта Франко.

Общий рынок и Объединенная Европа, это крупное объединение капиталистических монополий и транснациональных корпораций, предназначенное для эксплуатации народов и трудящихся масс Европы, как и народов мира, составляют для еврокоммунистов реальную «действительность», с которой нужно согласиться. А согласиться с такой «действительностью», значит согласиться с ликвидацией суверенитета, культурных и духовных традиций отдельных стран Европы в интересах крупных монополий, значит согласиться с ликвидацией личности европейских народов и с их превращением в массу угнетаемых транснациональными корпорациями, управляемыми крупным американским капиталом.

Разглагольствования еврокоммунистов о том, будто их участие в «парламенте и в других органах европейского сообщества приведет к демократическому преобразованию» и созданию «Европы трудящихся», — сущий обман и демагогия. Насколько можно «демократическим путем» преобразовать капиталистическое общество данной страны в социалистическое общество, настолько можно сделать Европу «Европой трудящихся» речами еврокоммунистов на пропагандистских заседаниях парламента Объединенной Европы. Вот почему позиция еврокоммунистов в отношении Общего рынка и Объединенной Европы есть оппортунистическая и штрейкбрехерская позиция, вытекающая из их линии классового примирения и преклонения перед буржуазией. Такой позицией стремятся сбить с толку трудящиеся массы, сдержать их боевой порыв в борьбе за свои классовые интересы и интересы всей нации.

Реформистская идеология, преклонение перед буржуазией и капитуляция перед империалистическим давлением превратили еврокоммунистические партии не только в антиреволюционные, но и в антинациональные партии. Даже среди буржуазии редко можно найти людей, называющих себя политиками и в то же время признающих концепцию «ограниченного суверенитета», как это делает Каррильо. «... Мы сознаем, — пишет он, — что эта независимость всегда будет относительной...» В программированной им «демократической и социалистической» Испании «... вложение иностранных капиталов и функционирование транснациональных корпораций не будут запрещены...». Однако, — добавляет он, — «Мы должны долгое время платить иностранному капиталу дань в виде прибавочной стоимости ..., но это будет служить развитию секторов, отвечающих национальным интересам» *.

---

* S. Carrillo. «Eurocommunisme» et état. France, 1977, стр. 157-160.

Своими позициями в защиту монополий и интересов империалистических держав еврокоммунисты противопоставились антиимпериалистическим и демократическим традициям французских, испанских и итальянских рабочих. Они противопоставились и патриотическим традициям и борьбе трудящихся и прогрессивных людей этих стран против НАТО, против американских баз в Европе, против вмешательства и давления американского империализма. Еврокоммунисты бросили эти позиции и перешли в лагерь реакции.

Идея классового примирения и подчинения иностранному господству, понижающая всю политическую и идеологическую линию еврокоммунистов, ярко видна и в их отношении к революционному, национально-освободительному и антиимпериалистическому движению. Выступая против революции в своей стране, они выступают против нее и в других странах. Они не добиваются ослабления своей империалистической и неокOLONIALИСТСКОЙ буржуазии, поэтому революцию в угнетенных странах никогда не могут рассматривать как прямую помощь в борьбе за свержение капиталистической системы. Они отрицают единый процесс революции, естественную связь между различными ее течениями, необходимость взаимной помощи.

Иногда в пропагандистских целях они кое-что и говорят в пользу антиимпериалистических движений, но это делают только для отвода глаз, поэтому все это остается пустой фразой, лишенной конкретного содержания, а главное — не сопровождаемой политическими выступлениями. Их «поддержка» — это в основном несколько «левацкая» поза, мода — попытка изобразить из себя прогрессивных людей, демократов.

В целом, в вопросе о революционном и освободительном движении еврокоммунисты взяли на вооружение идеологию неприсоединения, создающую им подходящую почву для оправдания их тезисов в пользу подчинения народов господству империалистических держав и рекламирования неокOLONIALИЗМА в качестве выхода из нищеты и как пути развития бывших колониальных стран. «Моментом основного значения в борьбе за мир, международное сотрудничество и политику мирного сосуществования все больше становятся усилия к построению новой международной системы и порядка также в экономической области» *, — писали итальянские ревизионисты в тезисах своего последнего съезда. Они последовательные в своей оппортунистической линии. Так же, как стремятся реформировать капиталистический строй внутри страны, они думают, что некоторыми реформами могут изменить и эксплуататорский характер международных экономических отношений капиталистической системы. О новом мировом экономическом порядке, или о том, как его представляют себе еврокоммунисты, говорит и Каррильо. Причем говорит он более ясно. «Как бы то ни было, — говорит он, — нужно исходить из объективной действительности: хотя империализм и не является больше единой мировой системой, по-прежнему существует мировой

---

* La politica e l'organizzazione dei comunisti italiani. Roma, 1979, стр. 40.

рынок, регулируемый объективными законами товарообмена, которые, в конечном счете, являются капиталистическими законами» *.

По мнению Каррильо, эти объективные «законы» капитализма не могут быть изменены и заменены другими и в условиях социализма. В «доказательство» этого тезиса он приводит в качестве примера капиталистический характер отношений между ревизионистскими странами в экономической области. Иными словами, по мнению Каррильо, народам незачем подниматься на борьбу против национального и неокOLONиалистского гнета, против неэквивалентного обмена между развитыми и неразвитыми капиталистическими странами, проявляющегося особенно в жестоком ограблении сырья последних. Именно этот международный порядок Каррильо стремится сохранить, а Берлингуэр — подретушировать, чтобы он выглядел новым и лакированным.

Линия, идущая вразрез с подлинными национальными интересами страны, линия, защищающая империалистическую гегемонию и экспансию, восхваляющая неокOLONиализм и боготворящая иностранную капиталистическую эксплуатацию, обречена на провал. Объективные законы развития истории нельзя изменить. Новым мировым порядком, за который борются пролетариат и народы, не является империалистический порядок, рекламируемый еврокоммунистами, а социалистический строй, которому принадлежит будущее.

Отношение итальянской, французской и испанской ревизионистских партий к Советскому Союзу и их взаимосвязь с ним стали в последние годы серьезным объектом обсуждения и истолкований для всей международной буржуазии. Попытки еврокоммунистов изобразить из себя «независимых» от Москвы, «оригинальных» и даже «противников» Советского Союза внешне создают впечатление, будто этим они стремятся сбить с толку буржуазию своих стран, но в действительности этим они стремятся ввести в заблуждение пролетариат своих стран и всего мира. Нисколько не исключено, что это есть уловка советских ревизионистов, которые, чтобы облегчить участие этих партий в буржуазных правительствах их стран, пытаются создать впечатление будто между ними и коммунистическими партиями Западной Европы, но особенно между ними и итальянской и французской компартиями существуют глубокие и «принципиальные» различия и противоречия. Успех такой уловки отвечал бы интересам советского социал-империализма, интересам его мирового господства, потому что ослабил бы его соперников, усиливая его влияние и его господство в разных странах. Хрущевским ревизионистам это нужно еще и в поддержку своего антимарксистского тезиса, согласно которому «власть можно взять мирным путем», для «подтверждения» того, что не смогло подтвердиться в Чили. На XXV съезде КПСС Брежнев заявил даже, что чилийский опыт не может служить отвержением положения о взятии власти парламентским путем.

С другой стороны, еврокоммунизм является идеей, приходящейся по вкусу и крупной европейской капиталистической буржуазии, которая всячески разжигает и раздувает противоречия между еврокоммунистами и советскими социал-

---

* S. Carrillo. «Eurocommunisme» et état. France, 1977, стр. 159.

империалистами, так как заинтересована в ослаблении идеологической ревизионистской мощи и влияния Советского Союза. Она изображает итальянский, испанский, французский и другой ревизионизм как идеологический блок, создающийся в Европе в противовес советскому ревизионистскому блоку. И так как речь идет об антисоветской идеологической группировке, то понятно, что этот еврокоммунизм находится под влиянием реакционной буржуазии индустриализированных стран Европы.

Во всяком случае, Кремлю не понравилось бы полное высвобождение еврокоммунизма из-под его влияния. Поэтому пропаганда, поднимаемая на Западе вокруг еврокоммунизма, как о «независимом» ревизионистском идейном течении, раздражает Москву. Это еще и по той причине, что этим становится явным раскол, фактически уже давно существующий между ревизионистскими партиями Западной Европы, с одной стороны, и ревизионистской партией Советского Союза и партиями его сателлитов в Восточной Европе — с другой.

Единства между этими партиями не было, нет и не будет. Но Коммунистическая партия Советского Союза нуждается в видимости кое-какого единства между ревизионистскими партиями не только Европы, но и всего мира. Коммунистическая партия Советского Союза старается с помощью масок сохранить свою идеологическую гегемонию над всеми другими ревизионистскими партиями мира. Она жаждет подписывать совместные заявления и коммюнике с ними, чтобы создать впечатление существования единства и видимость их уважения к советскому руководству.

Расхождения и разногласия между Итальянской коммунистической партией и Французской коммунистической партией, с одной стороны, и хрущевскими ревизионистами — с другой, были еще во время Тольятти и Тореза, причем они постоянно росли и увеличивались. Но такой степени обострения, как сегодня, они тогда еще не достигли. Теперь обострение налицо. «Правда» атаковала Каррильо и осудила еврокоммунизм. Каррильо столь же резко ответил Москве. Он поставил точки над «и» относительно ревизионистской идеологической и политической ориентации своей партии и порвал связи зависимости с Коммунистической партией Советского Союза.

После критики «Правды» и после ответа Каррильо, Коммунистическую партию Испании страстно взял под защиту Союз коммунистов Югославии. Юго-славские ревизионисты открыто стали на стороне Каррильо, потому что они выступали и выступают за такой разрыв, за разрыв ревизионистских партий с Москвой, они всегда боролись за это.

Что же касается французской и итальянской ревизионистских партий, то они несколько более умеренные в этой полемике, они то обостряют ее, то ослабляют, а иной раз и совсем прекращают ее. Это объясняется не каким-либо особым «благоприятствием», а, по-видимому, существованием некоторых выгодных для них материальных и других связей, которые они хотят сохранить. Именно ради сохранения этих нитей, связанных рублями, давно существующих между ними и советскими, они хотят несколько угумонить страсти, чтобы полемика с хрущевцами не принимала неподдающиеся контролю размеры. Визиты Берлингуэра,

Пайетты и других в Москву были совершены именно с этой целью. Итальянские ревизионистские лидеры заявили, что едут в Москву объяснить советским руководителям, что не должно быть острой полемики и что Москва не имеет права вмешиваться в линию коммунистической партии какой-либо другой страны, ибо каждая из них имеет право сама выработать свою стратегию и линию в соответствии с условиями страны, учитывая, дескать, также опыт мирового коммунистического движения. Москва готова поставить свою подпись под эти тезисы, но в награду за это требует признания своего «социализма», а главное — одобрения своей внешней политики в главных ее направлениях. Когда Марше аплодирует советской оккупации Афганистана, а экспансионистскую политику Кремля рекламирует как высшее выражение «международной солидарности», Брежнев не может не вознаградить его одобрением излюбленного для французских ревизионистов «демократического пути», полностью совпадающего и с тезисами хрущевского XX съезда.

Итальянская, французская и испанская ревизионистские партии, хотя у них в настоящее время одинаковая стратегия, в тактическом отношении несколько отличаются друг от друга ввиду особенностей буржуазии каждой из этих трех стран. Французская буржуазия — это сильная буржуазия, буржуазия с долгим опытом. Она обладает большой политической и идеологической силой, не говоря уж о ее экономической мощи, как и о находящейся в ее руках военной и полицейской власти; итальянская же буржуазия менее сильная, чем французская. Хотя она имеет в руках власть, у нее довольно много уязвимых мест. Благодаря такому положению дел итальянской ревизионистской партии удалось не только вступить в сделки, но и установить разнообразное и даже парламентское сотрудничество с другими партиями, не говоря уж о сотрудничестве через профсоюзы с самой итальянской капиталистической буржуазией, в первую очередь с ее христианско-демократической партией. Именно по этой причине партия Берлингуэра старается идти с буржуазией, но в то же время проводить и политику «*de bascule*» * между Москвой и буржуазией своей страны, тем более, что сама итальянская буржуазия имеет свои интересы в отношении Советского Союза. Нельзя забывать и о произведенных ею там больших инвестициях.

Французская буржуазия, которая знает, что такое ревизионистский Советский Союз, также действует не вслепую, как этого желают и как советуют китайские ревизионисты, которые хотят, чтобы Франция обострила свои отношения с Советским Союзом. Конечно, отношения между этими двумя странами не идут как по маслу, но и не натянутые, как этого хотят китайцы. В то же время и Французская коммунистическая партия, проводя политику сделок с социалистами и идя по пути согласия и союза с французской буржуазией, старается не вступать в открытые и острые противоречия с Москвой, а сохранять в отношениях с ней известное статус-кво.

Иначе обстоит дело с испанской буржуазией.

---

* По-французски: равновесие.

Послефранкизм, стоящая у власти партия Суареса, поддерживающая сотрудничество и с другими партиями, является представителем буржуазии, у которой также свои традиции, но в основном традиции фашистской диктатуры. Это есть буржуазия, прошедшая через многие перипетии, не позволившие ей создать ту стабильность, которую создали французская буржуазия, а за ней итальянская. Теперь она переживает процесс становления. Каррильо со своей ревизионистской идеологией также охвачен этим процессом — процессом становления и упрочения капиталистического строя, поддерживающего тесные связи с американским империализмом и прилагающего усилия вступить в НАТО, в Объединенную Европу и т.д. Все это ограничивает область маневрирования как испанской буржуазии, так и испанской ревизионистской партии, для игры которых с Москвой нет большого пространства.

Еврокоммунизм нравится и Коммунистической партии Китая и как идеология, и как практическая деятельность. Коммунистическая партия Китая согласна и с названием и с содержанием линии этих трех партий. Китай, как государство, и партия, определяющая линию и стратегию этого государства, руководствуются мировыми конъюнктурами, меняющимися ежечасно и ежеминутно. В группировке, называемой еврокоммунизмом, Коммунистическая партия Китая видит идейного противника Советского Союза, то есть идейного противника своего врага номер один.

Поэтому Китай так же, как без малейших колебаний и малейших оговорок поддерживает всякую силу (за исключением настоящих марксистов-ленинцев и революционеров), выступающую против Советского Союза, поддерживает и одобряет и еврокоммунизм. Коммунистическая партия Китая уже давно установила связи с Каррильо, а теперь устанавливает и с Берлингуэром. Шаг в этом направлении она сделала, поручив китайскому послу в Риме присутствовать в качестве официального представителя Коммунистической партии Китая на последнем съезде Итальянской коммунистической партии. В последнее время она приняла Берлингуэра в Пекине. Не подлежит никакому сомнению, что она установит связи и с французской ревизионистской партией. Эти связи будут постепенно шириться и крепнуть. И это вполне понятно, если учесть идентичность их стратегии и сходство их тактики. Запаздывание с установлением тесных отношений исходит от Китая, который не решается идти далеко вперед в отношении еврокоммунистических партий, боясь, как бы не разгневать этим высшие круги правящей в этих странах буржуазии, особенно правые партии, которым он отдает предпочтение, считая их своими ближайшими союзниками.

Подлинные марксистско-ленинские партии Европы и всех континентов не дают себя ввести в заблуждение маневрами и махинациями советских ревизионистов, разыгрывающих противников так называемого еврокоммунизма и якобы ведущих полемику с ним. Они не думают, что могут найти здесь какую-либо трещину. В принципе, между ревизионистами нет трещин. Они расколоты лишь тактически, чтобы лучше осуществить свою стратегию, нацеленную на полное подчинение мирового пролетариата современному ревизионизму. Вот почему марк-

---

систско-ленинские партии в одинаковой мере разоблачают и громят как советский, так и югославский, китайский и еврокоммунистический современный ревизионизм. В этом вопросе нет и не должно быть никаких иллюзий.

III.

РЕФОРМИСТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОПОРТУНИЗМ — ОСНОВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЕВРОКОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Современный ревизионизм, как мы уже сказали, проявляется в различных течениях и принимает разную физиономию в зависимости от конкретных политических, экономических и социальных условий данной страны или же группы стран. Так было и с партиями, известными теперь под названием еврокоммунистических партий. Хотя и представляют собой отдельное течение современного ревизионизма, больше отвечающее интересам буржуазии развитых капиталистических стран, какими являются страны Западной Европы, итальянская, французская и испанская ревизионистские партии имеют и некоторые свои особенности.

КОНСТИТУЦИЯ БУРЖУАЗНОГО ГОСУДАРСТВА

— ОСНОВА ТОЛЬЯТТИНСКОГО СОЦИАЛИЗМА

Говоря о «третьем пути», составляющем новую стратегию еврокоммунистического ревизионизма, в своем докладе «Продвижение вперед к социализму в мире и демократии...», сделанном на XV съезде ИКП, Берлингуэр дал некоторые более полные пояснения о том, что подразумевают под этим третьим путем он и его товарищи. «Речь идет, — утверждает он, — о выражении, которому посчастливилось ... и которое было принято нами ... Раньше у нас был опыт Второго Интернационала: первой фазы борьбы рабочего движения за преодоление капитализма... Но опыт этот ... сдался, столкнувшись с первой мировой войной и с национализмами.

Вторая фаза, — говорит далее Берлингуэр, — была открыта русской Октябрьской революцией...» *. Но, согласно ему, и в этом вопросе необходимо критически подходить к истории и к действительности Советского Союза, так как и этот опыт не годится. И вот, оказывается, что третья фаза началась теперь с еврокоммунизмом. Задача рабочего движения в Западной Европе, — заявляет Берлингуэр, — состоит в «отыскании новых путей прогресса к социализму и строительства социализма» **.

Путем к этому «обществу» является, на взгляд итальянских ревизионистов, «определенный республиканской конституцией курс на перевод Италии на путь превращения в социалистическое общество, основанное на политической демократии» ***. Французские же ревизионисты, которые конституцию де Голля не могут представить как основу своего социализма, ибо они не только не принимали участие в ее разработке, но и голосовали против нее, не упоминают, но, практически, и не отрицают ее.

Идея прихода в «социализм» через буржуазную конституцию уже давно разработана итальянскими ревизионистами. Еще в 1944 году Тольятти заявлял в своих речах, что времена изменились, мол, изменился и рабочий класс, изменились и пути взятия власти. Этим он хотел сказать, что «миновало уже время революций и наступило время эволюций», что «власть нельзя взять иначе, кроме как путем реформ, парламентским путем, посредством голосов».

Позднее, на собрании Центрального Комитета Итальянской коммунистической партии, состоявшемся 28 июня 1956 года, то есть сразу же после XX съезда Коммунистической партии Советского Союза, Тольятти отметил, что «надо предвидеть социалистический прогресс, происходящий как раз на почве, создаваемой и предусматриваемой конституцией и являющейся почвой демократических свобод и прогрессивных социальных преобразований... Конституция эта еще не есть социалистическая конституция, но, будучи выражением широкого унитарного, возобновляющего движения, она в корне отличается от других буржуазных конституций; она составляет эффективную основу развития итальянского общества по пути, ведущему к социализму».

Что итальянская конституция отличается, например, от конституции времен монархии и фашизма, что в ней фигурирует ряд демократических принципов, это понятно; такие принципы навязаны борьбой итальянского рабочего класса и итальянского народа против фашизма. Однако не только итальянская конституция содержит такие принципы. После второй мировой войны во всех капиталистических странах Европы буржуазия старалась, в той или иной мере, с тылу зайти к рабочему классу, предоставив ему некоторые права на бумаге и отобразив их у него на практике.

---

* E. Berlinguer. Per il socialismo nella pace e nella democrazia in Italia e in Europa. Roma, 1979, стр. 38.

** Там же, стр. 39.

*** La politica e l'organizzazione dei comunisti italiani. Roma, 1979, стр. 3.

Предусматриваемые итальянской конституцией свободы и права — это формальные свободы и права, с каждым днем попирающиеся буржуазией. В ней предусматривается, например, некоторое ограничение частной собственности, но это не мешало Фиатам и Монтэдисонам становиться все более богатыми, все более и более обедняя своих рабочих. Конституция предусматривает право на труд, но это не мешает ни капиталистическим хозяевам, ни их государству выбрасывать на улицу около двух миллионов рабочих. Конституция обеспечивает ряд демократических прав, но это не мешает итальянскому государству, carabinieri, полиции на основе прав, предоставляемых конституцией, чуть ли не открыто работать над созданием того механизма, который готов установить фашистский режим. Разные фашистские командосы, начиная с крайне правых и до тех, которые называются «бригада росса», до террористов площади «Фонтана», также находят оправдание своим действиям в итальянской конституции.

Полагать, что итальянская буржуазия составила свою хорошо известную конституцию для того, чтобы вести общество к социализму, как полагают тольяттинцы, это сушая нелепость. Итальянской конституцией, как и другими основными законами буржуазных стран, закрепляется безраздельное политическое, законодательное и исполнительное господство буржуазии в стране, закрепляется защита ее собственности и ее власти для эксплуатации трудящихся масс. Она предоставляет органам насилия законную основу ограничивать народу свободу и демократию, угнетать и подавлять все и вся. Кое-какие «красивые» словечки, как свобода, равенство, братство, демократия, справедливость и т.д., могут фигурировать в конституции двести лет, но на практике они не будут осуществлены и за две тысячи других лет, если капиталистическая буржуазия не будет низвергнута вместе со своей конституцией и своими законами.

Для итальянских ревизионистов существующая конституция составляет их библию, и буржуазия не смогла бы отыскать себе более подходящих адвокатов для ее защиты и более усердных пропагандистов для ее рекламирования. Пламенная защита итальянскими ревизионистами конституции их капиталистического государства показывает, что они не могут представлять себе какой-либо другой общественной системы, кроме существующего буржуазного общества с его политическими, идеологическими, экономическими, религиозными и военными учреждениями. Социализм и нынешнее итальянское капиталистическое государство составляют для них одно и то же. Оппортунизм, на почве которого родились и выросли лидеры итальянской ревизионистской партии, затуманил им взор и закрыл перед ними все просторы. Итальянские ревизионисты стали охранниками капиталистического строя. Эту роль они выдают даже за добродетель, упоминая ее и в своих документах. «... за эти тридцать лет, — говорится в тезисах XV съезда ИКП, — коммунистическая партия придерживалась линии последовательной защиты демократических (понимай: буржуазных) учреждений; линии организации и развития демократической жизни для масс трудящихся и граждан, линии борьбы за индивидуальные и коллективные свободы, за соблюдение и воплощение конституции. ИКП проводила такую политику, постоянно добиваясь

единства с ИСП, с другими демократическими, светскими и католическими силами и ища возможного совпадения взглядов и с самой христианской демократией — даже если для этого приходится бороться с позиций оппозиции, чтобы предотвратить нарушение конституционных демократических рамок» *. Яснее этого не скажешь. Другого доказательства самой раболепной верности буржуазии не приведешь. «Предотвратить нарушение конституционных демократических рамок» значит предотвратить низвержение существующего буржуазного строя, предотвратить революцию, предотвратить социализм. Чего больше этого может требовать буржуазия от ревизионистов?

Вот уже тридцать пять лет, как итальянская буржуазия, ревизионисты, церковь и т.д. обманывают итальянский народ, заверяя его в том, что тяжелая жизнь, нищета, в которой он живет, жестокая эксплуатация, коррупция, терроризм и все другие, характеризующие Италию социальные язвы, являются следствием «непоследовательного осуществления конституции». Между тем положение в Италии было и остается нищенским не из-за несоблюдения конституции, а из-за системы, которую она защищает. Нынешнее является результатом всего развития послевоенной Италии.

Италия, изведавшая жестокость савойского королевского режима, испытавшая ужасы фашистского режима и познавшая экономическую бедность, моральное и политическое разложение, принесенные этим режимом, и основательно разрушенная во второй мировой войне, вышла из этой войны экономически разрушенной и была охвачена тяжелым политическим, духовным и социальным кризисом, который продолжается и поныне.

После войны Италия превратилась в страну, где царил хаос, но и в цирк, где роль акробатов и клоунов играли новые иерархи, облаченные в одежду вновь созданных партий и наделенные «ослепительными» титулами: социалисты, социал-демократы, демохристиане, либералы, коммунисты и прочие. Одна партия выдавала себя за преемницу партии Грамши, другая — партии дона Стурцо, третья — партии Кроче, четвертая — партии Мадзини. Из страны молчания, закрытого рта, какой была при фашизме, Италия превратилась в традиционную страну оглушительной шумихи.

Если в разные страны Европы американский капитал проник одной ногой, то в Италию он проник обеими ногами. Это потому, что буржуазия этой страны — самая развратная, самая космополитическая, самая продажная и всесторонне коррумпированная буржуазия.

Демохристиане всегда держали и держат в своих руках бразды правления Италии. Но остальные буржуазные партии также норовят иметь свою долю на этом базаре, где оптом и в розницу продается буквально все, даже и сама Италия. Выражением этой грызни за власть, конкуренции и соперничества между партиями являются бесчисленные и частые смены правительств. Смены происходят, но стержнем всегда остается христианско-демократическая партия, которая сгребает львиную долю. Демохристиане показывали себя ловкими эквилибристами в

---

* La politica e l'organizzazione dei comunisti italiani. Roma, 1979, стр. 11.

формировании министерских советов: они кое-что отпускают по дозам своим соперникам, производя впечатление, что и являются, и не являются непреерекаемыми властителями страны. В этих рамках они выводят на сцену то «левый центр», то «правый центр», формируют то «одноцветный», то «двухцветный» кабинет. Все это — попытки создать иллюзии о том, будто они уже находят выход из хаоса, нищеты, голода, безработицы и охватившего страну страшного многостороннего кризиса.

Теперь в Италии широко распространены преступления всех видов. Неофашизм организовался в парламентскую партию и располагает бесчисленными группами террористов и молодчиков, которых итальянцы называют «ягнятами» генерального секретаря фашистской партии Альмиранте. Преступная мафия всюду запустила свои когти, а злодеяния, варварство, убийства и похищения возведены на степень современной индустрии. Ни один итальянец не уверен в завтрашнем дне. Армия, карабинерия и организмы тайной полиции так раздулись, что душат страну. Они возросли якобы для защиты народа и «демократического порядка» от ультралевых и ультраправых «бригадистов». Фактически же без таких организмов невозможно защищать крупных разбойников и убийц, засевавших в парламенте или в штабах армии, полиции и т. д.

Наряду с этим Италия погрузилась в долги, а ее валюта — самая слабая из всех валют стран Западной Европы. Ее называют теперь «больным» европейской девятки. Никто не доверяет этой Италии с ее прогнившим режимом, этой Италии, которая может развиваться по пути, чреватому опасностями не только для итальянского народа, но и для ее соседей.

Разные итальянские правительства, не говоря уж о периоде муссолинского фашизма, в общем явно или камуфлированно недружелюбно относились к Албании. Албанская реакция, состоявшая из изменников народа и бежавшая на английских судах, сосредоточилась в Италии, где послевоенные правительства этой страны, неизменный враг Албании, Ватикан, как и англо-американцы организовали ее и стали готовить к выступлениям против новой Албании. В первые годы после освобождения нашему народу приходилось вести жестокую борьбу с диверсантами, которых засыпали к нам из Италии. Всем известно, какая участь постигла их. Да и остальным не было лучше. Часть бежавших албанских предателей осталась в Италии, остальные же разбрелись по Соединенным Штатам Америки, Бельгии, Англии, Федеративной Германии и многим другим странам, куда отправили их империалистические разведывательные службы.

Увидев, что диверсионными актами ничего не сделаешь новой Албании, итальянские правительства заняли «равнодушную» политическую позицию в отношении нашего государства. Правда, между обеими странами были установлены дипломатические отношения, но отношения в других областях всегда оставались на низком уровне. Итальянские правительства ни разу не проявляли воли к их развитию. Никогда ни одно из этих правительств публично не осуждало варварского акта Муссолини против Албании. В то же время правительства эти поинтересовались выкопать из могил останки итальянских солдат, убитых в боях с нашими партизанами в годы Национально-освободительной борьбы, и перевезти

их в Италию, объявили этих солдат «героями, сражавшимися за величие Италии», и каждый год воздают им почести.

В основном итальянская пресса редко пишет что-либо положительное об Албании. Во всей мировой печати она выделяется дезинформирующим и порочащим отношением к нашей стране.

От итальянских правителей и итальянской прессы не отличались и не отличаются в этом отношении и итальянские ревизионисты. В 1939 году руководители Итальянской коммунистической партии издали глазели на фашистские армады, выступившие, чтобы похитить свободу у маленького соседнего народа. Они не показали себя даже на высоте итальянских социалистов, которые осудили империализм своей страны во время битвы под Влёрой в 1920 году. Главные руководители Итальянской коммунистической партии и после войны не соизволили приехать в Албанию, осудить преступления фашизма и выразить солидарность с албанским народом-мучеником, который геройски сражался против итальянского фашизма.

Итальянская коммунистическая партия боролась и борется за то, чтобы выхолостить у своих членов и у итальянского пролетариата революционный дух, насадить идею классового примирения и вытравить мысль о возможности насильственного взятия власти из рук капиталистов. Она является ничем иным, как обыкновенной социал-демократической партией, но ее оставили в оппозиции и не принимают в свой хоровод потому, что раньше она состояла в Третьем Интернационале, как и потому, что буржуазия, видимо, требует от нее новых, более веских испытаний.

Итальянское «демократическое» буржуазное государство предоставляет Итальянской коммунистической партии, как и всем другим парламентским партиям субсидии в миллиарды лир. Но ревизионистская партия получает и много других доходов от торговых компаний, как и разные субсидии за посредничество. У нее своя аристократия и свой плебс. К аристократии относятся депутаты, сенаторы, мэры и советники муниципалитетов, как и постоянные должностные лица.

Идеи Тольятти, социал-демократическая линия, явный отход от марксизма-ленинизма были кодифицированы на состоявшемся в 1962 году X съезде Итальянской коммунистической партии. Тольятти был интеллигентом-реформистом и таким остался он до конца своей жизни, вплоть до «Ялтинского завещания», в котором он вновь акцентировал «полицентризм» и высказался за «плюрализм» партий для перехода, мол, в социализм, за «свободу вероисповедания» и «слова», за «права человека» и т.д. Таков был путь так называемого итальянского социализма.

X съезд изобразил «итальянский путь к социализму» как оригинальный путь, как дальнейшее развитие марксизма, как преодоление уроков Октябрьской революции и всего опыта совершенных до того времени социалистических революций. В действительности, это был путь «структурных реформ», ревизионистский, оппортунистический путь, приспособленный к нуждам и условиям итальянского монополистического капитала.

В соответствии с «теорией» «структурных реформ», к социализму можно будет идти через постепенные реформы, которые будут урваны у монополистического капитала мирным путем. Эти постепенные реформы должны были быть осуществлены только посредством парламентаризма, через голосование, несмотря на то, что капиталистические монополии держали в своих руках и богатства страны, и вооружения, и парламент, и государственное управление. По их мнению, «реформы социальных и экономических структур», которые якобы возможны в рамках буржуазного государства, «приведут к уничтожению эксплуатации и классового неравенства, сделают возможным ... постепенное преодоление пропасти между теми, кто господствует, и теми, кто находится под их господством, переход на путь полного освобождения человека и общества» *.

Итальянские ревизионисты полностью скатились на позиции тред-юнионизма и социал-демократии, ограничивающих борьбу рабочих лишь требованиями экономического и демократического характера и полагающих, что последствия капиталистического строя можно устранить, не затрагивая его самого. Но историей доказано, что это утопия, так как нельзя устранить следствия, не ликвидировав их причин, кроющихся в самой капиталистической системе. Итальянские ревизионистские лидеры теперь и сами признают свой открытый переход на позиции социал-демократии и даже как-то хвастаются тем, что им удалось предпринять такой «исторический» шаг. На последнем съезде Итальянской коммунистической партии бывший председатель итальянского парламента и член партийного руководства, Инграо, заявил: «нам надо многому научиться у социал-демократии». Что в сравнении со старыми профессорами социал-демократии лидеры итальянской ревизионистской партии еще новички в деле ревизии марксизма-ленинизма и в борьбе против революции — это верно. Но они могут сравниться с ними по своему особому усердию безоговорочно и подобострастно служить буржуазии.

Итальянские ревизионисты могут проповедовать сколько им угодно, могут надирать себе горло на всех перекрестках и молиться во всех церквах Италии, но им никогда не удастся осуществить свои реформистские мечты о переходе в социализм парламентским путем, с помощью конституции и самого буржуазного государства.

Продолжением тольяттинского курса на «структурные реформы» стал провозглашенный Берлингуэром «исторический компромисс» с буржуазией. Настоящий лозунг, которым убаюкивает себя итальянское ревизионистское руководство, выдвинул именно в моменты, когда итальянское капиталистическое буржуазное государство переживает весьма острый кризис. Своим «историческим компромиссом» Итальянская коммунистическая партия предложила Христианской демократии — представителю крупного капитала и высшей церковной иерархии — свое сотрудничество для выхода из этого положения и спасения этого государства.

---

* La politica e l'organizzazione dei comunisti italiani. Roma, 1979, стр. 11.

Берлингуэровский «исторический компромисс» есть продолжение старых ориентаций Итальянской коммунистической партии, которая сразу же после войны стала добиваться участия в буржуазной власти и единения с социалистами Ненни. Он — продолжение ее известного флирта с тогдашним главой демохристиан Альчиде Де Гаспери, протянутая католикам рука Тольятти и Лонго. Настоящую ориентацию Берлингуэр превратил из тактики в стратегию. Предложенный Итальянской коммунистической партией «исторический компромисс» есть старая либеральная политика, которая всегда «*comme un gant*»* подходила Италии.

Берлингуэровский «исторический компромисс» явился попыткой и надеждой, родившейся под воздействием событий в Чили. Увидев, что социалист Альенде не мог сохранить власть без сотрудничества с христианско-демократической партией Фрея, итальянские ревизионисты решили, что и они сами не могут ни прийти к власти, ни оставаться у власти без поддержки демохристиан и сотрудничества с ними. Опасаясь установления фашизма с помощью американского империализма, они пошли на большие принципиальные и практические уступки, отказались и от той своего рода самостоятельной позиции, которую занимали, когда считали, что можно завоевать большинство в парламенте и править совместно с левой коалицией. С тех пор, чтобы предотвратить в Италии чилийские события, они согласились играть второстепенную роль, роль покоренного в уже не левой, а правой коалиции с демохристианами.

Когда Итальянская коммунистическая партия выдвинула лозунг «исторического компромисса», казалось, будто Италия становилась мощной индустриальной страной. В этот период не только реакции, но и самим итальянским «коммунистам» «исторический компромисс» казался «стратегией» на долгие годы. Но наступил кризис, фашизм восстановился, став грозной силой; начались взрывы бомб, убийство и исчезновение людей. «Исторический компромисс» стал более актуальным, он начал казаться «целесообразным» даже части буржуазии и демохристиан. Представителем этого течения был и Альдо Моро, но он был ликвидирован, так как демохристиане не были готовы (впрочем они еще не готовы) включиться в этот компромисс, несмотря на свой провал в выборах.

В нынешних кризисных условиях демохристиане отыскивали ряд способов и форм согласования действий с «коммунистами» по некоторым вопросам, как на профсоюзном, так и на партийном уровне, но, все-таки, они боятся даже итальянской коммунистической партии «à l'eau de rose»**.

Примет ли итальянский монополистический капитал руку, которую протягивает ему Итальянская коммунистическая партия? Он требует, чтобы ревизионисты поддерживали правительство в парламенте, голосовали за его программы и законы, вошли в «парламентское большинство», в «правительственное большинство», но не в само правительство, не во власть, не в центры, где принимаются политические решения по управлению страной. Соединенные Штаты Америки

---

* По французски: как перчатка. Здесь: как нельзя лучше

** По-французски: опрысканной розовой водой. Здесь: слащавой, сладенькой.

высказались против участия европейских ревизионистов в правительствах стран-членов НАТО. Итальянская буржуазия исполняет этот приказ своих хозяев.

Всякий раз, когда проводятся парламентские выборы, Итальянская коммунистическая партия неизменно оказывается перед большой дилеммой. Она не знает как ей быть в случае, если получит больше голосов, чем демохристиане. Напуганный Берлингуэр придерживается формулы о том, что в любом случае нужно формировать широкое правительство с участием всех партий «демократического крыла», которое осуществило бы некоторые реформы, естественно, в рамках «плюралистической демократии», и при котором Италия не вышла бы из НАТО.

Почему Берлингуэр развивает эту перспективу? Потому, что это есть ревизионистская линия Итальянской коммунистической партии, которая боится брать свою ответственность за кризис и банкротство буржуазной системы, не поддающейся лечению реформами. С другой стороны, Итальянская коммунистическая партия боится и массы рабочих и трудящихся Италии, которые, в случае победы этой партии, будут требовать уже не сотрудничества с патронатом, а взятия власти. Такая ситуация нежелательна для Итальянской Коммунистической партии, которая никогда не допустит ее. В то же время она совершенно нежелательна и для американской и итальянской монополистической буржуазии, которая чего только не предпримет, чтобы предотвратить ее.

В случае если Итальянская коммунистическая партия победит на выборах, быть может, антиисторический компромисс вначале будет достигнут, но «компромисс» этот будет эфемерным, призванным умиротворить общественность, пока не будут закручены гайки. Капитал никогда не складывает оружия, его надо вырвать у него силой. Итальянская коммунистическая партия не из тех партий, которые стремятся к революции. Она не стояла и не стоит за установление в Италии социалистического общества не то что сегодня, но даже и завтра или в каком-либо далеком будущем.

ПРЕЕМНИКИ ПРУДОНА ВО ФРАНЦИИ

Теоретически вопрос о «путях» перехода в «новое социалистическое общество», проповедуемое еврокоммунистами, уже давно разработан Тольятти и его итальянскими учениками. Но теперь это французские ревизионисты выступают с высокомерными «философскими» речами, стараясь наверстать упущенное время и выступить знаменосцами еврокоммунизма, его истолкователями и законодателями. Именно эта роль, которую они взяли на себя, и делает их посмешищем и еще больше разоблачает в глазах рабочего класса своей страны и трудящихся всего мира.

Жорж Марше стал усердным последователем теоретизирований Роже Гароди, который во время Тореза вершил идеологический закон во Французской коммунистической партии и впоследствии был исключен из нее. Гароди пытался «доказать», будто в развитых капиталистических странах больше нет пролетариата, что он стоит на одном уровне со служащими администрации, с инженерами

и техниками, которые, по его словам, эксплуатируются в одинаковой мере. Теперь эту теорию Жорж Марше взял на вооружение и даже зашел еще дальше. Видите ли, за проповедуемый им «социализм» выступают все — не только рабочий класс, не только все трудящиеся, но и буржуазия и даже армия и полиция. В своих речах он то и дело твердит: «мы хотим идти в социализм, но нам мешают только 25 семейств, составляющих во Франции силу капитала». «Как это возможно, чтобы мы, такая сила, не могли сказать своего слова и свергнуть касту, стоящую у власти?» — удивляется Марше. И он сам отвечает себе, что Франции, для того чтобы прийти в социализм, нужны только экономические и политические реформы. Вопрос о низвержении капитала он трактует как нечто, которого можно добиться легко, какими-то словесами, раздувая щеки, сшибая с ног струей воздуха. Путь, проповедуемый французскими ревизионистами, может быть чем угодно, но он не имеет ничего общего с подлинным путем к социализму.

Представителей нынешней власти во Франции Марше сопоставляет и приравнивает к французской аристократии периода до победы буржуазии два века назад и по отношению к ее лидерам употребляет термин: «эти принцы, которые управляют нами». Между тем французские ревизионисты не стоят даже на позициях тех, кто совершил французскую буржуазную революцию 1789 года. Известно, что эта революция отрубила голову королеве, королю и всем тем «принцам», которые управляли тогда Францией. Прогрессивная буржуазия того времени, которая свергла монархию и феодализм, не остановилась на этом, а продвинула дальше вперед революцию, отрубив голову и всем главарям реакционных фракций зарождавшейся буржуазии: фельянам, верньё и дантонам. Эта революция достигла кульминации с якобинской диктатурой под руководством Робеспьера, которого буржуазная реакция гильотинировала.

Принца Понятовского, бывшего министра внутренних дел Жискара д'Эстена, Марше называет версальцем. Но он забывает Парижскую Коммуну, которая с оружием в руках боролась против Тьера и версальцев. Маркс говорил, что «Коммунары штурмовали небеса», а Марше своими ревизионистскими теориями ведет против понятовских войну «в кружевах».

Руководители французской ревизионистской партии пытаются объяснить «глубокие причины» падения Франции. «С 1976 года, — говорится в тезисах XXIII съезда Французской коммунистической партии, — инфляция, по существу, находится на высоком уровне; безработица возросла примерно на 30 процентов; покупательная способность трудящихся снизилась; экономический рост остановился ... Грубость, безработица, сверхэксплуатация трудящихся сопровождаются увеличением прибылей капиталистов ... Во Франции, которая обладает многоотраслевой промышленной экономикой, сегодня разрушаются целые отрасли, как черная металлургия, судостроение, машиностроение, текстильная, обувная и другие отрасли промышленности. Число трудящихся, занятых в промышленности, сократилось более чем на 500 000 человек» *. То, что говорится о

---

* «Кайе дю коммюнизм», июнь-июль, Париж, 1979, стр. 361, 363.

положении во Франции, известно. Дело не в том, чтобы констатировать тяжелое положение экономики и трудящихся во Франции, а в том, как изменить его.

Маркс не ограничился только тем, что поставил диагноз капиталистического общества, он определил и пути свержения капитализма. Современные ревизионисты отошли от этого научного пути и только пустословят, чтобы ввести в заблуждение партию и рабочий класс, внушая им, будто они интересуются его положением.

Французские ревизионисты также говорят и о тяжелом кризисе, переживаемом сегодня капиталистическим миром. «Нынешний кризис капиталистических стран, — говорит Жорж Марше, — является международным кризисом, кризисом, в конечном итоге, системы эксплуатации, господства и ограбления трудящихся и народов» *. Очень хорошо, но как думает он использовать этот узловый момент, переживаемый не только Францией, но и всем миром? Какого рода борьбой? Классовой борьбой или словесами? Неужели он в самом деле надеется, что своими речами ликвидирует французскую монополистическую буржуазию, угнетающую пролетариат и трудящихся Франции всей той армией и полицией, которые он думает, что стоят на его стороне? Нет, он только разводит демагогию, с одной стороны, для «публики», а с другой, чтобы не отпугнуть патронат.

Такие ревизионисты опираются на ими же самими созданные лжетеории, согласно которым ситуация якобы назрела до такой степени, что для построения нового, социалистического общества не нужны больше революция и диктатура пролетариата. Теперь, по их мнению, каждый класс общества и даже каждый индивидуум думает как социалист. Социализм, на их взгляд, так глубоко укоренился в сознании людей, что полностью слился с этим сознанием. «Социализм, — говорится в тезисах XXIII съезда французской коммунистической партии, — теперь уже реализуется, причем реализуется большим разнообразием» **. Цель этих лжетеорий — внушить рабочим, что то, что Ленин сделал путем революции и кровопролития, теперь уже достигнуто, причем под игом жестокого капитала, без революции, без насилия.

Ревизионистские руководители Французской коммунистической партии заверяют рабочих в том, что человек современного общества во Франции, в Европе, в мире уже понял, что промышленное общество не является больше обществом, в основу которого лежит капиталистическая прибыль. Это совершенно фальшивая теория, ибо господствующий в этом обществе монополистический капитал борется не просто за прибыли, а за максимальные прибыли. Жорж Марше говорит и о вывозе капитала, но он не говорит, что этот вывоз является средством варварской эксплуатации не только рабочих метрополий, но и рабочих отсталых или развивающихся стран. Вывоз капитала стал сегодня основной чертой неокOLONиализма.

---

* «Кайе дю коммюнизм», июнь-июль, Париж, 1979, стр. 356, 358.

** Там же, стр. 371.

Жорж Марше доходит до утверждений о том, будто в нынешних условиях «империализм вынужден искать новых международных разрешений, соответствующих потребностям народов». До чего гуманный этот империализм, поступающий согласно потребностям народов! А ведь империализм остается империализмом и не изменяется болтовней и софистическими анализами. Приведенными выше утверждениями французские ревизионисты-еврокоммунисты не делают ничего другого, кроме как приходят на помощь империализму, приукрашивая его, создавая и распространяя иллюзию о том, будто он стремится создать новый мир.

На XXII съезде ФКП Марше в целой тираде доходит до того, что объявляет необоснованным возведенное на французских ревизионистов обвинение о том, будто они хотят ликвидации богачей. Считая все это клеветой, он открыто говорит, что они стоят за сохранение частной собственности, за сохранение средней буржуазии со всеми ее владениями, за сохранение крестьянства, владеющего землей, что они хотят только национализации общегосударственных богатств и управления ими самим народом. Эти капиталистические структуры, защищаемые Марше, защищает и социал-демократия. В этом случае он вправе сердиться на тех, кто обвиняет его в том, будто он не стопроцентно верен буржуазии, как его братья, социал-демократы.

В начале 1979 года Жорж Марше писал: «Мы хотим общественной демократии, экономической демократии, политической демократии и желаем идти еще дальше вплоть до коренного преобразования общественных отношений, чтобы дать народу Франции возможность жить в демократическом социализме, в социализме самоуправления» *. Итак, Марше выступает и как последователь Тито, который осуществил в Югославии как раз анархо-синдикалистские теории Прудона и Бакунина о «рабочем самоуправлении», резко осужденные Марксом, а позднее и Лениным. Теперь Жорж Марше, рядясь в тогу «творческого» марксизма, но не «соизволяя» ссылаться на высказывания великих учителей марксизма, не осмеливается открыто выступать в защиту антимарксистских взглядов Прудона и признаться, что является его последователем. Между тем, ратуя за «самоуправление», он не делает ничего иного, кроме как изменяет термины, развивая мелкобуржуазную теорию Прудона.

Руководители Французской коммунистической партии много говорят о зарплатах и выдвигают вопрос реформистской борьбы за их повышение. Нужно повысить покупательную способность трудящихся и семей, давая больше тем, кто получает меньше, говорят они. Нужно усилить меры к сокращению разрыва в доходах, как и в премиальных. Нужно сократить снизу доверху иерархию чиновников. Ревизионисты выдвигают эти проблемы потому, что в наше время повышение зарплат является всеобщим требованием масс.

Жорж Марше разыгрывает удивленного: как это возможно, чтобы трудящиеся и старики не имели возможность жить по-человечески, не имели права вы-

---

* «Юманите», 13.2.1979.

ступать по радио и телевидению. Они должны завоевать все эти права, — говорит он. «Моя партия боролась и борется за повышение зарплат, за снижение налогов, чтобы парламент не был больше как нынешний, которому навязаны невыносимые условия действия и урезаны прерогативы». Ограничивая борьбу рабочего класса только злободневными требованиями, французские ревизионисты оставляют в стороне учение Маркса, который разъяснил, что зарплаты камуфлировано скрывают эксплуатацию рабочих капиталистами, присваивающими часть труда, а именно неоплачиваемый труд рабочих, создающий прибавочную стоимость для капиталиста. Они преднамеренно обходят молчанием мысль Маркса о том, что разрешение проблемы заключается не в повышении зарплат и не в их уравнивании, как думал Прудон, этот классический реформист. Маркс говорил, что сведение борьбы рабочего класса только к зарплате является ничем иным, как попыткой продлить жизнь наемному рабству. Только окончательная ликвидация эксплуатации наемных рабочих, говорит Маркс, является правильным и коренным разрешением вопроса.

Французские ревизионисты затушевывают марксову теорию об общественном характере производства и капиталистическом, частном характере собственности на средства производства при капитализме, о производственных отношениях между классами. Они преднамеренно не упоминают того, что относительно этих вопросов существуют противоположные интересы классов, находящихся в постоянной борьбе за изменение характера собственности. Они трактуют эти вопросы вообще, как сугубо экономические вопросы, как трактовали их теоретики экономизма. Их «теорией» является не теория Маркса, а «теория» уклонистов, пришедших после Маркса. Миссию и борьбу пролетариата Марше сводит к борьбе за экономические права, а не за свержение власти капитала. В «Манифесте Коммунистической Партии» Маркс призывал: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» За что? За проведение революции. А Марше говорит: Рабочие, крестьяне, буржуа, полицейские, солдаты и офицеры, соединяйтесь ... за проведение реформ! Французские ревизионисты понятие «пролетариат» рассматривают как романтическое понятие для сочинения поэзий.

Вместо того чтобы бороться за то, чтобы пролетариат возглавлял революцию и находился в тесном союзе с трудящимися массами города и деревни, французские ревизионисты добиваются объединения его в «другой исторический блок», в «союз левых сил», как называют французские ревизионисты сотрудничество с буржуазными партиями, или в «исторический компромисс», как его называют итальянские ревизионисты.

Эту теорию о союзах французские ревизионисты развивают в соответствии со своей точкой зрения, согласно которой рабочие при нынешнем капиталистическом строе каждый день «являются свидетелями улучшения их жизненных условий» и «исчезновения пролетариата в полном смысле слова». Это — тезис ревизиониста Гароди, которого напрасно не принимают в ряды французской ревизионистской партии.

Впрочем все равно, состоит он или нет в ней, поскольку ревизионистские руководители Французской коммунистической партии принимают в свой хоровод

также буржуазные партии, чтобы вместе с ними перейти в социализм. В ней присутствуют и Гароди с компанией. Французское ревизионистское руководство критиковало и выгнало Гароди из партии, не исходя из принципиальных позиций, а потому что он выступил преждевременно и поднял знамя «новой линии», которое, по иерархии, надлежало поднять Марше и другим лидерам более высокого ранга, чем он. Таким же образом поступает это руководство сегодня с Эллеинстейном и Альтюссером, которые требуют ускорения движения по ревизионистскому пути. Но нет никакого сомнения в том, что руководство Французской коммунистической партии скоро помирится и объединится не только с Гароди и Эллеинстейном, но и с Миттераном, Рокаром и всеми социал-демократами. Пройдут ли они вначале через «союз левых сил», через «совместную программу» или через какую-либо другую форму — это не имеет никакого значения. Раз существует общность взглядов и целей, остальное само собой придет.

Ревизионисты вообще, французские ревизионисты — в особенности, своими теориями выступают против государственного управления экономикой при социализме. «Мы, — утверждает Марше, — боремся сегодня против этой душащей авторитарности и централизма ... Наоборот, мы хотим, чтобы государственные предприятия были самостоятельными в своем управлении..., чтобы трудящиеся — рабочие, служащие, инженеры и кадры — принимали все более активное участие в этом управлении. Мы хотим также, чтобы коммуны, районы и области стали истинными центрами демократического принятия решений и управления» *. Эти взгляды французских ревизионистов и Французской коммунистической партии полностью соприкасаются с линией югославского «самоуправления» и с федерализмом Прудона, утверждавшего, что «должна существовать лишь промышленная демократия, позитивная анархия. Кто говорит свобода, тот говорит федерализм, либо ничего не говорит, кто говорит республика, тот говорит федерализм, либо ничего не говорит, кто говорит социализм, тот говорит федерализм, либо ничего не говорит». Итак, согласно Прудону, федеративный принцип применим и к экономике, и к политике. Возможно, Жорж Марше и не употребляет в отношении этих вопросов терминов Прудона, зато, говоря о своем «демократическом социализме», он утверждает: «Мы хотим хорошего, справедливого, свободного общества» и т.д., и спрашивает, разумно ли, чтобы из-за таких столь скромных чаяний рабочих подавляли, а чаяния эти оставались лишь мечтой?

Прудон требовал демократии и свободы, и, на его взгляд, их можно было без всякого труда завоевать, их можно было без всякого труда выбить из рук капиталистов. Марше не ограничивается этим, а подчеркивает, что 200 лет назад, при буржуазной демократии, рабочие пользовались большими свободами, они вмешивались в дела государства и фабрик, и, наконец, он «негодует» против того, что сегодня они лишены этой свободы. Но дальше своего негодования он не уходит. И не уходит потому, что не желает столкновений с капиталистами, так как хочет жить в мире с ними. Все это похоже на байку, рассчитанную для простаков.

---

* Le socialisme pour la France, Paris, 1976, стр. 84-85.

Марше утверждает, что реформами можно добиться того, чтобы и в условиях существования капиталистического строя пролетариат принимал участие и в управлении экономикой. Он мечтает и говорит, что в рамках этого строя может существовать общественная демократия, при которой все без исключения рабочие могут пользоваться богатствами; может существовать политическая демократия, при которой все граждане могут осуществлять контроль, управлять, воистину стоять у кормила правления, словом, «само-управлять». Разве это не буквально теория Прудона?

Проповедуя «демократический социализм», Марше рассматривает и вопрос о собственности и о плановом ведении экономики. Собственность при этом обществе он делит на государственную и частную. Но частникам он отводит огромную собственность. Этим он хочет сказать правящей буржуазии: напрасно вы обвиняете нас, французских коммунистов, ведь мы уважаем частную собственность, мы не за пролетарскую революцию, мы больше не за «поднятие кулака», а за «протягивание руки». Марше говорит о муниципальных, департаментских и региональных владениях. Он не употребляет прудоновского термина «федерализм», но это то же самое, они сходятся. Утверждая, что они борются против душасей авторитарности и централизма, Марше, вопреки положениям Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, подразумевает под этим борьбу с демократическим централизмом. И план, — говорит он, — мы должны составлять демократическим путем, с участием не только рабочих и других трудящихся, но и собственников.

Марше известно, что метод экономического планирования не есть метод, данный для любого общественного строя и зависящий от доброй воли тех, кто управляет страной. Единое, централизованное планирование возможно лишь там, где установлено полное господство общественной собственности на средства производства, что характерно только для социализма. Частная собственность, в какой бы форме она ни проявлялась, не поддается и никогда не будет поддаваться централизованному планированию. Это — объективные истины, а их нельзя изменить всего лишь потому, что это нравилось бы Марше и другим «теоретикам»-еврокоммунистам.

Современный ревизионизм не только во Франции, но и во всех капиталистических и ревизионистских странах атакует марксизм-ленинизм и в области литературы и искусства, ибо он старается использовать их как средство отравления и разложения людей. На путь буржуазного разложения стали ревизионистские писатели, поэты и художники. Сегодня трудно отличать некоего Арагона от какого-то Бовуара, некоего Андре Стиля от какого-то Сагана. Тут речь идет не о близости стиля и формы, а об одинаковом содержании и цели их произведений, которые вдохновляются антимарксистскими философскими течениями, с тем чтобы выйти на один и тот же путь — выступать против революции, умерить души, сделать их одинаково растленными, «мертвыми душами».

Все ревизионистские «теоретики» отстаивают положение о том, будто Маркс и Энгельс отводили совершенно незначительное место эстетике, чтоб не сказать,

что они совсем не уделяли внимания ей. Эстеты из Французской коммунистической партии заходят еще дальше. Они бьются «доказать», будто Маркс совершенно не интересовался искусством или не разбирался в нем. Наперекор фактам, они утверждают, будто Марксу «не удалось понять, что же придает искусству вечную ценность, независимо от исторических моментов», будто «ему не удалось понять, каким это образом греческое искусство, связанное с инфраструктурой того времени, продолжает волновать нас». Они искажают Маркса неспроста. С одной стороны, они пытаются создать впечатление, будто нет марксистской мысли об искусстве, будто эту мысль вырабатывают теперь ревизионисты; с другой стороны, они пытаются отрицать классовый характер искусства и оспаривают вопрос о том, «к чему относится искусство, к базису или к надстройке, является ли оно идеологией, связано ли оно с классом и с революцией, в какой мере и до какой степени связано?» и т.д.

Ряд «теоретиков» из Французской коммунистической партии придерживался различных взглядов на литературу и искусство различных периодов, что вызывало разброд и хаос в рядах партии и различных деятелей и колебания в самом литературном и художественном творчестве творцов-коммунистов. Было время, когда Французская коммунистическая партия ратовала за такое творчество, которое опиралось на народное творчество, на революционное искусство, а позднее — на социалистический реализм. Затем в творчество художников-коммунистов проникли антимарксистские течения.

Своим декадентским искусством буржуазия оказывала воздействие не только на рядовых членов коммунистической партии, но и на ее руководящих работников, занимавшихся агитацией и пропагандой. Эти элементы, оказавшись под воздействием подобного искусства, теоретизировали, извращали, превратно толковали Ленина, который отмечал, что революция создает свое искусство, что коммунисты не отвергают достижения передового наследия народа. Эти люди поревизионистски и по-буржуазному истолковывали высказывания Ленина, Сталина и Жданова о том, что писатели и художники в социалистическом обществе должны быть вольны в своем творчестве, должны обладать личной инициативой, но в то же время они всегда должны быть реалистами и создавать произведения, которые действительно служили бы делу революции и социализма.

Некоторые лжемарксистские эстеты дошли до того, что стали утверждать, будто Ленин проповедовал абсолютную свободу творчества. Философ-антимарксист Гароди провозгласил «безбрежный реализм». Другие утверждают, будто в литературе и искусстве, в которых господствует идеология, господствует партия, нет свободы, а стало быть нет творчества.

Впрочем, чего можно было ожидать в области эстетики, покуда во Французской коммунистической партии пользовались влиянием и считали себя коммунистами люди, подобные Андре Жиду, Мальро или Полю Низану, которые вместе с Арагоном принимали участие и в первом съезде советских писателей в Москве, но которые впоследствии стали предателями и явными антикоммунистами! Во Франции подобные «теоретики», будь они члены Коммунистической

партии или нет, даже и представлять себе не могли значения искусства, опирающегося на принципы марксизма-ленинизма. Эти элементы задавались целью оторвать литературу и искусство от политики и идеологии, — конечно, от пролетарской политики и марксистской идеологии. Они делали все для того, чтобы расчистить путь распространению буржуазной политики и идеологии, развитию декадентского искусства, чтобы расплодить психоаналитические, сексуальные, полицейские и порнографические романы и завалить рынки, книжные магазины, витрины, театры и кино подобными произведениями.

Возьмем, например, Пикассо. Он был членом Французской коммунистической партии и таким и умер. Однако он никогда не стал марксистом, что, впрочем, отражается и в его творчестве, а Французская коммунистическая партия гордилась им и критиковала его только один раз за то, что он начертил какую-то мазню, которая была названа «Портретом Сталина» и которую его друг и единомышленник Арагон напечатал в газете «*Les lettres françaises*», директором которой он был.

Французская коммунистическая партия не придерживалась социалистического реализма твердо и решительно. Часть писателей, философов и критиков-членов этой партии, такие как Маргерит Дурас и Клод Руа дезертировали. Когда Хрущев развернул клеветническую кампанию против Сталина, Французская коммунистическая партия пошатнулась, и первыми капитулировали именно подобные интеллигентки. Она провозгласила лозунг «полной свободы в искусстве и культуре», а прежние защитники социалистического реализма, вроде Арагона, Андре Стиля, Андре Вюрм-сера переменили не только рубашку, но и душу, продав собственную шкуру ревизионизму. Итак, лжекоммунистические французские литераторы стали влюбляться в лукачей, кафки, сартров. Во всей партии развернулись критические диспуты на подходящей для буржуазии платформе; обсуждались, например, такие вопросы: «каково соотношение литературы и идеологии?», «какая форма должна быть принята в искусстве — «сектантство при интерпретации» или же «оппортунистический эклектизм»?». Роланд Леруа, как «авторитет», сделал вывод, что «не может быть специфического пролетарского искусства, а также совершенно революционного искусства».

Погрязнув в оппортунизме и ревизионизме, Французская коммунистическая партия дала этим антиреволюционным положениям подобно затхлой воде просочиться втихомолку и стать господствующими тезисами среди ее работников художественного творчества.

В заключение можем сказать, что линия Французской коммунистической партии в литературе и искусстве знает приливы и отливы. Однако она всегда колебалась. Ее колебания обуславливались, с одной стороны, «ортодоксальностью» в борьбе за принципы, с другой — непосредственным или косвенным воздействием буржуазной идеологии на литературу и искусство через ее интеллигентов.

Во Французской коммунистической партии интеллигенты, которые работали в области художественного творчества, вообще играли скорее отрицательную,

чем положительную роль. Они, независимо от классового происхождения, закончив школы, добивались «славы». Эта партия никогда не руководила ими и не воздействовала на них пролетарской идеологией и культурой. Для этих партийных интеллигентов важно было свободное, субъективное, индивидуальное творчество, а что касается коренных интересов пролетариата и революции, то они никогда не занимали их. Эти люди жили и работали далеко от рабочего класса, были оторваны от него. Классом для них была «экономика», тогда как интеллигенты были «головой Зевса», призванной управлять «экономикой». Интеллигенция в рядах Французской коммунистической партии росла и вдохновлялась в среде богемы Монпарнаса, в «Клозер де Лиля», «Павийо де Флор», «Бато-Лявуар» и других клубах, где сталкивались всякого рода декадентские течения, чьим продуктом явились арагоны, пикассо, эльзы триоле и многие другие приятели лязареффов, тристан тцар, дадаистов, кубистов и тысячи одной декадентской школы литературы и искусства. По этой традиции и по этому пути шла Французская коммунистическая партия вплоть до своего XXII съезда, на котором ревизионист Жорж Марше вывел наружу всю антимарксистскую нечисть, давно накопившуюся во Французской коммунистической партии.

На этом съезде французские ревизионисты выступили и официально против руководящей роли партии рабочего класса в области искусства и против метода социалистического реализма. Под предлогом борьбы против «однообразия» они утверждали, что социалистическая культура должна быть открытой для всех течений, для всех видов поисков и творчества.

Лжемарксист Жорж Марше в брошюре, содержащую его доклад XXII съезду, включил и стихотворение, взятое из книги Арагона «Сумасшедший Эльзы». Эльза была женой Арагона. И вот, что говорит в этом стихотворении Арагон, член Центрального Комитета Французской коммунистической партии: «Всегда ли будут войны и распри, / Королевские замашки и склоненные головы, / Напрасно рожденные дети матерей, / Уничтоженная саранчой пшеница? / Всегда ли будут тюрьмы и пытки, / Всегда ли будут злодеяния во имя идолов, / (а идолами являются Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин), Накинута на трупы мантия слов, / Кляп во рту и распятые руки? / И тем не менее, настанет день оранжевого цвета...». Этим Арагон говорит, что он и его партия отказались от красного цвета, от коммунизма.

Тем самым французские ревизионисты отбросили положения бессмертной теории марксизма-ленинизма. Ныне их партия погружена в ревизионизм, смешанный со старыми бернштейнскими, прудоновскими, каутскианскими, анархистскими утопическими теориями. Восприняв идеологию других буржуазных партий, она борется за создание во Франции и всюду идеи устарения марксизма и выдвижения вместо него на первый план еврокоммунизма.

В 1968 году в Париже студенты вступили в столкновения с «блудителями порядка». Столкновениям этим троцкисты, Сартр (теоретик экзистенциализма), Симон де Бовуар, Кон Бендит и другие придали анархистскую окраску. И, действительно, они происходили в беспорядке. Французская коммунистическая партия держалась стороны. Почему она держалась стороны? Неужели потому, что

она в принципе была против анархии? Я думаю, что не в этом причина. Причина в том, что она не хотела присоединиться к атаковавшей правительство де Голля студенческой молодежи. Как раз это движение фактически и заставило его провести референдум и, не одержав ожидаемой победы, отправиться в Коломбейле-Дез-Эглиз, где и умер.

Французская коммунистическая партия помешала рабочему классу прийти в движение и взять в руки руководство восстанием. У нее хватало сил распространить пламя по всей Франции, и, если не взять, то по крайней мере расшатать власть «принцев», или, как ее называли к тому времени, власть «баронов». Этого она не сделала потому, что стояла за путь и методы, проповедуемые мелкобуржуазным ревизионистом Жоржем Марше.

Французская коммунистическая партия возлагает большие надежды на «левую коалицию», за создание которой она боролась вместе с социалистической партией Миттерана в ходе голосования за президентство Франции и во время парламентских выборов. Французская коммунистическая партия и Французская социалистическая партия пришли к некоторой договоренности, но договоренность эта носила конъюнктурный характер. Они не победили на выборах; более того, после выборов, после победы Жискара д'Эстена охладели отношения между коммунистами и социалистами, которые начали даже атаковать друг друга. Ни крупная буржуазия, ни ее партии, ни социалистическая партия Миттерана ни в коем случае не желали бы, чтобы коммунистическая партия, будь она и оранжевого цвета, как ее именует Арагон, принимала участие в управлении Францией. Это подтвердилось при Народном Фронте, когда во главе социалистической партии стоял Леон Блюм, это подтверждается и сегодня, когда во главе социалистической партии находится Миттеран, будет подтверждено и когда придет кто-либо другой.

Интересы французской капиталистической буржуазии и тех 200 семейств, которые Марше сводит к 25, чтобы создать впечатление, будто теперь имеет дело с незначительной реакционной силой, тесно связаны между собой для защиты их привилегий, для защиты их крупных владений и капиталов, для умножения прибылей за счет пролетариата и всех трудящихся Франции. Естественно, у социалистов имеются противоречия с другими партиями буржуазии, но, когда дело доходит до того, что пролетариат ставит под угрозу буржуазную власть, устанавливается единство, зато не между коммунистами и социалистами, а между социалистами и буржуазией. Это происходит в Италии с социалистической партией, которая объединяется с демохристианами, с либеральной партией, с социал-демократической партией и не создает единого фронта даже с тольяттинскими «коммунистами».

Но если предположить на миг, что какому-либо картелю «левых» во Франции удастся прийти к власти, то для французских коммунистов, будь они и оранжевого цвета, это будет недолговечным и ни к каким изменениям не приведет. Почему? Да потому, что так было и когда де Голль, чтобы выбраться из трудного положения, принял в правительство нескольких коммунистов с Торезом во главе, которых, используя в качестве пожарников, выбросил прочь. Да и когда

он поступил так? Он поступил так сразу же после второй мировой войны, из которой Французская коммунистическая партия вышла с немалым авторитетом, как единственная партия, включившаяся в последовательную борьбу с захватчиками. Вот почему нынешние проекты Марше, утверждающего, что «возьмет власть и построит социализм» на основе еврокоммунистической стратегии, прудоновской, бернштейнской ревизионистской идеологии, никогда не осуществятся. Самое большее, чего могут достигнуть лидеры Французской коммунистической партии — это стать акционерами в ограблении труда и пота французского пролетариата и французского народа, увеличить число контрреволюционных пожарных машин — только и всего.

ВОПИЮЩИЙ РЕВИЗИОНИЗМ

Особого внимания заслуживает линия испанских ревизионистов, а это не потому, что они отличаются от итальянских или французских ревизионистов, а ввиду той особой роли, которую они взяли на себя, роли рупора и пробного шара для всех ревизионистов. Каррильо и компания говорят без обиняков, открыто, и, хотя того или нет другие ревизионисты с советскими во главе, выражают истинные взгляды современного ревизионизма. Если советские ревизионисты подчас и «критикуют» Каррильо, то критикуют его не за его предательские ревизионистские идеи, а за то, что тот разглашает взгляды и цели всех ревизионистов.

Каррильо является продуктом загнивающего и разложившегося буржуазно-капиталистического общества, продуктом интеллигентщины, ставшей на службу у капиталистической буржуазии.

Он жил во Франции, и, видимо, там попал под сильное влияние сумасбродных антимарксистских, сартристских, анархистских, троцкистских и прочих теорий. Ныне эти теории он развивает в своих речах и интервью, которыми заполняет страницы буржуазной печати, но особенно в своей столь разрекламированной книге «Еврокоммунизм и государство». В этом глубоко антимарксистском «труде» генеральный секретарь Коммунистической партии Испании изложил и систематизировал оппортунистические тезисы и взгляды Тольятти, Берлингуэра, Марше, Хрущева, Тито и других лидеров современного ревизионизма. Его главной целью является оправдание отхода от марксизма-ленинизма, опорочение идеи революции и социализма, узаконение ревизионизма.

Каррильо озаглавил свою книгу «Еврокоммунизм и государство», чтобы противопоставить ее знаменитому и гениальному произведению Ленина «Государство и революция», в котором изложена стратегия социалистической революции и государства диктатуры пролетариата. Чванливый Каррильо силится какой-то писаниной, насыщенной фразами, заимствованными у ренегатов коммунизма, опрокинуть один из величайших монументов марксистской мысли, каким является произведение «Государство и революция», которое жизнь и революционная практика увековечили, закрепив его великой печатью истории.

По мнению ренегата Каррильо, пропагандирующего тезисы мелкобуржуазных интеллигентов, ныне самым революционным классом общества, руководящим борьбой за социализм, является не пролетариат; в той или иной мере таким классом являются-де все классы и в первую очередь интеллигенция. Он утверждает, что во время Ленина пролетариат был отсталым классом, тогда как ныне, говорит этот ренегат, рабочий класс является очень передовым и наряду с ним выросла также интеллигенция. Одним словом, он тоже разделяет тезисы ревизионистского философа Роже Гароди. По мнению Каррильо, теперь коммунисты должны взять власть не путем насилия, не путем разрушения буржуазного государства и установления диктатуры пролетариата, а прибегая к другим формам в соответствии с изменениями, которые претерпела капиталистическая система. Нынешнее буржуазное общество содержит, мол, в себе ядро социализма, так что пролетариат не единственный класс, заинтересованный в установлении социализма.

Мы должны понять, говорит Каррильо, что нынешнее капиталистическое государство претерпело изменения, но эти изменения капиталистического государства, по его мнению, другие не замечают, а его уму они доступны. А то, что ему доступно — это мнимая действительность, на которой он строит свою соломенную «теорию». Он утверждает, что капиталистическое государство национализировало ряд предприятий, получивших новые формы, отличные от предприятий старых концернов капитализма или империализма. Государство управляет этими предприятиями более или менее корректно через служащих буржуазного склада ума. Теперь, по мнению Каррильо, дело в том, чтобы изменить этот склад ума, и тогда все пойдет на лад. Этот буржуазный склад ума служащих, говорит Каррильо, претерпел большие изменения, однако нужно дальше работать над тем, чтобы люди с таким складом ума осознали необходимость дальнейших реформ для перехода в социализм.

Попытки Каррильо состоят в том, чтобы «доказать», будто нынешнее государство в капиталистических странах представляет собой не власть буржуазии, ее аппарат насилия, призванный сохранять ее собственность и господство, а надклассовую власть, власть всех классов. Будучи не в состоянии полностью выдать черное за белое, он лишь признает, что у буржуазии есть некоторое преимущество в этой власти, которое он считает остатком исторических условий, при которых возникла эта власть, но которое теперь можно устранить.

Однако как же произойдет это изменение, как будет устранено это преимущество и как будет создано государство «демократического социализма»? Он дает понять, что ленинская теория, которая, мол, была полноценной только в прошлом, теперь не подходит, так как изменились социально-экономические условия, и т.д. Теперь нужна другая теория, которая у Каррильо готова.

Теперь, говорит он, существует не только одна буржуазная собственность на средства производства. Наряду с ней существует и государственная собственность, которую Каррильо считает «социалистической», существует кооперативная собственность и т.д. Пролетариата больше нет, так как он слился с интелли-

генцией, со служащими, священниками, судьями, жандармами и другими. Капиталисты, на его взгляд, составляют горстку твердолобых буржуа, которые все еще уцепляются за старое. В таких условиях, говорит Каррильо, нужно через реформы и посредством воспитательной работы демократизировать учреждения буржуазной надстройки, которые уже стали на этот путь. Итак, единственной задачей для коммунистов остается ускорение этого процесса.

По мнению ренегата Каррильо, конфликт между трудящимися массами и нынешним буржуазным государством в корне изменился. Это уже не прежний конфликт, ибо теперь государство является, мол, предпринимателем, защищающим уже не интересы буржуазии в целом, а только интересы одной ее фракции, контролирующей крупные монополистические группировки. Следовательно, по его мнению, теперь это государство находится в противоречии не только с передовыми пролетариями, но и непосредственно с более широкими социальными классами и слоями, включая сюда и крупную фракцию самой буржуазии. В государственный аппарат, заявляет он, не только можно проникнуть, в него уже проникли представители различных классов, настроенные против крупной финансовой олигархии и государства-предпринимателя. Через этот «прогрессивный элемент» можно взять власть посредством реформ.

В «подтверждение» этих басен Каррильо приводит в качестве примера Италию, где, как утверждает он, даже римская полиция голосует за Итальянскую коммунистическую партию. Этим он хочет прийти к заключению, что даже силы принуждения и гнета капиталистической буржуазии претерпели изменения. Правда, говорит он, часто они действуют по указке капитала, но это они делают вопреки своей воле, ибо, когда приходится демонстрировать эту волю, не вызывая подозрений у власти капитала, они действуют вопреки воле этой власти.

То же самое можно сказать о судах. Конечно, говорит Каррильо, суды соблюдают буржуазные законы, и тем не менее и в сознании судов уже наблюдается метаморфоза.

В таком же духе трактует он и вопрос о религии и церкви. Церковь, говорит он, это уже не старая догматичная церковь, она изменилась. Ныне сами духовники выступают за изменение догмы, они уже не против науки, а за нее. Следовательно, они выступают уже за жизнь, совершенно отличную от жизни, некогда проповедовавшейся Евангелием и Ватиканом, который деэволюционировал по пути к более прогрессивному и более гуманному обществу, обществу, где бы царила более полная и более широкая демократия.

По мнению Каррильо, церковь также вносит свой вклад в социальные изменения к социализму! Опираясь на эту фантазию, он приходит к заключению, будто высшая духовная иерархия, хотя она еще не признает социализма, марксизма, как пути к разрешению проблем перспективы, начинает ставить под сомнение возможности капитализма. Он заявляет, что приветствует духовников за то, что они произвели эволюцию в своих догмах, и требует от еврокоммунистов отбросить прочь «свои догмы», то есть марксизм-ленинизм с тем, чтобы быть более «прогрессивными», чем церковь и Ватикан.

Просвещение, как один из самых последовательных идеологических аппаратов буржуазии, для Каррильо не представляет собой никакой проблемы, ибо оно уже теперь почти преобразовано. Он утверждает, что ныне просвещение, став массовым, изменило и свое идейное содержание и т.д.

Что касается семьи, то она, по мнению Каррильо, в корне изменила образ жизни и склад ума. Сегодня дети не только не слушаются своих родителей, но и поступают вразрез с их мыслями. Умственно они чуть ли не живут при социализме.

Иными словами, по мнению Каррильо, все капиталистическое общество преобразилось, это уже не общество времен Маркса и Ленина, уже не прогнившая власть 1917 года, когда Великая Октябрьская социалистическая революция свергла царизм. Как Октябрьскую революцию в России, так и революции, восторжествовавшие в других странах, Каррильо связывает с мировыми войнами, возводя тем самым чудовищную клевету на настоящих революционеров, которые, по его словам, выступают за войну, как средство к обеспечению победы революции. Правда, мировые войны, крайне обостряя социальные противоречия и до невиданных размеров усиливая нищету масс, вызывают и убыстряют вспышку революций, как единственного пути к избавлению от войн и от самого порождавшего их строя. Однако мировые и локальные войны не являются причиной социальных революций. Самую главную причину революций составляют противоречия самой капиталистической системы, особенно противоречие между старыми производственными отношениями и новыми производительными силами, которое, как это доказано историей, может быть разрешено и без межгосударственных войн.

Социализм, заявляет Каррильо, нельзя связывать с мировой войной, ибо в наше время подобная война привела бы к полному уничтожению человечества. Этим Каррильо выступает как пропагандист атомного шантажа империализма. Идя по пятам Хрущева, он заявляет, что нет надобности совершать революции или освободительные войны в условиях, когда существует атомная бомба, ибо они могут вызвать ядерные войны, в которых не будет победителей. Если мы говорим «о мире без оружия и без войн», твердит Каррильо, то давайте завершим эту идею. Поскольку мы хотим построить мир без войн, как было сказано на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза, то давайте работать в этом направлении, но не только добиваясь разоружения и выступая с мирными речами, а и повсеместно подрывая и торпедируя революцию.

С другой стороны, по мнению Каррильо, для насильственной революции все пути закрыты, поскольку ее, видите ли, не допускает американский империализм. Каррильо стремится свой мещанский страх возвести в теорию, а свою капитуляцию перед империализмом и буржуазией — превратить в норму. Угроза вмешательства и подавления всякой революции империализмом, причем не только американским империализмом, но и всей мировой реакцией, давно существовала, впрочем это является составной частью агрессивной стратегии американских и других империалистов. Но историей доказано, что народы поднима-

лись на революцию, сталкивались и с американским вмешательством и побеждали его. Возьмем в качестве свежего примера иранскую революцию. Американский империализм прибег ко всякого рода угрозам, но он не осмелился совершить непосредственное вооруженное вмешательство, ибо отдает себе отчет в том, что перед лицом решимости иранского народа он понесет более крупное поражение, чем то, которое он понес с шахом-жандармом, вооруженным им до зубов самым современным оружием.

Новое в проповедях Каррильо заключается в том, что он стал рупором и апологетом империалистической политики, орудием реакции, распространителем паники, сеятелем семени пораженчества и капитулянтства. И кого же он предупреждает бояться иностранцев? Он предупреждает героический испанский народ, столь смело и отважно боровшийся не только с Франко, но и с вооруженным вмешательством Гитлера и Муссолини и социалистов типа Блюма, которые торпедировали революцию в Испании, и учеником которого стал ныне Каррильо.

Каррильо считает, что буржуазии незачем держать полицию и большой репрессивный аппарат. А зачем они нужны, если общественность не хочет этого, — говорит Каррильо. — Власть финансовой олигархии и капитала, — проповедует этот новый христианский поп, — должна договариваться с рабочими. Забастовки, по его мнению, можно проводить, но они должны быть координированы и организованы и патронатом, и представительством рабочих, то есть рабочей аристократией. Управляющие, — говорит Каррильо, — могут очень легко договориться с рабочими и оставить в стороне наглость, не навязывать диктат. По его мнению, это может быть достигнуто легко и без трудностей, но он рассчитывает без хозяина, говорит без учета власть имущих, без учета тех, кто держит в своих руках репрессивный аппарат, пропагандистскую машину, церковь и т.д., а они не дают себя соблазнить баснями Каррильо, но поддерживают его для того, чтобы он насаждал подобные концепции, распространял их среди рабочего класса и трудящихся слоев с тем, чтобы те жили мечтами Каррильо.

Что касается армии, то этот вопрос для Каррильо совсем простой. Нынешняя армия, пишет он в своей книге, должна преобразиться на основе демократической политики. Здесь речь идет не о том, чтобы придать ей другую политическую окраску, — говорит он, — пусть она носит ту, которую имеет теперь (т.е. реакционную), но она никоим образом не должна замышлять о военных заговорах или о повторении сегодня истории XIX века и части XX века. По мнению Каррильо, нужно избежать восстаний и гражданских войн. Он считает также, что нужно ликвидировать исторический бином: олигархия плюс вооруженные силы равны консерватизму и реакции; нужно добиться отождествления армии и гражданского общества, так как это облегчило бы, мол, демократическое развитие прогрессивных сил по пути к равноправному и справедливому обществу.

По его мнению, не следует давать повода к тому, чтобы армия включилась в действие одной или другой стороной, нужно добиваться «демократического преобразования» военного склада ума с тем, чтобы армия смогла понять, что война должна быть исключена из жизни общества, иначе это явилось бы самоубийством. Двери этой армии капитала должны быть открыты не только для кадров

из буржуазии, но и для широких слоев народа с тем, чтобы в нее могла проникнуть идеология масс, социалистическая идеология и т.д., чтобы она не была больше резервом полиции, а только орудием на службе у общественного порядка. Как это будет сделано — это уж другое дело. Но Каррильо думает, что, раз все это проповедует он, то буржуазия должна принять его «мудрые» советы, она должна мирно отказаться от главного орудия своей власти и в один прекрасный день, убедившись в том, что этого требует «справедливость», сказать Каррильо: «вот тебе власть, мы уходим, веди нас к социализму!».

В поддержку своего тезиса о возможности демократизации армии и превращения ее в армию на службе у народа, Каррильо приводит ряд настолько наивных, насколько и смехотворных аргументов. Французская армия, говорит он, демократизировалась после алжирской войны, так как были переработаны и введены уставы, «насадившие в ней демократический дух». Утверждать, что французская буржуазная армия изменила свой склад ума и не является больше орудием крупной буржуазии, а орудием в руках общественности — это просто измена.

По утверждению этого ревизиониста, военная доктрина и сама армия в капиталистических государствах переживают кризис, так как в ней, среди военных кадров есть и ястреба, и голуби. Итак, говорит Каррильо, надо мирно добиваться превращения ястребов в голубей. С этой целью, считает Каррильо, коммунистические партии должны иметь особую военную политику, но они никогда не должны думать о том, чтобы армия занималась политикой. Он говорит, что нужно прилагать усилия к тому, чтобы военная тема стала объектом политики левых, чтобы она была монополией не только правых, но и левых. На взгляд Каррильо, такая политика коммунистических партий оторвет армию от правой политики, армия будет тверже стоять на стороне нации. Так, вместе, левые и правые будут бороться и контролировать друг друга и в то же время, как это вошло в традицию, будут контролировать и государство, не буржуазное государство, а государство Каррильо, которое «будет создано» посредством реформ.

Вынеся заключения из этих «анализов» нынешнего капиталистического общества и буржуазного государства, Каррильо, выдающий себя за идеолога и теоретика еврокоммунизма, строит и стратегию перехода в социализм. Нынешняя стратегия революционеров, говорит Каррильо, заключается не в свержении власти буржуазии, так как она больше не принадлежит ей, и не в свержении буржуазных производственных отношений, так они уже изменились. Единственное, что нужно сделать, это постепенное преобразование через реформы существующих политических и идеологических учреждений, чтобы привести их в соответствие с общественной действительностью, в пользу народа.

Глава испанских ревизионистов утверждает, что теперь вполне возможно постепенное преобразование капиталистической надстройки в социалистическую без изменения ее базиса. Между тем это противоречит диалектике и простой логике. Но Каррильо интересуют свои вымышленные схемы, а не наука. А это потому, что его цель не указать разрешение проблем, а затемнить их разрешение,

завести пролетариат в тупик и на порочный путь, увести его в сторону от революции.

Каррильо, как мы уже сказали, вдохновлен всеми «теориями» — хрущевцев, троцкистов, Браудера и тысячи других изменников рабочего класса. Но он за то, чтобы говорить открыто, поставить точки над «и», иными словами, унифицировать действия с капитализмом и с мировым империализмом. В первую очередь, он, основываясь якобы на теоретических доводах, призывает всех ревизионистов и псевдокоммунистов мира ополчиться на Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Он извращает и своевольно истолковывает мысли Маркса о событиях 1848 года, об июньском восстании во Франции, о Парижской Коммуне, доходя до того, что открыто признает, что его предательские тезисы заимствованы у Троцкого или Каутского. Упоминая этих известных и дискредитированных ренегатов и противников марксизма, он показывает, в каком стойле он кормился и где истоки его «теоретических» открытий.

Полное отрицание классовой борьбы — основа всех мыслей Каррильо. На его взгляд, все классы совместно управляют нынешней буржуазной властью. Но прослойка интеллигенции для Каррильо — это все, она самая умная, самая грамотная, самая способная прослойка, самый лучший управляющий. Если бы, это было сказано при Марксе, Энгельсе и Ленине, заявляет сам Каррильо, то они называли бы это утопическими идеями. Но эти его контрреволюционные мысли наши классики не только считали бы утопией, но и называли бы изменой так же, как они называли предателями предшественников Каррильо.

Каррильо — это ревизионист, не знающий границ в своем предательстве. Все ревизионисты — предатели, но тем или иным способом старались замаскировать свое предательство. Они не осмеливались столь открыто атаковать Маркса, Энгельса, Ленина, а что касается Сталина, то его атаковывали буквально все.

Своим курсом Каррильо заходит еще дальше Хрущева и многих других. Хрущев не осмелился публично реабилитировать и Троцкого, хотя он и пытался сделать это. Называя Сталина преступником, объявляя недействительными все революционные судебные процессы, проведенные в период строительства социализма в Советском Союзе, Хрущев практически реабилитировал Каменьева и Зиновьева. Он реабилитировал и многих прочих предателей, таких как Райк и другие. И тем не менее Каррильо недоволен Хрущевым. В своей книге он укоряет его и как будто говорит ему: «Раз ты реабилитировал всех этих столь хороших людей, которых Сталин расстрелял, раз ты изменил Марксу, Энгельсу и Ленину, почему ты не реабилитировал твоего отца, Троцкого?». Поэтому Каррильо призывает к реабилитации Троцкого, к проведению кампании по восстановлению «заслуг» Троцкого.

Иными словами, Каррильо является одним из самых гнусных, самых пошлых агентов мирового капитализма. Но его «теории» не принесут капитализму особых выгод, ибо, излагая их, фактически Каррильо разоблачает псевдомарксизм современных ревизионистов. Каррильо, с одной стороны, служит мировому империализму и капитализму, так как выступает против революции и отрицает марксистско-ленинские идеи, вдохновляющие пролетариат и народы всего мира,

а, с другой — срывает маски с остальных современных ревизионистов, раскрывает перед пролетариатом и народами их истинные цели.

Сантьяго Каррильо — генеральный секретарь Коммунистической партии Испании, является выродком ревизионистского вырождения. Он перенял у современного ревизионизма то, что было в нем самым пошлым и самым контрреволюционным, и стал апологетом измены и полной капитуляции.

IV.

ЗНАМЯ РЕВОЛЮЦИИ ВЫСОКО ДЕРЖАТ И НЕСУТ ВПЕРЕД ТОЛЬКО МАРКСИСТЫ-ЛЕНИНЦЫ

Нынешнее капиталистическое, буржуазно-ревизионистское общество чревато революцией, а революция всегда руководствовалась и будет руководствоваться только идеями Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Как это всегда было, всякие идеи, норовящие ревизовать нашу великую теорию, кончат тем, что будут выброшены в урну истории. Вместе с капитализмом, империализмом и социал-империализмом они разобьются о великую силу мирового пролетариата, который руководит революцией и вдохновляется бессмертным учением марксизма-ленинизма.

Уловкам и проискам еврокоммунистов не навести тень на наше великое учение, они не пройдут. Лишь те, кто воспитан в духе этого учения и остается верным ему, видят с какими опасными и коварными оппортунистами имеют дело в своей гигантской борьбе за торжество нового, социалистического мира, мира без угнетателей, без эксплуататоров, без империалистов и социал-империалистов, поджигателей войны, без старых и новых ревизионистов-демагогов и изменников.

Во Франции, Италии, Испании, как и в других капиталистических странах, провал антиклассовых, антиреволюционных, антимарксистских теорий ревизионистов во многом зависит от пролетариата и его марксистско-ленинских партий. Без настоящей марксистско-ленинской партии, способной руководить пролетариатом в классовых схватках и революции, невозможно бороться с этими антимарксистскими теориями, распространяемыми ревизионистскими партиями, невозможно ликвидировать власть буржуазии.

Осознав большой ущерб, нанесенный делу революции и коммунизма появлением и распространением современного ревизионизма и особенно хрущевского ревизионизма, революционеры, марксисты-ленинцы сумели и смогли выдержать

эту большую контрреволюционную волну, организовать и развернуть против нее решительную борьбу.

С высоким чувством ответственности перед пролетариатом своих стран, перед мировым пролетариатом вообще, они встали во главе принципиальной и жестокой борьбы за разоблачение ревизионистской измены и взялись за создание новых марксистско-ленинских организаций и партий.

В этом великом процессе отмежевания от современного ревизионизма и борьбы за дело коммунизма, родилось и получило развитие марксистско-ленинское движение, задавшееся целью поднять и нести вперед знамя революции и социализма, преданное и брошенное бывшими коммунистическими партиями, которые вследствие ревизионистского вырождения превратились в пожарников революции и освободительных войн народов. Образование новых марксистско-ленинских партий явилось победой исторического значения для рабочего класса данной страны, как и для дела революции в мировом масштабе.

Партии, в которых пустил корни браудеровский, хрущевский, титовский, еврокоммунистический, маоистский современный ревизионизм, были ликвидированы как коммунистические партии. Ревизионизм лишил их революционного марксистско-ленинского духа, превратил их из организованных отрядов рабочего класса, призванных совершить революцию, в орудие «погашения» классово-вой борьбы, установления классового «мира», торпедирования революции и разгрома социализма.

Ввиду того, что современные ревизионисты ведут борьбу против ленинской теории и практики относительно партии, настоящие революционеры-коммунисты встают в защиту и борются за укрепление и развитие пролетарских партий, построенных на базе положений марксизма-ленинизма. Они отдают себе отчет в том, что без такой партии, без организованного и передового отряда рабочего класса нельзя идти на революцию, невозможно правильно и последовательно вести национально-освободительную борьбу, невозможно углубить буржуазно-демократическую революцию и перейти к пролетарской революции.

Марксистско-ленинская партия не рождается, не создается случайно, просто-напросто. Она рождается, создается в силу некоторых очень важных объективных и субъективных факторов. Марксистско-ленинская партия выходит из среды рабочего класса, она представляет его высокие чаяния, его революционные идеи, развивает и двигает вперед классовую борьбу. Вне рабочего класса, вне его революционных задач, вне марксистско-ленинской теории, являющейся теорией рабочего класса, никоим образом не может быть марксистско-ленинской партии.

Партия рабочего класса становится действительно его организованным отрядом, его главным штабом лишь в том случае, если она воспитывается в духе марксистско-ленинской теории и овладевает ею и если это могучее и незаменимое оружие она умело и творчески применяет в классовой борьбе за победу революции, за установление диктатуры пролетариата и построение социализма.

Партия, которая овладевает этой теорией, но не применяет или неправильно применяет ее и не исправляет допущенную ошибку, не будет идти верным путем, она отклонится от марксизма-ленинизма.

Настоящая марксистско-ленинская партия характеризуется четкой и решительной позицией в отношении современного ревизионизма, в отношении хрущевизма, титизма, маоцзэдуньидеи, еврокоммунизма и т.д. Проведение четкой демаркационной линии по этому вопросу имеет большое принципиальное значение.

Партия, допускающая в своих рядах иллюзии о том, что, например, «в Советском Союзе, независимо от хрущевской идеологии, строится социализм», что в руководстве Коммунистической партии Советского Союза имеются «бюрократы», зато имеются и «революционеры и марксисты-ленинцы», больше не стоит на марксистско-ленинских позициях, она волей-неволей отказалась от революционной стратегии и тактики, и, если не открыто, то косвенно, превратилась в просоветскую партию, пусть она на словах и высказывается против тезисов XX съезда Коммунистической партии Советского Союза и против хрущевизма. Революционный опыт показал, что нельзя бороться с хрущевизмом, не борясь в то же время с гегемонистской, шовинистической и социал-империалистической политикой, проводимой руководителями нынешнего капиталистического и империалистического Советского Союза — Брежневым и Сусловым с компанией.

Такой же характер носят и столь же вредны и взгляды тех, кто реакционный курс и проимпериалистическую политику нынешнего китайского руководства отделяет от Мао Цзэдуна и маоцзэдуньидеи. Невозможно бичевать и разоблачать контрреволюционные позиции Дэн Сяопина и Хуа Гофэна, не бичуя и не разоблачая идеологическую основу их действий — маоцзэдуньидею.

Албанская партия Труда пришла к такому выводу, подвергнув глубокому анализу маоцзэдуньидею и линию Коммунистической партии Китая. Защищать Мао Цзэдуна и его идеи, не углубившись в события и факты, не подвергнув их серьезному анализу, значит идти на ревизионистское отклонение. Не разъяснив это положение, невозможно стоять на настоящих марксистско-ленинских позициях.

Марксистско-ленинские партии и пролетариат ни в коем случае не умаляют роли давления буржуазии и ее идеологии, притеснительной силы капитализма, империализма, социал-империализма и тлетворной ревизионистской идеологии. Это давление и это отрицательное влияние становятся вредными и весьма опасными в случае, если партия пролетариата не ведет с ними решительную борьбу и если она не обладает прочной организованностью и железной пролетарской дисциплиной, если она не характеризуется стальным единством мнения и действия, исключаящим любой дух фракционности и кружковщины.

Именно поэтому марксистско-ленинские партии, наряду с работой по подъему идейного уровня своих членов и с борьбой против ревизионизма и влияния буржуазной идеологии, уделяют самое большое внимание своему внутреннему организационному укреплению на основе ленинских принципов и норм. Партия является или становится революционной партией в том случае, если ее ряды пополняются преданными, активными и испытанными революционерами. Они решительно борются с интеллектуалистскими и сектантскими концепциями, кото-

рые порой, прикрываясь требованием принимать в партию «подготовленных людей», закрывают двери партии перед рабочими и надежными элементами из других слоев трудящихся масс, которые, будучи членами партии, могут приобрести все качества, характеризующие авангард революционного пролетариата.

Сентиментальность, либерализм, погоня за количеством с целью создать впечатление пополнения рядов партии новыми членами, вредны и чреваты тяжкими последствиями. Такой прием новых членов, прием без строгого соблюдения марксистско-ленинских норм не только не ограждает партию от влияния и давления буржуазии и от ее ударов извне, но и способствует проникновению в ее ряды разных элементов извне, которые раскалывают и ликвидируют ее.

Марксистско-ленинские партии в капиталистических странах работают и действуют в трудных условиях и сталкиваются с многочисленными опасностями, грозящими им с разных сторон. Опасности эти не воображаемые. Они реальные и встречаются каждый день, на каждом шагу, во всей их работе. Их невозможно отвести, если коммунисты не поймут, что в основе программы действия и борьбы партии лежит необходимость самоотверженной борьбы за великие идеалы пролетариата и дело коммунизма, если они не готовы сознательно и без всяких колебаний, в любой момент, в любой ситуации, при любых обстоятельствах пойти на самоотвержение, когда этого требуют высшие интересы пролетариата и народа.

В капиталистических странах наличие многих партий вызывает большой разброд в умах людей. Эти партии являются партиями голосов, стоящими на службе у местного и мирового капитала. Этот объединенный капитал господствует с помощью государственной власти и денег, господствует посредством организованной силы армии, полиции и других органов насилия. Партии, связанные с капиталами, с концернами и разными транснациональными корпорациями, ведут игру «демократии» с тем, чтобы увести массы в сторону от борьбы за осуществление своей главной цели — свержения капитала и взятия государственной власти в руки, совершения революции.

Буржуазные партии неспроста придерживаются определенных установок и применяют определенные организационные и политические формы. Они, например, не против того, чтобы в них входил и выходил кто угодно и когда ему угодно. Все «свободны» болтать и кричать, выступать с речами на собраниях и митингах, но зато никому не позволено выходить за рамки так называемой свободы слова. Переход от свободы слова к конкретным действиям классифицируется и трактуется как анархизм, преступление и террор.

Марксистско-ленинская партия никоим образом не может быть такой партией. Она не партия словес, а партия революционного действия. Если ее члены не включаются в конкретные действия, в конкретную борьбу, то она не подлинно марксистско-ленинская партия, такая партия будет марксистско-ленинской только по названию. Такая партия в определенные моменты обязательно распадется на разные фракции, она будет иметь много линий, которые будут сосуществовать, и превратится в либеральную, оппортунистическую и ревизионистскую партию. Такая партия не подходит рабочему классу и не нужна ему.

Революционная марксистско-ленинская партия не может мириться ни с реформизмом, ни с анархизмом и терроризмом. Она против всех этих контрреволюционных течений, в какой бы форме они ни проявлялись. Партия всегда должна иметь в виду, что не может быть, чтобы буржуазия не атаковывала ее, не может быть, чтобы ее действия не рассматривались как действия анархистов и террористов. Однако партия не должна из-за этого плестись в хвосте событий и движения масс, отказаться от революционных выступлений и тем самым очутиться в заколдованном круге ревизионистских и реформистских партий.

Именно в совокупности политической, идеологической и экономической борьбы массы видят подлинный революционный характер выступлений, которые марксистско-ленинские партии во главе рабочего класса предпринимают против буржуазии, социал-демократии, ревизионизма и буржуазного государства. Массы умеют отличать подлинные революционные действия, отвечающие их интересам, от терроризма и анархизма. Вот почему они примыкают к революционным выступлениям, проходящим под руководством марксистско-ленинских партий, и поднимаются против власти буржуазии, невзирая на удары и жестокий гнет со стороны капиталистической буржуазии, доходящие до кровавых действий против рабочего класса и настоящих коммунистов.

Марксистско-ленинская коммунистическая партия не боится гражданской войны. К этой войне приводят жестокий буржуазный гнет и насилие. Известно, что гражданская война не ведется между рабочим классом и честными трудящимися, она ведется трудящимися массами против господствующей капиталистической буржуазии и ее репрессивных органов. Революционная борьба пролетариата должна привести к захвату власти через насилие. Именно этого и боятся капиталисты, буржуа, ревизионисты. Вот почему социал-демократия и современные ревизионисты мешают рабочему классу обрести революционную сознательность, осознать смысл экономических, политических и идеологических проблем, добиться той революционной зрелости и прочной организованности, которые способствуют созданию субъективных условий борьбы за взятие власти.

Своей стратегией и тактикой, воспринятыми также еврокоммунистами, буржуазия пытается расколоть рабочий класс, чтобы не иметь перед собой единую ударную силу, тогда как марксистско-ленинские партии добиваются обратного — единства рабочего класса.

Буржуазия боится революционной организованности и единства пролетариата, который, вопреки утверждениям еврокоммунистов и других ревизионистов, продолжает оставаться главной революционной движущей силой нашего времени. Поэтому она старается держать под своим постоянным контролем профсоюзные организации и профсоюзные центры, которых в капиталистических странах может быть много и между которыми нет существенных различий, несмотря на различия их названий и их программ. Через буржуазные и ревизионистские партии и посредством своих государственных структур буржуазия как никогда раньше поощряет диверсионную роль открыто манипулируемых ею профсоюзов.

Такого рода профсоюзы, как показывают факты, во многих странах полностью интегрировались в экономический и государственный организм капитализма, став его придатком. Все более открытое сотрудничество профсоюзных центров с патронатом, с финансовым капиталом и с буржуазными правительствами — известный факт. Профсоюзное движение, в своем нынешнем состоянии, не бросает вызов капитализму, а работает на него, старается подчинить себе пролетариат, ограничить и подорвать его борьбу против капитализма. Некоторые из этих профсоюзов похожи скорее на крупные капиталистические концерны, нежели на профсоюзные организации.

Это факт, что европейский пролетариат, вследствие подрывной деятельности ревизионистов и социал-демократии, как и буржуазно-реформистских профсоюзных центров, продолжает оставаться расколотым, а добрая часть рабочих манипулируется ими. Контроль ревизионистов и социал-демократов над профсоюзным движением чрезмерно мешает расширению классовой борьбы, формированию и росту революционного сознания трудящихся. Поэтому единственным путем для марксистов-ленинцев и революционеров является разоблачение деятельности ревизионистов, подрыв их позиций в профсоюзном движении и создание революционных профсоюзов. Понятно, эти новые профсоюзы не могут не ставить себе целью достижение единства рабочего класса в борьбе с властью капитала, с его демагогией, с демагогией буржуазных и ревизионистских партий.

Бороться с так называемыми традиционными профсоюзами, это не значит быть в принципе против существования профсоюзов, как массовых организаций широкого характера, как центров организации и сопротивления рабочего класса, исторически неизбежных и необходимых в условиях капитализма для сплочения рабочего класса и включения его в классовую борьбу против буржуазии.

Выдвигая задачу создания революционных профсоюзов, марксисты-ленинцы нисколько не бросают работу в существующих профсоюзах, объединяющих большие массы рабочих, иначе они дали бы профсоюзным боссам свободно манипулировать рабочим классом и использовать его в своих интересах, в интересах капитала.

Пребывание коммунистов в существующих профсоюзах не определяется конъюнктурами и является не «тактикой», как это изображают дело троцкисты, а принципиальной позицией, вытекающей из ленинского положения о необходимости единства рабочего класса, которое не может быть достигнуто без работы среди масс и не высвободив их из-под влияния буржуазии и разных оппортунистов.

Конечно, борьба марксистско-ленинской партии внутри реформистских и ревизионистских профсоюзных центров имеет своей целью не исправление или перевоспитание профсоюзных лидеров, не их улучшение и преобразование. Ставить такую цель значит пойти на новый реформизм. Марксисты-ленинцы работают среди профсоюзных масс с целью их воспитания и подготовки к антикапиталистическим, антиимпериалистическим и антиревизионистским, революционным действиям. В процессе этой работы и этой борьбы достигаются и сплоченность и монолитность пролетариата.

Но, как учит марксизм ленинизм, единство рабочего класса достигается прежде всего в практической сфере, через политические выступления, согласованные с экономическими требованиями, отдавая предпочтение политическим выступлениям. Прочно стоя на классовых революционных позициях, марксисты-ленинцы борются за сочетание экономических требований с политическими требованиями и на этой основе изобличают и разоблачают также предательскую деятельность профсоюзных лидеров, которые через разные профсоюзные ухищрения жертвуют высокими и коренными интересами пролетариата.

В настоящее время миллионы людей включаются в забастовки и проводят демонстрации с экономическими требованиями, носящими и политический характер, поскольку борьба идет против капитализма, отказывающегося признавать права рабочих. Но все они кончаются соглашением между профсоюзными боссами и капиталистами, которые делают забастовщикам кой-какую незначительную уступку, чтобы доставить им известное удовольствие. А если в действительности придать этим требованиям политический характер, то прихвостни капитала в профсоюзах и сам капитал окажутся перед большими трудностями.

Как раз сочетания экономической борьбы с политической очень боятся рабочая аристократия и капиталистическая буржуазия. Они боятся политической борьбы, потому что она далеко уводит рабочий класс, уводит его и к столкновениям и нападениям. Как следует проведенные политические выступления ослабляют руководство капиталистической буржуазии профсоюзами, ломают правила, законы, все, что ею установлено для порабощения рабочего класса, открывают глаза рабочему классу.

Рабочий класс — это руководящий класс и как таковой он должен преодолеть буржуазную и мелкобуржуазную психологию. А для этого необходимо вести борьбу как против либеральных оппортунистических взглядов, приводящих к праву синдикалистским уклонам, так и против сектантских взглядов, отрывающих подлинную марксистскую партию от живой массовой и конкретной работы. Как первые, так и вторые взгляды чреватые весьма вредными для дела революции последствиями. Так же, как неправильно свести профсоюзное движение только к экономическим требованиям, нужно преодолеть и опасение того, как бы борьба за экономические требования не привела в оппортунизм и не превратилась в просто профсоюзную борьбу.

Марксистско-ленинские партии борются за единство рабочего класса, рассматривая его как основу единства всех народных масс, совершенно противоположного тем беспринципным и контрреволюционным союзам, которые проповедуются еврокоммунистами.

Углубление кризиса, переживаемого капиталистическим и ревизионистским миром, расширяет социальную и классовую основу революции. В революционном движении наряду с рабочим классом все активнее участвуют и другие эксплуатируемые капитализмом слои общества — крестьянство, мелкая городская буржуазия, интеллигенция и студенчество, молодежь и массы женщин. Вот почему вопрос установления связей с этими массами и руководства ими составляет для марксистско-ленинской партии первоочередную задачу.

Непосредственная работа марксистско-ленинской партии и ее членов среди масс действительно необходима и имеет большое значение, однако одной этой работы недостаточно для распространения влияния партии на широкие трудящиеся массы в случае, если не организовать и не привести в движение и ее рычаги, массовые организации — молодежные, женские и другие. Марксистско-ленинская партия работает в гуще масс, в том числе и в организациях, руководимых и манипулируемых буржуазными и ревизионистскими партиями, чтобы высвободить их из-под влияния их реакционной и оппортунистической идеологии так же, как она работает и для создания революционных массовых организаций, борющихся за линию партии и убежденно, сознательно действующих под ее руководством.

Молодежь, женщины и другие трудящиеся массы в странах, где властвует капитал, составляют большой резерв революции. Миллионами исчисляются теперь массы безработных юношей, девушек и женщин, отверженных буржуазией и обреченных ею на беспросветную жизнь, в результате чего среди них кипит негодование и накапливаются элементы революционных взрывов. Рассматривая движение прогрессивной молодежи, студенчества, интеллигенции и женщин как важную составную часть широкого революционного демократического и освободительного движения в целом, марксисты-ленинцы стараются революционный порыв и чаяния этих широких масс соединить с порывом и чаяниями рабочего класса, организовать, воспитывать и вести их по правильному пути. Когда неиссякаемая энергия молодежи, женщин и других масс соединяется с энергией рабочего класса, руководимого пролетарской партией, нет силы, способной предотвратить победу революции и социализма.

Гегемония пролетариата была бы неполной и неэффективной в случае нераспространения ее на все заинтересованные в революции слои населения, особенно на крестьянство, которое в подавляющем большинстве стран является главным и самым могучим союзником рабочего класса. Союз рабочего класса с крестьянством составляет одновременно основу объединения в широкий фронт всех трудящихся масс, всех тех, кто так или иначе борется против капитализма и империализма, против гнета и эксплуатации со стороны монополий и транснациональных корпораций.

В настоящее время на улицах городов и деревень капиталистических стран устраиваются многочисленные митинги и демонстрации. Конечно, они устраиваются буржуазными, социал-демократическими и ревизионистскими партиями, которые, выводя массы на улицы, преследуют определенные цели. В первую очередь они стремятся держать под своим контролем разгневанные массы трудящихся и ограничивать их требования дозволенными буржуазией экономическими рамками. Долг коммунистов заключается не в том, чтобы, поскольку демонстрации устраиваются буржуазными и ревизионистскими партиями, сторониться их, а принимать участие в этих выступлениях масс и превратить их в политические демонстрации и схватки с буржуазией и ее лакеями.

Топтание на месте, апатия и бесплодные дискуссии губительны для марксистско-ленинской партии. Если марксистско-ленинская партия не находится постоянно в действии, в движении, не ведет постоянной агитации и пропаганды, если она не принимает участия в разных манифестациях рабочего класса и других трудящихся масс, хотя они и могут развертываться под влиянием реформистских партий, то она не сможет изменить направление, которое реформистские партии придадут выступлениям масс.

Правильную линию марксистско-ленинской партии нельзя довести до масс только через ее печать, которая обычно довольно ограниченная. Ее доводят до масс сами коммунисты, сочувствующие, члены массовых организаций как раз в ходе выступлений рабочего класса и других трудящихся масс, когда эти последние находятся в движении, в борьбе и схватках за свои экономические и тем более политические права.

Такое активное революционное действие гарантирует осуществление двух важных целей: с одной стороны, закалку самой партии в акциях вместе с массами и рост ее авторитета и влияния; с другой стороны — возможность для партии распознавать в ходе этих акций самых передовых в политическом и идеологическом отношении элементов рабочего класса, своих будущих наилучших и наиболее решительных членов. Именно в этих людях марксистско-ленинские партии черпают свежую кровь для своих рядов, а не в некоторых недовольных элементах из рядов интеллигенции или же в отдельных ищущих справедливости безработных, которые, хотя и возмущены, не так уж устойчивы и не согласны с железной дисциплиной марксистско-ленинской пролетарской партии.

Руководители ревизионистских партий полагают, что вся работа партии состоит в непрерывных дискуссиях, в бесплодных теоретизированиях и пустопорожних спорах по тому или иному вопросу. От такой бесплодной работы никакого проку нет. Ревизионистские партии обрабатывают массы через свою печать, которая, следует отдать им должное, у них большая. Сами эти партии являются крупными капиталистическими трестами и свою пропаганду ведут через особых наемников. Эти наемники стали мастерами внушения трудящимся массам, что должны и чего не должны они делать. Своей демагогией они затемняют трудящимся массам конечную цель — свержение капиталистической системы — и внушают им, будто достигаемое посредством обычной забастовки составляет все. Этот большой обман выгоден капиталистической буржуазии. Вот почему буржуазию не тревожат словеса, статьи, выступления ревизионистских наемников и забастовки, проводимые под руководством их партий.

Марксистско-ленинские партии никогда не прибегают к таким формам обыкновенной пропаганды ревизионистских партий. Они отдают себе отчет в том, что восстание, революция не приходят сами собою. Их следует готовить. И они наилучшим образом подготавливаются в акциях. Однако кроме акции нужна и теория, которой она руководствуется. Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин учат, что без революционного действия нет революционной теории и без революционной теории нет революционного действия.

Работа марксистско-ленинской партии среди масс и сплочение масс на борьбу за осуществление конкретных политических целей составляет важную задачу, так как революция совершается не одним только рабочим классом и тем более не одним только его авангардом, коммунистической партией. Для совершения революции рабочий класс вступает в союзы с другими социальными силами, с прогрессивными партиями или их фракциями, с прогрессивными людьми, с которыми его объединяет общность интересов по разным вопросам в различные периоды. Вместе с ними он создает широкие народные фронты, вырабатывающие определенные политические программы. Партия рабочего класса не растворяется в этих фронтах, она неизменно сохраняет свою организационную и политическую независимость.

Вопрос о союзах — это щекотливый и весьма острый вопрос. Марксистско-ленинская партия должна проследивать, изучать и определять тенденции, требования и противоречия, существующие в движении масс, иными словами, диалектику классовой борьбы. На этой основе она выбирает верный путь к заключению разных союзов. В способности подвергать трезвому анализу и правильно оценивать ситуации, существующие в массах и в разных политических группировках, и проявляется зрелость марксистско-ленинской партии при создании нужных союзов. Лишь осуществляя правильную политику и точно предсказывая события и их ход, партия рабочего класса сможет сохранить свою личность в этих союзах и усилить свое влияние на массы, которые она стремится сплотить и поднять на революцию.

Создание разных союзов и образование на их основе широких народных фронтов становится неотложной задачей особенно ввиду нарастания во многих странах прямой угрозы фашизма, а также усиления давления и вмешательства сверхдержав во всех странах. Достижению этого сплочения и этих союзов благоприятствует тот факт, что в теперешнем революционном процессе национальный момент приобретает особое, постоянно растущее значение.

Это связано с форсированием экспансионистской, гегемонистской и агрессивной политики империалистических держав. Но захват страны осуществляется не всегда посредством вооруженной агрессии. Захват, колонизация, угнетение и эксплуатация осуществляются и другими, «новыми», «современными» экономическими, культурными, политическими формами, которыми прикрываются империалистическое господство и жестокость.

Поэтому, когда говорим, что революция стоит на повестке дня, имеем в виду и вышеупомянутые национальные моменты, то есть захват одной или нескольких стран великими капиталистическими и империалистическими державами как непосредственно вооруженными силами, так и косвенными средствами и путями. В этом смысле и такие страны, как Италия, Испания, Португалия и другие, хотя они непосредственно и не оккупированы иностранными войсками силой оружия, все-таки терпят от иностранного ига и вмешательства.

Еврокоммунисты могут сколько им влезет рассказывать басни о том, будто их страны свободные и суверенные. Фактически испанский, итальянский, порту-

гальский и другие народы подвергаются гнету и эксплуатации. В их странах существует буржуазная демократия, но там государство во всех отношениях связано с иностранным капиталом. Народ, рабочий класс не пользуются истинной демократией и суверенитетом. Они не свободны, так как все обуславливается иностранным капиталом.

В годы второй мировой войны, в период оккупации многих стран немецкой или итальянской фашистской армией, квислинги и коллаборационисты присоединились к захватчикам. И сегодня другие квислинги и коллаборационисты, под другими масками и лозунгами, находятся у власти и тысячами нитей связаны с новыми, современными захватчиками, неоколониалистами и их капиталами.

Для подготовки и совершения революции важное значение имеет и революционная работа в рядах буржуазных армий, которые, по выражению Ленина, суть

«... главные орудия силы государственной власти» *.

Ленин дал ответы на многие теоретические и практические вопросы, связанные с необходимостью революционной работы в рядах буржуазных армий, он определил пути борьбы с этими армиями, пути их деморализации и разложения. Этот вопрос приобретает особо важное значение в нынешних условиях, когда во многих странах быстро назревает революционная ситуация. Буржуазная армия вообще — это вооруженная до зубов буржуазия, противостоящая пролетариату и народным массам.

Многочисленность армий в капиталистических странах создает впечатление, будто в таких условиях совершение революции и ломка угнетательского и эксплуататорского государства невозможны. Эти взгляды распространяют и пропагандируют особенно еврокоммунисты, которые даже перьями не трогают буржуазную армию. Что касается количественного состава армии, то это для революции не так уж важно, а для буржуазии он представляет собой волнующие проблемы. Пополнение армии многочисленными элементами из различных слоев населения создает более благоприятные условия для того, чтобы разложить армию и настроить ее против самой буржуазии.

Итак, революция сталкивается с двумя крупными проблемами. С одной стороны, она должна привлечь на свою сторону рабочий класс и трудящиеся массы, без которых нельзя идти на революцию, а с другой — деморализовать и разложить буржуазную армию, подавляющую революцию. В профсоюзах буржуазия использует в своих целях рабочую аристократию, в армии же она использует касту офицеров, которые выполняют в ней те же функции, что и профсоюзные боссы в профсоюзах.

Принципы, законы и организационные структуры буржуазных армий таковы, что дают возможность буржуазии держать армию под своим контролем, готовить ее в качестве орудия подавления революций и народов. Это говорит о глу-

---

* В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 459, алб. изд.

боко классовом и реакционном характере буржуазной армии и разоблачает попытки изображать ее как «надклассовую», «национальную» армию, «стоящую в стороне от политики», «соблюдающую демократию» и т.д. Буржуазная армия в любой стране, как бы эта страна ни обладала «демократическими традициями», является антинародной армией, призванной защищать господство буржуазии, осуществлять ее экспансионистские вождедения.

Тем не менее буржуазная армия — это не компактная масса, в ее рядах нет и не может быть единства. Антагонистические противоречия между капиталистической и ревизионистской буржуазией, с одной стороны, и пролетариатом и трудящимися массами — с другой, отражаются и в армиях капиталистических и ревизионистских стран. Интересы солдатской массы, состоящей из сынов рабочих и крестьян, диаметрально противоположны характеру буржуазной армии и миссии, которую буржуазия возлагает на свою армию. Эта масса, как и рабочие и трудящиеся вообще, заинтересована в свержении эксплуататорского строя, вот почему буржуазия запирает ее в казармы, обособляет ее от народа, превращая армию, по выражению Ленина, в «тюрьму» миллионных солдатских масс.

В этом источник постоянно обостряющегося конфликта между солдатами, которые являются сынами народа, и командным составом, офицерами, которые являются исполнительной рукой капиталистической буржуазии и подготовлены и воспитаны для того, чтобы преданно служить интересам капитала. Работа марксистско-ленинской партии состоит в том, чтобы настроить солдата против офицера, внушить ему, что он не должен выполнять его приказы, соблюдать буржуазную дисциплину и законы, что он должен портить оружие, чтобы его нельзя было использовать против народа.

«Без «дезорганизации» армии, — говорил Ленин, — ни одна великая революция не обходилась и обойтись не может. Ибо армия есть самый закостенелый инструмент поддержки старого строя, наиболее отвердевший оплот буржуазной дисциплины, поддержки господства капитала, сохранения и воспитания рабской покорности и подчинения ему трудящихся» *.

Конечно, методы, формы и тактические приемы, которые могут быть использованы для дезорганизации и разложения армии — многочисленные и разнообразные в зависимости от конкретных условий. В настоящее время условия в разных странах разные, следовательно, и тактические приемы марксистов-ленинцев в разных странах разные. Есть страны, где фашистская диктатура и террор установлены открыто, есть другие страны, где можно и нужно использовать и те существующие немногочисленные легальные формы буржуазной демократии. Но вообще, особая индивидуальная работа с рядовым солдатом в казарме и вне ее, решительная борьба рабочих, постоянные забастовки, демонстрации, митинги,

---

* В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 321, алб. изд.

протесты и т.д., играют важную роль как в мобилизации масс, так и в дезорганизации буржуазной армии.

«... все эти пробные, так сказать, сражения и схватки, — указывал Ленин, — неизбежно втягивают войско в политическую жизнь, а следовательно, и в круг революционных вопросов. Опыт борьбы просвещает быстрее и глубже, чем могли бы при других условиях сделать годы пропаганды» *

С рядовым солдатом, сыном народа нужно работать еще до его призыва в армию, затем во время несения военной службы, что является более решающей фазой, и продолжать эту работу и когда он, отслужив военную службу, становится запасником. Не следует исключить и работу с офицерами низших чинов, чтобы оторвать их от касты высших офицеров и убедить их не поднимать руку на народ.

Конечно, политическая работа в армии является настолько опасной, насколько и важной. Если в профсоюзах за политическую деятельность и пропаганду наказание может доходить, самое большее, до увольнения с работы, то в армии, где политическая работа и пропаганда строго запрещены, наказание может дойти до расстрела. Однако у коммунистов-революционеров никогда не отсутствовали ни дух самопожертвования, ни убеждение в том, что без работы в этом секторе нельзя открыть путь к революции.

Дезорганизация буржуазной армии является в то же время составной частью стратегии, стремящейся расстроить поджигательские планы капиталистической буржуазии, саботировать захватнические войны и превратить их в революционные войны. Так поступили большевики с царской армией во время Ленина. Свержение Керенского и его правительства, выступавшего за продолжение империалистической войны, ленинская политика мира, ленинские положения об аграрном вопросе, о распределении земли бедным крестьянам и т.д. — все это определило тот факт, что солдаты перешли на сторону революции, а каста офицеров осталась с белогвардейцами, перешла на сторону контрреволюции. Ленинская стратегия и тактика борьбы с буржуазной армией облегчают мобилизацию и поднятие рабочего класса и народов на революцию, на антиимпериалистическую и национально-освободительную борьбу.

У мирового революционного движения богатый опыт работы в рядах буржуазной армии. В России, в 1905 году, в царской армии были созданы солдатские революционные комитеты, руководимые Российской социал-демократической партией с Лениным во главе. В дни февральской революции 1917 года, но особенно в дни Октябрьской революции в частях и соединениях царской армии были созданы партийные ячейки, как и солдатские и матросские советы, сыгравшие решающую роль в деле перехода буржуазной армии в массовом порядке на сторону революции.

---

* В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 402-403, алб. изд.

В Албании во время Антифашистской Национально-освободительной борьбы Коммунистическая партия Албании в условиях глубокого подполья вела работу в рядах армии и даже и жандармерии, полиции и т.д. с целью парализовать их, вызвать в их рядах беспорядки и дезертирство. Вследствие этого враг потерял доверие к старой албанской армии, стоявшей на службе у оккупантов, а в некоторых случаях интернировал целые части ее. В то же время из рядов старой армии много военных перешло на сторону нашей Национально освободительной армии.

Возьмем другой, более свежий пример, пример армии иранского шаха и касты ее офицеров; она, хотя и была вооружена до зубов самым современным оружием, не оказалась в состоянии действовать решительно и подавить антиимпериалистическое и антимоноархическое восстание иранского народа.

Режим Пехлеви был одним из самых варварских, самых кровавых, самых эксплуататорских и подкупленных режимов в современном мире. Жестокая диктатура Пехлеви опиралась на феодалов, на крупных богачей, созданных режимом, на реакционную армию и ее руководящую касту, на САВАК, который, по выражению самого шаха, был «государством в государстве». Пехлеви, которые господствовали террором, были продажными компаньонами американского и английского империализма, самыми вооруженными жандармами Персидского Залива, выполнявшими приказы американского ЦРУ.

Тем не менее ни свирепый террор, ни армия, ни САВАК и т.д. не смогли подавить волнения иранского народа, которые в различных формах с различной интенсивностью продолжали расти и поднялись в качественном отношении, преодолев стадию страха перед насилием. В этом процессе произошел распад армии и САВАК, защитников кровавого режима шаха, а часть армии перешла на сторону народа, который захватил оружие и носит его. Этот опыт показывает, что армия и полиция, как бы многочисленными и вооруженными они ни были, не могут остановить революцию, если народ поднимается единым блоком и если ведется тщательная работа по деморализации и разложению буржуазной армии и полиции.

В капиталистических странах всякого рода люди говорят о «революции» и о якобы революционных выступлениях, это уже вошло в моду. Так называемые левые с надрывом говорят о «революционных мерах», но тут же устанавливают границы. Они «объясняют», что не везде и не во всех областях нужно принимать революционные меры, а нужно лишь внести кое-какие «изменения». Следовательно, с целью надувательства масс, требующих радикальных революционных изменений, создать иллюзию о том, будто принимаются революционные меры.

«Левые» так же, как и буржуазия, смотрят на армию как на «неприступный оплот» и совсем не ставят вопрос о ее деморализации, разложении и разрушении. Марксистско-ленинские партии, напротив, не игнорируя другие направления борьбы, рассматривают борьбу за единство рабочего класса и разложение буржуазной армии как два направления решающего значения для победы революции.

«Разумеется, — говорил Ленин, — если революция не станет массовой и не захватит самого войска, тогда не может быть и речи о серьезной борьбе» *.

Работа марксистов-ленинцев в рядах буржуазной и ревизионистской армии нацелена на то, чтобы втянуть военных в сознательную революционную деятельность, а не просто организовать государственные перевороты. Марксисты-ленинцы никогда не рассматривали и не рассматривают ликвидацию капиталистического строя как дело военных путчей и заговоров, а как результат сознательной деятельности и активного участия масс в революции.

Во многих странах мира вошли в моду государственные перевороты, заговоры, организованные кастой офицеров. С их помощью монополистические группы свергают одно правительство и заменяют его новым, служащим их интересам. С помощью военных путчей американские империалисты и советские социал-империалисты во многих странах мира привели к власти и поставили себе на службу реакционные клики. В таких случаях солдатская масса часто слепо служила интересам местных господствующих классов и империалистическим сверхдержавам.

В таких случаях настоящие революционеры учат массу солдат не поддаваться обману реакционной пропаганды, изображающей государственные перевороты как действия в «интересах нации», «в интересах народа и защиты родины» и т.д.

Они также разъясняют, что ни анархизм, ни терроризм, ни бандитизм, получающие широкие размеры в капиталистических и ревизионистских странах, не имеют ничего общего с революцией. Из повседневных фактов явствует, что анархистские, террористские и бандитские группы используются реакцией в качестве оправдания и оружия для организации и установления фашистской диктатуры, для запугивания мелкой буржуазии, чтобы она стала орудием и теплой почвой для фашизма, чтобы усмирить рабочий класс и заковать его в цепи капитализма под угрозой того, что он может потерять и те немногие крошки, которые ему «предоставлены» буржуазией.

Все эти течения и группы прикрываются заманчивыми названиями, — «пролетарские», «коммунистические», «красные бригады» и другими названиями, вызывающими настоящий разброд. Действия этих групп не имеют ничего общего с марксизмом-ленинизмом, с коммунизмом.

В своей пропаганде буржуазия обвиняет также коммунистов, тех, кто в самом деле стоит за революцию и социализм, за свержение господства буржуазии, в терроризме, анархизме и бандитизме, пытаясь поднять общественность против настоящих революционных организаций пролетариата и его авангарда. В этом состоит и одна из главных причин того, почему она поощряет терроризм и бандитизм, которые в таких странах, как Италия, приобретают широкие размеры.

Марксисты-ленинцы всегда учитывают эти поползновения и ухищрения буржуазии и разоблачают их, борются за то, чтобы сорвать их. Они отвергают

---

* В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 183, алб. изд.

нападки, обвинения и клевету буржуазии и ее лакеев, называющую подпольную деятельность марксистско-ленинских партий терроризмом и бандитизмом.

Пребывание марксистско-ленинской партии на нелегальном или полунелегальном положении или же в глубоком подполье зависит от конкретных условий данной страны. Но, независимо от этих условий, организация подпольной работы является самым надежным залогом победы. Без этой организации мощная ударная сила буржуазной диктатуры в подходящий для нее момент разит пролетариат и его авангард, причиняя им огромный ущерб.

Партия рабочего класса, которая не предусматривает горячих моментов, ударов и столкновений с силами капиталистической буржуазии, не является подлинно революционной партией. Теоретическое положение о том, что власти у буржуазии нельзя вырвать иначе, кроме как путем насилия, путем борьбы и жертв, остается для нее пустым фразерством, словесами. Суровые моменты борьбы являются неизбежными, и в такие суровые моменты борьбы одни только легальные пропагандистские базы недостаточны. В такие моменты коммунистическая партия должна иметь и свои базы борьбы, она должна иметь свою ударную силу, свой тыл, обладающий необходимыми политическими, идеологическими и материальными средствами. Грядущие акции потребуют жертв, кое-кто будет убит, искалечен или брошен в тюрьму, поэтому нужно работать над тем, чтобы сплотить вокруг партии большое число преданных людей, решительных революционеров, которые бы прислушивались к ее слову и вместе с ней включились в революционные действия.

В то же время марксистско-ленинские партии умеют использовать и буржуазную «демократию», и возможности, создаваемые легальной работой и легальной борьбой для подготовки революции. Действуя в легальных условиях, они добиваются того, чтобы их действия служили делу осуществления требований и задач революции, идейно-политической, организационной и военной подготовке партии и масс к свержению буржуазии, независимо от того, что разрешают буржуазные законы, а чего нет.

Настоящие революционные партии умеют во всех случаях и в любых условиях правильно организовать, вести и сочетать подпольную борьбу с легальной, используя только такие формы работы и революционную тактику, которые не затемняют их стратегию иллюзиями о буржуазном легализме и буржуазной демократии.

«Для всех стран, даже для самых свободных, «легальных» и «мирных» в смысле наименьшей обостренности классовой борьбы, — говорил Ленин, — вполне назрел период, когда является безусловно необходимым для всякой коммунистической партии систематическое соединение легальной и нелегальной работы, легальной и нелегальной организации» *

---

* В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 211, алб. изд.

На первый взгляд кажется, будто в Западной Европе рабочий класс крепко закован в цепи социал-демократии и ревизионистов, называющих себя еврокоммунистами, будто рабочее движение находится под сильным влиянием буржуазной и ревизионистской идеологии. Но это не соответствует действительности. Более того, это не говорит о тенденциях общественного развития, о процессах, происходящих в среде трудящихся масс, об исторической необходимости и велении времени.

Буржуазия, ревизионисты и все другие оппортунисты пытаются сдержать революцию, погасить коммунистический идеал. В определенные этапы и при известных исторических условиях им удается обмануть пролетариат и трудящиеся массы, в какой-то мере затмить перспективы социалистического будущего. Но это временное и преходящее явление. Революцию и социализм как теории и практическую деятельность нельзя навязать массам извне, отдельными лицами или группами людей. Революция и социализм — это единственный ключ пролетариата и масс к разрешению непримиримых противоречий капиталистического общества, к уничтожению гнета и эксплуатации, к завоеванию подлинной свободы и равенства. А до тех пор, пока будут гнет и эксплуатация, до тех пор, пока будет капитализм, мысли и усилия масс всегда будут стремиться к революции и социализму.

Еврокоммунисты отбросили прочь знамя марксизма-ленинизма, революции и диктатуры пролетариата. Они проповедуют классовый мир и слагают гимны буржуазной демократии. Но проповедями и гимнами нельзя излечить язвы буржуазного общества, нельзя разрешить его противоречия. Это уже доказано историей, и ее уроками нельзя пренебрегать. Пролетариат, угнетенные и эксплуатируемые естественно идут к революции, диктатуре пролетариата, социализму. Так же естественно они ищут пути к осуществлению этих исторических чаяний, и этот путь им указывает бессмертная теория Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Долг новых марксистско-ленинских коммунистических партий — взять в свои руки руководство классовыми битвами, брошенное еврокоммунистами, дать пролетариату и массам тот боевой, воинствующий авангард, которого они ищут и который они согласны иметь своим вожаком.

Ситуации — трудные, но вспомним оптимистичные слова Сталина о том, что «нет таких крепостей, которых не взяли бы большевики». Этот революционный оптимизм вытекает из самих объективных законов развития общества. Капитализм — это строй, обреченный историей. Ничто — ни яростное сопротивление буржуазии, ни измена современных ревизионистов не могут спасти его от неизбежного конца. Будущее принадлежит социализму и коммунизму.

